

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-1 (63)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4-1 (63), 2024

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Готов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
к.ф.н. Л.Б. Хавжокова, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-1 (63)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4-1 (63), 2024

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Candidate of Philology *L.B. Havzhokova*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Фоменко В.А.</i>	Древности Кабардино-Балкарии эпохи энеолита.....	7
<i>Алоев Т.Х.</i>	Гибель Бесленя: к имплементации владикавказского плана 1860 г. в отношении населения западношагского княжества	15
<i>Абаева Асият М., Абаева Асуана М.</i>	Этнографическое описание черкесов в труде австрийского путешественника Фридриха Коленати «Путевые заметки. Путешествие в Черкесию»	26
<i>Дзуганов Т.А.</i>	Сыроваренные практики Нальчикского округа: опыт Исмаила (Дадаша) Балкорукова	34
<i>Жанситов О.А.</i>	Эскалация гражданского противостояния в Нальчикском округе в условиях революционных турбуленций (1917–1920 гг.)	43

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Къуэдзокъуэ З.В.</i>	Гендер жьабзэ зэщхьэщыкыныгъэхэр адыгэбзэм: гурыщцэуатэ и лъэныкъуэкэ щыцэуэуеплъыкцэхэр	51
<i>Хежева З.Р.</i>	К проблеме лингвистического анализа языка Б.К. Утижева (К постановке вопроса)	60
<i>Хежева М.Р.</i>	Способы репрезентации чувственного восприятия количества в адыгском языковом сознании	67

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Алхасова С.М.</i>	Жанровая специфика и атмосфера коротких рассказов Ахмедхана Налоева	76
<i>Атабийланы А. Д.</i>	Бабаланы И. чыгъармачылык хаты, поэзия къудурети	82
<i>Гутов А.М.</i>	Бытовой конфликт и кодекс чести	94
<i>Гутова Л.А.</i>	Поэтика сюжета сказания в младшем эпосе	101
<i>Гергокова Л.С.</i>	Карачаево-балкарские историко-героические песни: образ народного героя	109

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Fomenko V.A.</i>	Antiquities of Kabardino-Balkaria of the Eneolithic Era	7
<i>Aloev T.Kh.</i>	The Death of Besleney: Towards the Implementation of the Vladikavkaz Plan of 1860 in Relation to the Population of the Western Shag Principality	15
<i>Abaeva Asiyat M., Abaeva Asuana M.</i>	Ethnographic description of the Circassians in the work of the Austrian traveler Friedrich Kolenati «Travel notes. A journey to Circassia»	26
<i>Dzuganov T.A.</i>	Cheese-making practices of the Nalchik district: the experience of Ismail (Dadash) Balkorukov.....	34
<i>Zhansitov O.A.</i>	Escalation of civil confrontation in the Nalchik district in the conditions of revolutionary turbulence (1917–1920)	43

LINGUISTICS

<i>Kodzokova Z.V.</i>	Gender speech differences in the kabardino-circassian language: an emotive aspect	51
<i>Khezheva Z.R.</i>	On the problem of lingvistik analysis of B.K. Utizhev's language (To pose the question)	60
<i>Khezheva M.R.</i>	Methods of representation of sensory perception of quantity in the Adyghe linguistic consciousness	67

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Alkhasova S.M.</i>	Genre and style specificity of short stories by Akhmedkhan Naloev	76
<i>Atabieva A.D.</i>	Stages of I. Babaev's creativity, style dominants, the power of the poetic word	82
<i>Gutov A.M.</i>	Domestic conflict and code of honor	94
<i>Gutova L.A.</i>	Poetics of the plot of the tale in the younger epic	101
<i>Gergokova L.S.</i>	Karachay-balkar historical-heroic songs: the image of a people's hero	109

Научная статья

УДК 902/903(470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-7-14

ДРЕВНОСТИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

Владимир Александрович Фоменко

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

© В.А. Фоменко, 2024

Аннотация. В статье кратко и обобщенно рассмотрены немногочисленные археологические памятники эпоха энеолита, известные на территории Кабардино-Балкарии. Эти памятники, открытые в основном в советское время, до сих пор остаются малоизученными и не имеют более или менее полной и современной научной интерпретации.

В начале нашей работы приведена общая характеристика энеолитической эпохи Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья, древностей мешоковской культуры. Далее речь идет об Агубековском поселении, некоторых случайных находках, Нальчикском могильнике, каменных стелах, найденных в Большом нальчикском кургане. Охарактеризованы антропоморфные каменные стелы Баксано-Урванского междуречья, условия их находок и аналогии в других регионах Северного Кавказа.

На основе проведенного исследования автором сделан вывод о том, что территория Кабардино-Балкарии в глубокой древности была одной из областей формирования курганного обряда захоронения. Об этом говорят некоторые особенности погребально-поминальных обрядов Нальчикского энеолитического некрополя (например, протонасыпь этого могильника).

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, археологические памятники, эпоха энеолита, Нальчикский могильник, Большой нальчикский курган, каменные стелы.

Для цитирования: Фоменко В.А. Древности Кабардино-Балкарии эпохи энеолита // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 7–14. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-7-14

Original article

ANTIQUITIES OF KABARDINO-BALKARIA OF THE ENEOLITHIC ERA

Vladimir A. Fomenko

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, fva2005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7994-7106>

© V.A. Fomenko, 2024

Abstract. The article briefly and generally considers the few archaeological monuments of the Eneolithic era known in the territory of Kabardino-Balkaria. These monuments,

discovered mainly in Soviet times, remain poorly studied and do not have a complete and modern scientific interpretation.

At the beginning of our work, a general description of the Eneolithic era of the North-West Caucasus and Central Ciscaucasia, antiquities of the Meshoko culture is given. Then we talk about the Agubekov settlement, some accidental finds, the Nalchik burial ground, stone steles found in the Great Nalchik mound. Anthropomorphic stone steles of the Bak-san-Urvan interfluvium, the conditions of their finds and analogies in other regions of the North Caucasus are characterized.

Based on the study, the author concluded that the territory of Kabardino-Balkaria in ancient times was one of the areas of the formation of the burial mound rite. This is indicated by some features of the burial and memorial rites of the Nalchik Eneolithic necropolis (for example, the proto-mound of this burial ground).

Keywords: North Caucasus, Kabardino-Balkaria, archaeological monuments, Eneolithic era, Nalchik burial ground, Great Nalchik burial mound, stone steles.

For citation: Fomenko V.A. Antiquities of Kabardino-Balkaria of the Eneolithic Era. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 7–14. (In Russ.). DOI: 110.31007/2306-5826-2024-4-1-63-7-14

Эпоха энеолита в предгорьях и низкогорьях Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья представлена памятниками мешоковской культуры, именуемой также культурой накольчато-жемчужной керамики. Укрепление Мешоко, давшее современное название этой культуре, расположено в долине реки Белой в Республике Адыгея. Большая часть культурно близких объектов выявлены в Прикубанье и несколько поселений и могильник в Центральном Предкавказье. Наиболее изученными памятниками мешоковской культуры являются укрепления Мешоко и Свободное [Фоменко 2018: 23–26].

Культура характеризуется сходством кремневого и обсидианового инвентаря памятников, а также комплекса орнаментации и форм глиняной посуды. Степные районы нынешних Краснодарского и Ставропольского краев занимала предкавказская энеолитическая культура [Черленок 2013: 35]. Энеолитические культуры Северного Кавказа в настоящее время принято приблизительно датировать V тыс. до н.э. «и синхронизировать со временем распространения в Северной Месопотамии культуры Убейд, а в Восточной Европе – трипольской и степных энеолитических культур на ранних этапах их развития» [Черленок 2013: 36].

В эпоху энеолита на юге Восточной Европы и в Предкавказье появляется обряд сооружения курганной насыпи над погребением [Кореневский 2011]. Создание первых курганных насыпей связано со стремлением выделить отдельные захоронения при сохранении общей традиции бескурганных кладбищ. Позднее традиция подкурганных погребений трансформируется в строительство курганов майкопско-новосвободненской общности эпохи ранней бронзы. И именно Предкавказье становится родиной больших курганов [Кореневский 2011: 114–116, 118–121].

Кратко охарактеризуем древности Кабардино-Балкарии относящиеся к эпохе энеолита. Наиболее ранним (переходным) энеолитическим памятником, вероятно, является Агубековское поселение. Оно располагалось в ближайших окрестностях города Нальчика на пологой возвышенности у берега р. Кенже [Кричевский, Круглов 1941]. Открыто в 1923 г. М.И. Ермоленко. Раскапывалось в 1933 г. Е.Ю. Кричевским и А.П. Кругловым. Часть материалов этого поселения имеет черты свойственные эпохе неолита [Чеченов 2012: С. 11].

Могильные древности мешоковской культуры пока изучены недостаточно. Однако погребения, синхронные поселениям этой культуры, исследованы на Нальчикском могильнике. Кроме того, в равнинной части Предкавказья известны энеолитические захоронения, четко зафиксированные под курганными насыпями.

Один из таких курганов был исследован в 1948 г. Северо-Кавказской экспедицией под руководством Е.И. Крупнова у селения Верхний Акбаш на территории современной Кабардино-Балкарии [Крупнов 1957: 34, 36]. Основное погребение

относится к эпохе энеолита (Рис. 1). Здесь были найдены каменный клиновидный топор и медные украшения.

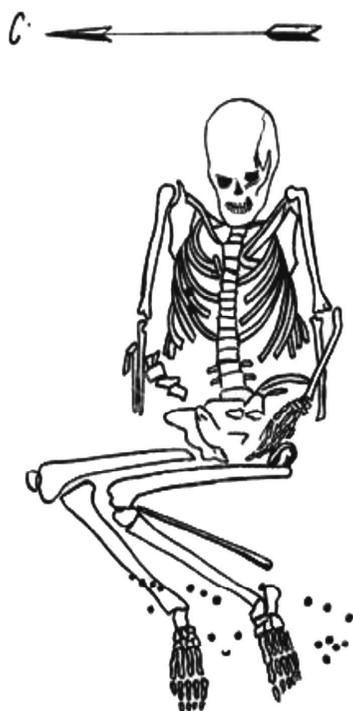

Рис. 1. Погребение 11 в кургане у селения Верхний Акбаи.

Нальчикский могильник. К редким и даже уникальным памятникам энеолитического времени можно отнести могильник исследованный в довоенные годы на территории нынешней больницы в центре города Нальчика. В 1923 г. краевед М.И. Ермоленко раскопал здесь 26 погребений. В 1929–1930 гг. могильник был более основательно исследован А.А. Миллером (Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК). Тогда было изучено 121 погребение. Только часть из раскопанных в 1923, 1929–1930 гг. захоронений однозначно датируются эпохой энеолита.

В настоящее время распространено мнение, что это бескурганый могильник. Однако авторы раскопок и детальной публикации его материалов отмечали, что «могильник имеет чрезвычайно низкую и плоскую насыпь ... высота насыпи примерно равна 0,67 м при диаметре в 30 м ... основание насыпи не имело четкой фигуры круга» [Круглов, Пиотровский, Подгаецкий 1941: 68]. При раскопках на могильнике было расчищено несколько десятков захоронений. Часть из них датируется эпохой энеолита.

Умершие были погребены на боку (Рис. 2) или на спине с подогнутыми ногами [Круглов, Пиотровский, Подгаецкий 1941: 67–146; Чеченов 2012: 11–12]. Погребальный инвентарь, найденный в могилах, небогатый. Выразительны украшения: браслеты из сланца, подвески из зубов оленя и быка, костяная «пектораль» и антропоморфная фигурка из мергеля (Рис. 3). Есть основания считать, что Нальчикский могильник относится к раннему этапу энеолита (первая половина V тыс. до н.э.) [Черленок 2013: 39].

Особенности земляной насыпи (небольшая высота, нечеткая форма основания), зафиксированной на этом могильнике, а также характер расположения здесь многочисленных погребений позволяют предположить, что обряд захоронения на

данном памятнике отражает процессы формирования подкурганной погребальной традиции.

Рис. 2. Погребение с каменными браслетами. Нальчикский могильник. 1929 г.

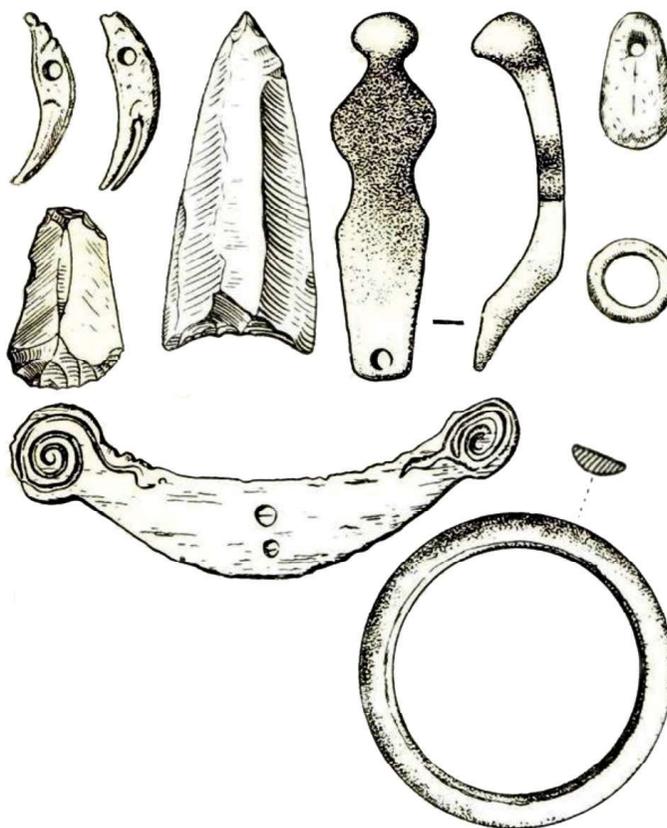

Рис. 3. Находки из погребений Нальчикского могильника эпохи энеолита [Крупнов 1957: 33].

С Нальчикским могильником, видимо, были связаны каменные изваяния, найденные недалеко в более позднем кургане. В 1968–1969 гг. в Нальчике был исследован крупный курган, под насыпью которого находилась гробница (Рис. 4), сложенная из не менее 32 туфовых плит. И.М. Чеченов, изучавший этот памятник, предполагал, что при сооружении стен и перекрытия гробницы были вторично использованы изваяния, изготовленные задолго до сооружения кургана.

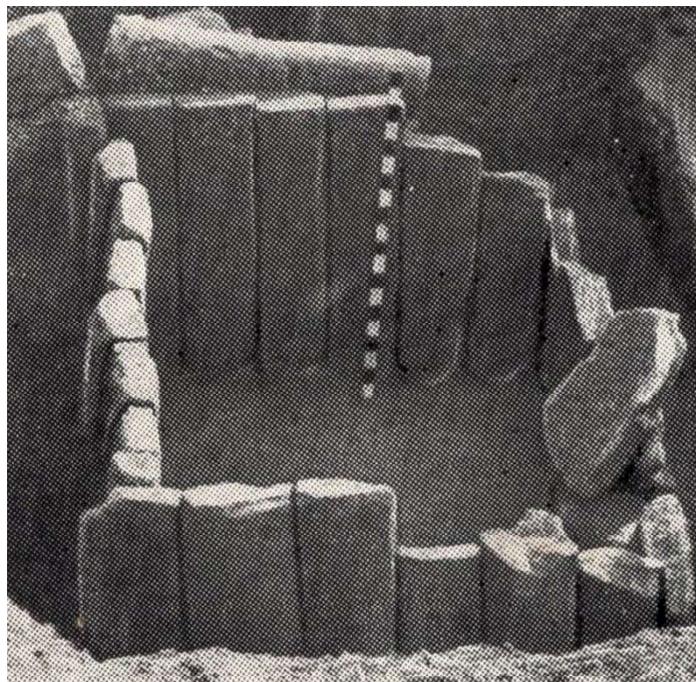

Рис. 4. Общий вид нальчикской подкурганной гробницы.

Стелы были частично отбиты и подрезаны для подгонки под необходимые размеры плит. И.М. Чеченов писал, что «... все шесть стел, от которых сохранились их верхние части ... оказались антропоморфными Следовательно, вполне допустимо, что и другие нальчикские стелы ... также могли быть антропоморфными». На некоторых плитах-стелах сохранился геометрический орнамент [Батчаев 2018: 29, 32, Рис. 4, 6]. По всей видимости, нальчикские изваяния были изготовлены одной этнической группой в один и тот же период [Чеченов 1973; Чеченов 1984: 211–220].

И.М. Чеченов предполагал также, что эти стелы первоначально находились на родовом кладбище или святилище (вероятно, энеолитического времени), которое было разрушено носителями майкопско-новосвободненских культурных традиций эпохи ранней бронзы при постройке подкурганной гробницы [Чеченов 1973: 56].

Вполне возможно, что именно на Нальчикском могильнике V тыс. до н.э., упомянутом выше, и были установлены, при его функционировании, каменные антропоморфные стелы, использованные позже при создании гробницы в Большом нальчикском кургане [Чеченов 1973: 31–32].

Важно также отметить, что при раскопках курганов эпохи бронзы, а также скифского и сарматского времени в 70-х гг. XX в. в предгорно-равнинном междуречье Баксана и Урвани были найдены несколько антропоморфных каменных стел (например, изображенная на Рис. 5) и множество их фрагментов. Находки таких изваяний обобщил И.М. Чеченов в разделе коллективной монографии [Чеченов 1984: 211–220, 243–253]. По данным исследователя, все эти стелы и обломки

в древности использовались «... при сооружении могил, а также при возведении курганных насыпей и обкладке их кромлеховидными каменными поясами...», т.е. имели вторичное применение, «причем, исключительно в качестве строительного материала». Все эти стелы и их обломки были «... обнаружены на относительно небольшой территории ... (в радиусе не более 10–12 км) ... в курганных насыпях (сел. Лечинкай, Чегем II, Нартан и 1-я курганная группа у сел. Кишпек); у основания каменных обкладок курганов (сел. Лечинкай), среди плит перекрытия дольменообразной гробницы (2-я курганная группа близ сел. Кишпек) и на поверхности земли (сел. Лечинкай, Чегем II)». И.М. Чеченов писал, что данные стелы и фрагменты изваяний изготовлены «за редким исключением, из светло-серого вулканического туфа» [Чеченов 1984: 211].

Рис. 5. Каменная антропоморфная стела из перекрытия дольменовидной гробницы в кургане у селения Кишпек.

Аналогичными изваяниями, описанным им ранее, Исмаил Магомедович считал туфовые стелы нальчикской подкурганной гробницы, а также простейшие каменные изваяния эпохи бронзы Северного Причерноморья, придунайских областей, ряда регионов Западной Европы [Чеченов 1973: 12, 16, 23–34]. Отдельные аналогии статуям Баксано-Урванского междуречья он отмечал и на Кавказе. Интересно

стелообразная плита из кургана с дольменом могильника Клады в Адыгее, относящегося к эпохе ранней бронзы [Чеченов 1984: 245].

Несколько лет назад данные о каменных статуях конца IV–III тыс. до н.э., известных на территории юго-западной части Евразии обобщила Сабина Райнхольд, кратко охарактеризовав и изваяния из гробницы Большого нальчикского кургана [Райнхольд 2018].

Прототипами каменных изваяний, вероятно, являются стилизованные антропоморфные фигурки. Обломок такой статуэтки был найден на Агубековском поселении. Известны и случайные находки антропоморфных фигурок [Батчаев 2018: 22, Рис. 3].

Таким образом, довольно многочисленные находки антропоморфных каменных стел, а также стилизованных фигурок, на территории республики позволяют предполагать, что памятников эпохи энеолита, в том числе и погребальных, в нашем регионе больше, чем известно в настоящее время.

Проведенное исследование позволяет предположить, что территория Кабардино-Балкарии была районом появления наиболее ранних курганов и следовательно одним из центров распространения подкурганного обряда захоронения. Об этом свидетельствуют некоторые черты погребально-поминальных обрядов Нальчикского могильника эпохи энеолита (например, протонасыпь этого некрополя).

Список источников и литературы

- Батчаев 2018 – *Батчаев В.М.* Контуры минувшего. Нальчик: Эльбрус, 2018. 376 с.
- Корневский 2011 – *Корневский С.Н.* Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М., 2011. 256 с.
- Кричевский, Круглов 1941 – *Кричевский Е.Ю., Круглов А.П.* Неолитическое поселение близ гор. Нальчика // *Материалы и исследования по археологии СССР.* М.–Л., 1941. № 3. С. 51–66.
- Круглов, Пиотровский, Подгаецкий 1941 – *Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В.* Могильник в гор. Нальчике // *Материалы и исследования по археологии СССР.* М.–Л., 1941. № 3. С. 67–146.
- Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 176 с.
- Райнхольд 2018 – *Райнхольд С.* В новый мир – изображения человека и отражение социальных архетипов в Западной Евразии после неолита // *Уральский исторический вестник.* Екатеринбург: Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 2018. № 1 (58). С. 62–73. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-62-73.
- Фоменко 2018 – *Фоменко В.А.* Археологические культуры Северного Кавказа эпохи древности и Средневековья (проблемы выделения и культурно-этнической атрибуции). Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 164 с.
- Черленок 2013 – *Черленок Е.А.* Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит): учебно-методическое пособие. СПб.: СПбГУ, 2013. 54 с.
- Чеченов 1973 – *Чеченов И.М.* Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н.э.). Нальчик: Эльбрус, 1973. 67 с.
- Чеченов 1984 – *Чеченов И.М.* Вторые курганные группы у сел. Кишпек и Чегем 2 // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.* Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1. С. 164–253.
- Чеченов 2012 – *Чеченов И.М.* Краткий очерк первобытной археологии Северо-Западного и Центрального Кавказа // *Археология и этнология Северного Кавказа.* Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. Вып. 1. С. 5–40.

References

- BATCHAEV V.M. *Kontury minuvshogo* [Contours of the Past]. Nalchik: Jelbrus, 2018. 376 s. (In Russian)

CHECHENOV I.M. *Kratkij ocherk pervobytnoj arheologii Severo-Zapadnogo i Centralnogo Kavkaza* [A brief outline of the primitive archeology of the North-West and Central Caucasus]. IN: *Arheologija i jetnologija Severnogo Kavkaza* [Archeology and ethnology of the North Caucasus]. Nalchik: Izdatelskij otdel KBIGI, 2012. Vyp. 1. S. 5–40. (In Russian)

CHECHENOV I.M. *Nalchikskaja podkurgannaja grobnica (III tys. do n.je.)*. [Nalchik subkurgan tomb (III millennium BC)]. Nalchik: Jelbrus, 1973. 67 s. (In Russian)

CHECHENOV I.M. *Vtorye kurgannye grupy u sel. Kishpek i Chegem 2* [The second burial mound groups near the villages of Kishpek and Chegem 2]. IN: *Arheologicheskie issledovanija na novostrojках Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological research in new buildings of Kabardino-Balkaria in 1972–1979] Nalchik: Elbrus, 1984. Vol. 1. Pp. 164–253. (In Russian)

CHERLENOK E.A. *Arheologija Kavkaza (mezolit, neolit, jeneolit): uchebno-metodicheskoe posobie* [Archeology of the Caucasus (Mesolithic, Neolithic, Eneolithic): teaching aid.]. SPb.: SPbGU, 2013. 54 s. (In Russian)

FOMENKO V.A. *Arheologicheskie kultury Severnogo Kavkaza jepohi drevnosti i Crednevekovja (problemy vydelenija i kulturno-jetnicheskoj atribucii)* [Archaeological cultures of the North Caucasus in the ancient and medieval periods (problems of identification and cultural-ethnic attribution)] Nalchik: Redakcionno-izdatelskij otdel IGI KBNC RAN, 2018. 164 s. (In Russian)

KORENEVSKIY S.N. *Rozhdenie kurgana (pogrebalnye pamjatniki jeneoliticheskogo vremeni Predkavkazja i Volgo-Donskogo mezhdurechja)* [Birth of the Kurgan (Eneolithic burial sites of the Ciscaucasia and the Volga-Don interfluvium)]. M., 2011. 256 s. (In Russian)

KRICHEVSKY E.YU., KRUGLOV A.P. *Neoliticheskoe poselenie bliz gor. Nalchika* [Neolithic settlement near the city of Nalchik]. IN: *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. M.–L., 1941. № 3. S. 51–66. (In Russian)

KRUGLOV A.P., PIOTROVSKY B.B., PODGAETSKY G.V. *Mogilnik v gor. Nalchike* [Burial ground in the city of Nalchik]. IN: *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR*. [Materials and research on archeology of the USSR]. M.–L., 1941. № 3. S. 67–146. (In Russian)

KRUPNOV E.I. *Drevnjaja istorija i kultura Kabardy* [Ancient history and culture of Kabarda]. M.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1957. 176 s. (In Russian)

REINHOLD S. *V novyj mir – izobrazhenija cheloveka i otrazhenie socialnyh arhetipov v Zapadnoj Evrazii posle neolita* [Into the new world – images of man and reflection of social archetypes in Western Eurasia after the Neolithic]. IN: *Uralskij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. Ekaterinburg: Institut istorii i arheologii Uralskogo otdelenija RAN, 2018. № 1 (58). S. 62–73. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-62-73. (In Russian)

Информация об авторе

В.А. Фоменко – кандидат исторических наук, зав. сектором древней истории и археологии.

Information about the author

V.A. Fomenko – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Ancient History and Archaeology.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья
УДК 94(352.3).081
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-15-25

ГИБЕЛЬ БЕСЛЕНЕЯ: К ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ПЛАНА 1860 г. В ОТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОШХАГСКОГО КНЯЖЕСТВА

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2024

Аннотация. Итогом «Владикавказских совещаний» российского военного командования конца сентября – начала октября 1860 г. явилось утверждение плана уничтожения Черкесии. Ввиду основного направления и алгоритма действий, предусмотренного планом, Бесленеевское княжество первым оказалось на пути российского продвижения. В настоящей статье, на основе анализа широкой канвы источников и литературы предпринимается попытка выявления особенностей имплементации владикавказского плана в отношении западношхагского княжества. Отправным пунктом исследования стало выяснение характера взаимоотношений, установившихся между имперским командованием и Бесленеем с 1859 г., когда большинство политических закубанской Черкесии замирилось с российской стороной. Далее, в тексте отслеживаются синхронно проводившиеся военно-практическая деятельность и идеологическая подготовка, направленные на формирование инфраструктуры ликвидации черкесского княжества с поздней осени 1860 г. Логическим завершением работы стала экспликация *modus operandi* российского командования в отношении населения Бесленея, которое в ходе войсковой операции под командованием генерала Евдокимова и командующего Мало-Лабинским отрядом полковника Лихутина было насильственно выселено в Османскую империю.

Ключевые слова: Бесленей, Ходзь, Мало-Лабинский отряд, владикавказский план, Геноцид, черкесы, сопротивление, западношхагское княжество

Для цитирования: Алоев Т.Х. Гибель Бесленея: к имплементации владикавказского плана 1860 г. в отношении населения западношхагского княжества // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 15–25. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-15-25

Original article

THE DEATH OF BESLENEY: TOWARDS THE IMPLEMENTATION OF THE VLADIKAVKAZ PLAN OF 1860 IN RELATION TO THE POPULATION OF THE WESTERN SHAG PRINCIPALITY

Timur Kh. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© T.Kh. Alov, 2024

Abstract. The result of the “Vladikavkaz Conferences” of the Russian military command in late September – early October 1860 was the approval of a plan for the destruction of Circassia. In view of the main direction and algorithm of actions envisaged by the plan, the Beslenevsky Principality was the first on the path of Russian advancement. In this article, based on an analysis of a wide range of sources and literature, an attempt is made to identify the features of the implementation of the Vladikavkaz plan in relation to the Western Shkhag principality. The starting point of the study was to clarify the nature of the relationship established between the imperial command and Beslenev since 1859, when most of the polities of Transkuban Circassia made peace with the Russian side. Further, the text traces the simultaneously conducted military-practical activity and ideological preparation aimed at forming the infrastructure for the liquidation of the Circassian principality from the late autumn of 1860. The logical conclusion of the work was the explication of the modus operandi of the Russian command in relation to the population of Beslenev, which during the military operation under the command of General Evdokimov and the commander of the Malo-Labinsky detachment, Colonel Likhutin, was forcibly deported to the Ottoman Empire.

Keywords: Beslenev, Khodz, Malo-Labinsky detachment, Vladikavkaz plan, Genocide, Circassians, resistance, Western Shah principality

For citation: Alov T.Kh. The Death of Beslenev: Towards the Implementation of the Vladikavkaz Plan of 1860 in Relation to the Population of the Western Shag Principality. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 15–25. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-15-25

С окончанием Крымской войны и на протяжении последующих двух лет российский натиск на Бесленевское княжество отличался неизменной систематичностью. Целенаправленное следование этому курсу имело определенные плоды, однако и к 1859 г. о его жителях имперское командование отзывалось как об обитателях «мест крепких», «беззащитно злоупотребляющих» своим положением (незвизая на то, что с осени предыдущего года активность черкесов в субрегионе заметно спала). Согласно подходам российского командования, из такой оценки проистекала необходимость прекращения подобного «ненормального порядка вещей». Поэтому уже в январе 1859 г. отряд под командованием генерала Войтицкого двинулся в верховья р. Ходзь, «угрожая движением Бесленевским хуторам, разбросанным в этой местности» [Вальтер 1917: 161]. Так, 24 января российские войска подошли к урочищу «Геммликобс» – в верховья р. Ходзь, где в течение 5 часов было сожжено 7 хуторов и «добыто» фуража. И в последующие дни отряд оперировал на западных окраинах Бесленей и смежных с ними районах, но вскоре, встретив противодействие, отошел на исходные позиции [Вальтер 1917: 161]. Однако расставленные командованием приоритеты подстегивали продолжение активного давления на противника. Спустя неполный месяц российская сторона инициировала новую атаку на Бесленей. На этот раз в операции были задействованы более внушительные силы: 19 февраля из Псебайского укрепления выступила группировка, состоявшая из 4 $\frac{1}{4}$ батальона пехоты и 8 сотен казаков с 6 орудиями (имея на людях 2-х дневное продовольствие и с обозом из нескольких повозок под ранеными). Войска под командованием полковника Лихутина взяли «направление в середину населения Бесленевцев и Беглых кабардинцев» на р. Ходзь. На рассвете 20 февраля российские войска атаковали «большой аул» бесленевских тлекотлешей Тлахадуко. Эффект внезапности имел своим результатом то, что «немногие из жителей успели спастись; большая часть защищавшихся в одиночку, по саклям, была перебита, имущество и скот захвачены; в плен взяты только жена [Тлахадуко] Хаджи с сыном, 1 женщина и 1 девочка; аул был подожжен одновременно со всех сторон и сгорел до основания» [Вальтер 1917: 178–182]. «Тревога по Ходзу распространилась моментально: заунывно зазвучали по горам призывные клики горцев, загремели сигнальные выстрелы... стали собираться и массироваться неприятельские всадники» – сообщает Вальтер. Он отмечал, что черкесы, «с самых отдаленных аулов по Ходзу, успели собраться к месту дела»: на

помощь бесленевцам подошли кабардинцы и абазины. Оценивая итоги более чем трехчасового сражения, российская сторона признавала, что подобное событие «не могло... нам обойтись без чувствительной потери». Она состояла в 1-м погибшем офицере и 26 нижних чинов; ранеными и контуженными 7 офицеров и 104 нижних чина [Вальтер 1917: 189].

Черкесские потери также оказались внушительными; отмечалось, что «в этой кровопролитной бойне, по показаниям самих горцев погиб цвет населения Ходза». По первоначальным сведениям здесь погибли бесленевские предводители тлекотлеш Тлаходуко Магометали и князь Каноко Бекмурза (информация о смерти последнего оказалась недостоверной). Среди раненых числились Каноко Джамбот, «владелец истребленного аула» Тлаходуко Хаджи, «постоянно водивший хищнические партии на линию» кабардинец Батыр Эдиг и медовеевский предводитель Херпис Би(й) [Вальтер 1917: 189].

Ввиду этих обстоятельств неудивительно, что российский источник следующим образом характеризует последствия этого события: «Погром 20 февраля потряс морально не только Бесленевцев, но и все окрестные племена». А «печальные вести, распространившиеся по горам об этом деле, способствовали упадку духа и расположения к непокорству».

Относительно западных шагов источник сообщает, что «После понесенного поражения, Бесленевцы, за исключением двух аулов, согласившихся на выселение по нашему указанию[,] бросили места по Ходзу и переселились в горные ущелья, к стороне р. Белой» [Вальтер 1917: 213]. В последующие месяцы подобного накала военных действий в Бесленее не наблюдалось. Вскоре в рамках обозначившегося с конца лета тенденции по замирению с российской стороной [АКАК. Т. XII. 1904. С. 824] бесленевцы вступили в переговоры с имперским командованием. 5 октября 1859 г. их представители прибыли в Псебайское укрепление. Лидеры княжества – Каноко Джамбот, Адильгирей и Бекмурза принесли присягу на покорность и выдали аманатов. Обращает на себя внимание, что представители разных ответвлений княжеского дома Каноко в процедурах дачи присяги и аманатов участвовали по отдельности, что отражает устоявшуюся к этому времени разделение некогда единого княжества на две более-менее самостоятельные политики. Вначале присягали князя Каноко Джамбот и Адильгирей с тринадцатью дворянами. Затем 45 представителей второй бесленевской агрегации с князем Каноко Бекмурзой во главе приняли участие в аналогичной процедуре. Как отмечает Р.С. Кандор «Присяжный лист был заверен начальником Мало-Лабинского отряда полковником Лихутиным» [Кандор 2020: 144–145].

Вероятнее всего, вскоре после заключения мирного договора между Россией и Абдзахией 20 ноября 1859 г. бесленевцы вернулись с «горных ущелий» бассейна Шагуаши в долину р. Ходзь. Об этом можно судить по коллизии, возникшей спустя несколько месяцев. Так, согласно рапорту начальника Мало-Лабинской линии, полковника Лихутина, в апреле 1860 г. бесленевцы, жившие в верховьях р. Ходзь, на «требование, чтобы они переселились на открытые места низовьев Ходза и левый берег М. Лабы» отвечали отказом [Кандор 2020: 151]. Согласно некоторым сведениям в этот период «часть бесленевцев и беглых кабардинцев» демонстрировала желание «отправиться в отпуск в Турцию». Однако к исходу лета у российского командования возникла иная забота: они объявили, что «не хотят более идти в Турцию в настоящем году» [Хотко 2016: 186]. На такой оборот начальник Мало-Лабинской линии отреагировал негативно. Он признавал, что это обстоятельство «весьма не выгодно для нас собственно потому что бесленевцы и беглые кабардинцы составляли самую крепкую защиту и оплот абдзахов со стороны верховьев рек Ходзи и Белой» [Хотко 2016: 186]. Осознававший значение шагского фактора в поддержании устойчивой резистентности кяхской Черкесии генерал Филипсон просил своего подчиненного «употребить все Ваше

влияние и силу красноречивых убеждений, чтобы бесленеевцы не слушали недоброжелательных увещаний с целью отклонить их от первоначального их намерения». Лихутин в свою очередь демонстрировал не меньшую заинтересованность в решении этой задачи. «Впрочем я надеюсь, – писал он, – что все-таки пойдут в Турцию. Аулы князя [Канок Адильгирея], [Мусуроко Хаджи], [Глаходуко Джераслана] и некоторые другие, и я употреблю все старания чтобы они шли в отпуск...» [Хотко 2016: 186]. Однако эти усилия не увенчались успехом и, видимо, отчаявшись совладать с непреклонностью бесленеевцев, Лихутин возлагал надежды на генерала Евдокимова. Последний, после назначения командующим войсками Кубанской области, получив карт-бланш на реализацию принятого в начале октября владикавказского *плана*, вскоре прибыл на передовую линию укрепления по Лабе [Кравцов 1886: 33].

Одним из первых пунктов на его пути было Псебайское укрепление. «Полковник Лихутин, в качестве начальника Мало-Лабинской линии, принимал его в своем доме». Поутру, находясь «в веселом расположении духа» граф выехал из Псебая. Пожалуй, не без преувеличения далее было выведено в повествовании, что «За укреплением ожидали выстроенные в ряд, богато одетые старшины Бесленеевского общества. Граф принял их сухо и остановившись объявил, чтобы они с весною готовились к переселению» [Вальтер 1917: 216]. Подобная ультимативность напрямую проистекала из принятого месяцем ранее во Владикавказе *плана* хотя установка на «очищение» нагорной полосы между Малой Лабой и Шхагуашей от «непокорных племен бесленеевцев» существовала и ранее [ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 39. Л. 13].

Между тем придерживаясь духу соглашений с Россией 1859 г. черкесские политики субрегиона Лабинского бассейна на протяжении многих месяцев демонстрировали сговорчивость и миролюбие. Однако, как сообщает источник, «Граф Евдокимов был чужд оптимистического воззрения на искренность покорности Абазехов (логично полагать и остальных черкесов. – Т.А.), продолжавших в тайне готовиться к продолжению войны (разве что в случае возобновления агрессии с российской стороны. – Т.А.), но наружно поддерживавших с нами любезные отношения». С признанием подобной ярко выраженной устремленности к стабильному мирному сосуществованию со стороны черкесов радикально диссонирует последующая за ним сентенция российского повествователя. Она возглашала: «Нужно было более достоинства в положении конца Кавказской войне и графу Евдокимову поручено было начать осуществление этой здоровой идеи» [Вальтер 1917: 216]. В этом пассаже, выраженном не без эмоционального морализма и с соответствующей интонацией, опознается потребность автора в придании драматургической эффектности предвкушавшемуся имперскому триумфу. Разумеется, не стоит забывать, что тезис воплощает ретроспективную интерпретацию со стороны носителя великодержавного энтузиазма, затронувшего вопрос много позже описываемых событий. Однако это обстоятельство не отменяет того, что установку, взятую на вооружение имперским командованием, он отражает адекватно: замирение черкесов при сохранении за ними какой-либо субъектности никак не могло быть сопряжено с «достоинством» империи в том смысле как оно понималось ее агентами.

Первостепенной задачей стартовавшей программы Геноцида стала, по формулировке командования «подготовка края к заселению казачьим элементом (мера[,] признававшаяся единственной для прочного обладания покоряемой страной)». Она включала «очистку местности от лесов», «устройство укрепленных пунктов», и, самое главное, необходимо было приступить к тому, чтобы «потеснить туземное население дальше в горы, за перевал, к морю, пока оно не изъявит безусловного согласия на переселение или в Турцию или на равнины Кубани». В скобках отметим, что артикулированный модус действий имперской армии, направленный

на «потеснение» «за перевал, к морю» «туземного населения» на практике исключал возможность его (последующего) возвращения на северный склон хребта. Поэтому упомянутое в пассаже предоставление альтернативы между «равнинами Кубани» и Турцией для сгоняемой на морской берег массы черкесского населения было лукавым.

Для реализации этих задач, к началу ноября 1860 г. российское командование сформировало два отряда: Мало-Лабинский – для разработки дороги от Псебая до Ходзи, и Абадзехский для очистки местности по р. Фарс [Вальтер 1917: 217]. Первая из группировок в составе 8 батальонов пехоты, 2 сотен кавалерии при четырех орудиях под командованием полковника Лихутина 12 ноября 1860 г. выступила из укрепления Псебай и приступила к постройке дороги по южному склону хребта «Герпесиж(?)», сопровождавшейся вырубкой леса по сторонам от нее, тем самым приступив к практическому претворению в жизнь владикавказского плана.

Несмотря на то, что особых препятствий на пути к его имплементации не предвиделось, архитекторы плана непрестанно прилагали усилия по продвижению уже утвержденной программы действий перед лицом высших имперских инстанций. Ярким проявлением подобной активности стало отношение князя Барятинского военному министру Сухозанету от 29 декабря 1860 г. [АКАК. Т. XII. 1904. С. 664] с изложением системы мероприятий на предстоявший год. Документ довольно пространный и с точки зрения мотивов его подготовки, содержания, последствий, а также значения в контексте общего курса России в отношении неподконтрольной части Черкесии представляет значительный интерес. И поэтому он достоин отдельного текстологического разбора. Здесь же укажем на то, что территория Бесленя с прилегающими к нему районами обозначены в тексте как основная точка приложения имперских усилий. Его автор подчеркивал, что на западном Кавказе он находил «совершенно необходимым начать пополнение обширной системы покорения враждебных племен и прочного занятия этого края». Расшифровывалась эта установка примерно так: «Единственное надежное средство для прочного утверждения нашего владычества в западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением по обеим сторонам... Для достижения этой цели очевидна необходимость производить водворение новых казачьих станиц в обширном размере, начиная от Лабы чрез верхняя части рр. Белой (курсив наш. – Т.А.), Пшеха, Псекупса и далее к западу по обоим скатам хребта до берега моря» [АКАК. Т. XII. 1904. С. 665]. «В этих видах я предполагаю в будущий годичный период, – продолжал наместник, – занять передовую кордонную линию р. Белую от урочища Каменного Моста и начать заселение казаками горной местности по обоим покатосям Черного хребта и на предгорьях».

Спустя полтора месяца Барятинский, обращаясь к тому же адресату, детализировал некоторые аспекты реализуемой в Черкесии системы мероприятий. На этот раз им, к примеру, артикулировался оставшийся неозвученным в предыдущем документе отправной пункт актуальной системы действий. Здесь указывалось, что именно в 1860 г. «явилась мысль о совершенной перемене системы действий в этом крае, к чему давали возможность усиление здесь военных средств, упадок духа горцев...» Далее автор напоминал: «Из моих предположений, удостоенных Высочайшего одобрения, в. выс.-пр. изволите знать, что с весны этого года будет начата в больших размерах система занятия горного и предгорного края казачьим народонаселением; чтобы не раздроблять сил и соблюсти более единства в распоряжениях, я предположил вести колонизацию края не с двух противоположных оконечностей, как прежде имелось в виду, а продолжать ее постепенно от Лабы на запад. В этом году будет устроено 17 станиц на пространстве между Лабою и Белою» [АКАК. Т. XII. 1904. С. 871]. Последнее предложение, таким образом, ориентировало читателя на территорию Бесленя и прилегающие районы.

Отслеживая нарративы, отражающие курс непреклонного продвижения российской стороны к задачам, проистекавшим из владикавказского *плана* нельзя проигнорировать и другой важный документ. Речь идет о докладе исполнявшего обязанности командующего российскими войсками на Кавказе генерал-адъютанта Орбелиани на имя управляющего военным министерством генерал-адъютанта Милютин от 25 мая 1861 г. Адресуясь к одному из демиургов *плана* Геноцида, Орбелиани сообщал: «Соглашаясь с доводами, представленными ген.-адъют. гр. Евдокимовым я разрешил ему ограничить переселение в нынешнем году в Кубанской области семью станицами, тем более что обстоятельство это не обнаружит никакого влияния на изменение *плана* (курсив наш. – Т.А.) принятого для покорения Закубанского края, и даже не произведет чувствительного замедления в общем его исполнении: средства военные, которые предполагалось в нынешнем году употребить для возведения станиц, будут направлены для действий против неприязненных племен и для проложения дорог, необходимых в будущем» [АКАК. Т. XII. 1904. С. 907]. Закljučая доклад, алгоритм действий командования автор изложил в пяти пунктах. За исключением первого из них остальные положения программы преимущественно предполагалось реализовать в отношении Бесленевского княжества. В частности, планировалось завершить устройство Лабинской линии «возведением станиц: Каладжинской, Ахметовской, Псеменской и Андрюкской». Отдельной строкой выделялась задача возведения «одной новой станицы, Переправной, на р. Ходзе (где выстроен новый мост), в 9-ти верс[тах] впереди укр[епления] Каладжинского, на сообщении Каладжей с Хамкетами». Не меньшее значение придавалось выстраиванию надежных коммуникаций на театре войны. Поэтому первоочередное внимание предполагалось уделить проложению сквозь территорию Бесленея дорог «от верхняго Ходза в верховья р. Белой, в Даховское общество» и, «от стан[ицы] Лабинской к укр[еплению] Майкопскому». И, закономерно в документе отдельным пунктом выделена главная, венчающая перечисленные задача, которая заключалась «в *очищении всего этого края от туземного населения* в тех размерах, как это окажется возможным по ходу военных действий» (курсив наш. – Т.А.) [АКАК. Т. XII. 1904. С. 907].

Возвращаясь к обстоятельствам практического осуществления владикавказского *плана* можно пунктирно отследить вектор действий российского командования с начала 1861 г. В источниках отмечается, что «В январе выпал глубокий снег, холода стали страшные: мороз доходил до 30 градусов, птицы замерзли на лету» [Вальтер 1917: 218]. По этой причине полковник Лихутин остановил работы и приступил к активным рекогносцировкам «к верховьям Ходза, по направлению к перевалу в долину р. Белой». О значении, которое придавалось этим мероприятиям, говорит то, что к рекогносцировке юго-западных районов Бесленея присоединился начальник штаба Кавказской армии генерал Карцев. В течение февраля российский «отряд стоял лагерем на Ходзе, производя рекогносцировку и рубку леса вверх» по реке. Март месяц также ушел на рубку леса, но уже вниз по долине Ходзи для «открытия сообщения» с укреплением Каладжинским.

Эти приготовления, разумеется, не оставались незамеченными черкесами (как признавал российский автор «приготовления наши к постройке станиц на рубежах горных трущоб не могло не тревожить горцев») [Вальтер 1917: 219]. Однако, оставаясь в неведении относительно уничтожительных замыслов своих контрагентов, они не предпринимали системных попыток вооруженного противодействия продвижению русских. Симптоматично, что за весь весенний период оперирования российских войск на территории Бесленея источники, насколько можно судить, лишь однажды упоминают «упорное дело» с участием сотен человек [Вальтер 1917: 219–220]. Обобщая этот кейс Гейнс признавал, что «Если б племена, живущие между Лабой и Белой, как-то: бесленеевцы, баракаевцы, махосевцы, егерухаевцы, темиргоевцы и в горных ущельях – абадзехи, были с нами

в открытой вражде, то действия отрядов и в особенности колонизация шли бы очень медленно; но благодаря предыдущим действиям генерала Филипсона, заключившего почти со всеми вышеупомянутыми племенами мирные договоры, успешность того и другого была более чем быстра» [Гейнс 2013: 199]. В противовес словам Вальтера о «нетайном» и «открытом» характере своих приготовлений [Вальтер 1917: 216] Гейнс не скрывал, что именно «Пользуясь этой предварительной подготовкой, частные начальники продолжали по наружности поддерживать мир» [Гейнс 2013: 199]. Наблюдая за переходом принятого во Владикавказе плана в практическую плоскость, автор отмечал что именно «1861 год был замечателен в военном отношении еще и тем, что с этого времени началась особенно энергичная деятельность». И далее, с благоговейным трепетом Гейнс живописал как «несмотря ни на сильные летние жары, ни на суровые зимы, войска... не сходили с боевых позиций и не знали других жилищ, кроме палаток, переноса их за собой все далее в глубь ущелий, ни на неделю не прекращая своих занятий, тогда как прежде отряды выступали для военных действий только на короткие периоды времени в так называемые экспедиции, по окончании которых расходились по своим штаб-квартирам, сменив или усилив предварительно все гарнизоны стоявшие по укреплениям» [Гейнс 2013: 199]. «Между тем к началу лета 1861 г. они успели трудами абадзехского отряда соединить Майкоп со станицей Лабинской, посредством так называемой Абадзехской линии, а в конце июня, трудами войск лабинского отряда, выстроить ограды для одиннадцати станиц». И далее, автор фокусируется на основательности и планомерности действий российского командования. «Прикрывшись таким образом Лабинской и Малолабинской кордонными линиями и заселив русскими переселенцами все пространство между Лабой и Белой, с одной стороны, Урупом и Ходз – с другой, мы так прочно установились между горскими племенами, что начальство наше нашло возможным прекратить прежнюю политику и по окончании только что упомянутых работ объявить всем туземцам, в занятом нами пространстве, о необходимости выселения их к известному сроку» [Гейнс 2013: 199]. Симптоматично, что такое упорство проявлялось командованием даже в условиях остановки «исполнения плана» вследствие «внезапного сопротивления» кубанских казаков, назначенных к переселению на места изгоняемых черкесов [Фадеев 2005; Кравцов 1886: 34–36].

Подготовленная инфраструктура «вытеснения» черкесов бассейна Лабы была эффективна и в том смысле, что по российским оценкам она «показывала бесполезность сопротивления» имперскому продвижению. Однако депривировать «храбрых бесленеев», без которых до того «не совершался на нашу линию ни один набег» [Ольшевский 2003: 487] и внушить выученную беспомощность их лидерам не получалось. Вместе с тем, единовременное заложение в мае 1861 г. полукругом возле бесленеевцев трех станиц (Бесленеевская, Губская и Переправная) послужило зримым сигналом готовящегося решительного натиска российской стороны. В попытке уклониться от неотвратимого удара бесленеевские лидеры «наконец обратились с просьбою к [п]олковнику Лихутину о дозволении им отправиться в Турцию через земли Абадзехов» [Вальтер 1917: 220]. Казалось бы, бесленеевцы были готовы исполнить то, к чему их уже многие месяцы подталкивало военное командование. Однако, российская сторона, вполне резонно, в этой просьбе «обнаружила явное нежелание исполнить данное обязательство и скрытное намерение уйти к непокорным горцам, хотя бы на южный склон» [Вальтер 1917: 220]. Подобная реакция на предложение бесленеевцев вполне изобличает российское командование, исключавшее всякую альтернативу их изгнанию в Османское государство. Собственно, и иные источники подтверждают этот факт. Так, автор одного из полковых историй признавал, что «Назначение верхне-лабинского (фактически, малолабинского – Т.А.) отряда, в состав которого вошли гомборцы, состояло в понуждении к выселению в Турцию племен, населявших верховья большой

Лабы, бесленеевцев, кизильбековцев и др.» [Арутюнов 1898: 285]. Однако, несмотря на сосредоточение огромной массы войск, операция по изоляции и последующей депортации остатков населения западношагского княжества не представлялась обеспеченной. В отзывах российских командиров проступают имевшиеся тогда беспокойства. «По обеим сторонам Ходза, значительного притока Большой Лабы, жили бесленей. Это черкесское общество, равнявшееся по своей величине четырем выше поименованным (башильбаевцы, тамовцы, казильбеки и шахгиревцы. – Т.А.) обществам, несравненно превосходило их храбростью и наездничеством», – писал, к примеру, генерал Ольшевский [Ольшевский 2003: 487]. Весьма заинтересованный в исходе российско-черкесского противостояния другой генерал – Ростислав Фадеев также не мог упустить из виду, что к западу от течения Лабы оставались «самые хищные и воинственные общества», «между которыми первое место принадлежало бесленеевцам и беглым кабардинцам» [Фадеев 2005: 162]. Подобное положение вещей побуждало российское командование к скрупулезной подготовке к финальной операции по ликвидации Бесленеевского княжества. Непосредственные задачи иницилируемой операции мотивировались согласно российским авторам, следующими соображениями. «Чтобы не допустить их до явного неповиновения, а затем и открытого сопротивления» [Арутюнов 1898: 285]. Формулировка Гейнса звучала так: «Чтобы не дать их протесту развиваться до фанатизма и дабы избавиться от жертв с нашей стороны...» [Гейнс 2003: 200]. Очевидно, что понимание несоизмеримости сконцентрированных против них сил собственным ресурсам подвигало бесленеевцев к последовательному поиску компромиссов. Но в рамках реализуемой геноцидальной стратегии, проявление выраженного миролюбия не рассматривалось как фактор деэскалации. Стремление бесленеевцев не оставлять исконную территорию княжества рассматривалось не просто как недопустимое уклонение от начальственных предначертаний, но и как открытый вызов. В соответствующих текстах прорываются нотки раздражения тем, что многие жители локации верхней Лабы с весны «молча покорившись судьбе», «а частью – по неволе» выселялись в «Турцию» «и только бесленеевцы, невзирая на наши напоминания и требования, не трогались с места» [Арутюнов 1898: 285].

Источники единодушно отмечают, что начало войсковой операции по нейтрализации изрядно поредевшего населения Бесленеевского княжества относится к 20 июня 1861 г. [Арутюнов 1898: 285; Гейнс 2013: 200; Вальтер 1917: 222]. Здесь следует вспомнить, что лишь за неделю до этого в Сочи крупнейшие кяхские агрегации объявили об учреждении единой черкесской политики. Бесленеевское княжеств не фигурировало в качестве ее учредителей, но принимая во внимание открытый характер нового объединения не исключено, что российское командование форсировало мероприятия, направленные на нейтрализацию западношагского княжества. Они же носили ярко выраженный агрессивный характер. Источники не допускают разночтений относительно того, что речь шла о военной операции и насильственном выселении, т.е. изгнании. Об этом можно судить по следующим отзывам. Генерал Ольшевский писал о переселении в «Турцию *силою нашего оружия*» [Ольшевский 2003: 518]. Другой современник событий отмечал, что «Целые племена, как бесленеевцев, были *выселены облавой* в течение одного-двух дней» [Венюков 2014: 247]. Окидывая обобщающим взглядом, Семен Эсадзе не без гордости вспоминал как «бесленеевцы были внезапно окружены... и... под прикрытием войск *силою были переведены на р. Уруп*» (с последующей депортацией в пределы Порты) [Эсадзе 2004: 351]. В более подробном изложении событие выглядело следующим образом: «20-го июня аулы *их внезапно были окружены войсками верхне-лабинского отряда*, с участием также гомборских стрелков, и все почти *четырёхтысячное племя было выведено, под сильным конвоем, на правый берег Урупа*, откуда началось постепенное выселение их в Турцию» (курсив наш. – Т.А.) [Арутюнов 1898: 285].

Но с наибольшей фактической детализацией ход операции, пожалуй, изложен в работе Вальтера. «Дабы не допустить целое (бесленеевское. – Т.А.) общество перейти со всем имуществом на сторону неприятеля, командующий войсками приказал начальнику М.-Лабинского отряда прибегнуть к силе». Таким образом, генерал Евдокимов не просто осуществлял общее руководство имперскими войсками, но и лично инициировал геноцидальную операцию против бесленеевцев. Забегая вперед отметим, что с самого начала операции командующий войсками Кубанской и Терской областей находился в Бесленее, чутко отслеживая ее ход. «Граф Евдокимов, – говорится в источнике, – присутствовал в Каладжях при этом *безцеремонном выселении свирепаго племени*» (курсив наш. – Т.А.) [Вальтер 1917: 221]. К 20 июня для действий против бесленеевцев была собрана группировка войск, состоявшая из 9 батальонов пехоты, 15 сотен казаков, 2-х эскадронов драгун и 14 орудий. «22 июня П[олковник] Лихутин расположил эти силы вокруг бесленеевских аулов и потребовал от бесленеевцев немедленного переселения». Дальнейшее Вальтер описывает следующим образом: «Не имея возможности оказать нам открытое сопротивление, так как все проходы были заняты нашими войсками, – Бесленеевцы покорились необходимости: 23 числа, все четырехтысячное племя было поднято и со всем его скарбом двинуто к степным берегам Урупа...» [Вальтер 1917: 221].

Показательна и обстановка, в которой производилось конвоирование бесленеевцев. «Надо признаться, что отчасти невеселую картину являл собою этот табор мужчин, женщин и детей, не по доброй воле покидавших свои родные горы. Плакали дети, своими воплями оглушали женщины, с затаенным чувством ненависти, понуро плелись мужчины...», – писал Вальтер. Вероятно, автору такая картина не представлялась всецело мрачной по той причине, что «бок о бок» с бесленеевцами «шли наши солдаты, гремя бубнами, тулумбасами с плясунами впереди, весело напевая разудалую и задорную песню своего полка, незадолго перед тем сложенную самими солдатами» [Вальтер 1917: 222]. Не вдаваясь в рассуждения о том, как она в столь удручающих обстоятельствах и в такой заведомо издевательской манере исполнения (даже не касаясь того, насколько ее содержание было понятно черкесам) гнетуще воздействовала на жертв радикального насилия обратимся лишь к ее заключительным строкам, в которых, на наш взгляд, красноречиво проступают суть произошедшей трагедии.

«...Мы дралися за Лабой
Мы дрались, черкес, с тобой...
...К распроклятым басурманам,
На штыки мы к ним пойдем
На штыки мы к ним пойдем
И прикладами добьем
Мы дралися за Лабой.
А когда хотят мириться, –
Мы им земли отведем,
На Кубани поселиться –
На аркане поведем.
Гремит слава трубой» [Вальтер 1917: 223].

Можно по-разному относиться к незатейливому творчеству подневольной солдатской массы, но вряд ли подобный разгул риторического садизма в столь неприкрыто arrogantной манере был бы возможен без изъясненной со стороны командиров благожелательности к подобным проявлениям. Военное начальство же само поощрялось верховной властью зримо и оперативно. Так, непосредственно руководивший операцией по изгнанию бесленеевцев, снискавший

репутацию полководца, чьи действия «отличались замечательным кровопролитием» командующий Мало (Верхне)-Лабинским отрядом полковник Лихутин вскоре был произведен в генералы в приезд в Черкесию царя Александра II [Вальтер 1917: 231].

Таким образом население западношагского княжества первым из сохранявших на тот период дееспособность черкесских полities подверглось уничтожительной атаке согласно принятого в сентябре – октябре 1860 г. в Владикавказе плана российского военного командования. При этом *modus operandi* апробированный в отношении бесленеевцев выразившийся во «внезапном окружении» и «выселении облавой» стал шаблоном и в последующих операциях по имплементации владикавказского плана [Фадеев 2005: 162; Венюков 2014: 247].

Список источников и литературы

- АКАК 1904 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904. 1576 с.
- Арутюнов 1898 – *Арутюнов Ф.А.* История 1-го Кавказского Стрелкового Его императорского Высочества Князя Михаила Николаевича батальона. СПб., 1898. 500 с.
- Вальтер 1917 – *Вальтер М.К.* История 75-го пехотного Севастопольского полка. 1856–899 гг. 874 с.
- Венюков 2014 – *Венюков М.И.* К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 годы // Кавказ: Трагедия изгнания. Нальчик, 2014. 416 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Гейнс 2013 – *Гейнс К.* Пшехский отряд (с октября 1862-го по ноябрь 1864 года) // Материалы для истории покорения Западного Кавказа. Нальчик, 2013. С. 198–356.
- Кандор 2020 – *Кандор Р.С.* Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) северо-западного Кавказа в структуры российской административно-политической системы (XIX–XX в.). Майкоп, 2020. 351 с.
- Кравцов 1886 – *Кравцов И.С.* Кавказ и его военачальники. СПб., 1886. 73 с.
- Ольшевский 2003 – *Ольшевский М.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. 608 с.
- Фадеев 2005 – *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2005. 635 с.
- Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп, 2015. 292 с.
- Эсадзе – *Эсадзе С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. М., 2004. 404 с.

References

- АКАК – *Akty Kavkazskoj arheografi cheskoj komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Т. XII. Tiflis, 1904. (1576 s.) (In Russian)
- ARUTYUNOV F.A. *Istoriya 1-go Kavkazskogo Strelkovogo Ego imperatorskogo Vysochestva Knyazy Mihaila Nikolaevicha batal'ona*. [History of the 1st Caucasian Rifle Battalion of His Imperial Highness Prince Mikhail Nikolaevich]. SPb., 1898. (500 s.) (In Russian)
- VAL'TER M.K. *Istoriya 75-go pekhotnago Sevastopol'skago polka* [History of the 75th Sevastopol Infantry Regiment]. 1856–1899 gg. (874 s.) (In Russian)
- VENYUKOV M.I. *K istorii zaseleniya Zapadnogo Kavkaza*. [On the history of settlement of the Western Caucasus]. 1861–1863 gody. IN: Kavkaz: Tragediya izgnaniya. Nal'chik, 2014. (416 s.) (In Russian)
- GAKK – *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of Krasnodar Region]. (In Russian)
- GEJNS K. *Pshekhskij otryad (s oktyabrya 1862-go po noyabr' 1864 goda)* [Pshekh detachment (from October 1862 to November 1864)]. IN: Materialy dlya istorii pokoreniya Zapadnogo Kavkaza. Nal'chik, 2013. P. 198–356. (In Russian)
- KANDOR R.S. *Process inkorporacii tradicionnyh form upravleniya adygov (cherkesov) severo-zapadnogo Kavkaza v struktury rossijskoj administrativno-politicheskoj sistemy (XIX–XX v.)* [The process of incorporation of traditional forms of

governance of the Adyghe (Circassians) of the northwestern Caucasus into the structures of the Russian administrative-political system (19th–20th centuries)]. *Мажкоп*, 2020. 351 с. (In Russian)

KRAVCOV I.S. *Kavkaz i ego voenachal'niki* [The Caucasus and its military leaders]. Spb., 1886. 73 p. (In Russian)

OL'SHEVSKIJ M. *Kavkaz s 1841 po 1866 god* [Caucasus from 1841 to 1866]. SPb., 2003. 608 p. (In Russian)

FADEEV R. A. *Kavkazskaya vojna* [Caucasian War]. M., 2005. 635 p. (In Russian)

HOTKO S.H. *Otkrytie Cherkessii. Kartograficheskie istochniki XIV–XIX vv.* [Discovery of Circassia. Cartographic sources of the 14th–19th centuries]. *Мажкоп*, 2015. 292 p. (In Russian)

ESADZE S. *Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoj vojny* [Conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian War.]. M., 2004. 404 p. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья
УДК 395(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-26-33

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЧЕРКЕСОВ
В ТРУДЕ АВСТРИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ФРИДРИХА КОЛЕНАТИ
«ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ. ПУТЕШЕСТВИЕ В ЧЕРКЕСИЮ»**

Асият Мусаевна Абаева¹✉, Асуана Мусаевна Абаева²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия,

² Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия

¹ asiatg@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-0066-3755>

² asu_ana@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8103-8679>

© А.М. Абаева, А.М. Абаева, 2024

Аннотация. Статья посвящена истории этнографического изучения и классификации кавказских этносов, предложенной австрийским натуралистом и путешественником чешского происхождения Фридрихом Коленати, посетившим Кавказский регион в апреле 1843 года. Материалом для данной статьи послужила вторая часть труда Фридриха Коленати «Путевые заметки. Путешествие в Черкессию» [Reiseerinnerungen. Die Bereisung Circassien's. 1859: 1–119], написанного во время экспедиций ученого на Кавказ. «Путевые заметки. Путешествие в Черкессию» были изданы в Дрездене типографией Рудольфа Кунце «Verlagsbuchhandlung von Rudolf Kuntze» в 1859 году. В рамках данного исследования была рассмотрена глава под названием «Die circassischen Völkerstämme in ethnographischer Beziehung dargestellt («Этнографическое описание черкесских племен»)), представляющая собой настоящий кладезь этнографических сведений о Черкессии середины XIX века.

Цель данного исследования, введение в научный оборот и анализ новых источников, ранее не переведенных на русский язык. Они расширяют наши представления о состоянии европейской этнографической науки и ориенталистики, как ее специфической отрасли, отражающей представления европейцев XIX в. о черкесах, что, в свою очередь, способствует расширению источниковедческой базы кавказоведения.

Ключевые слова: этнография, ориенталисты, европейские путешественники, Фридрих Коленати, черкесы, классификация кавказских народов

Для цитирования: Абаева Асият М., Абаева Асуана М. Этнографическое описание черкесов в труде австрийского путешественника Фридриха Коленати «Путевые заметки. Путешествие в Черкессию» // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 26–33. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-26-33

Original article

**ETHNOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE CIRCASSIANS
IN THE WORK OF THE AUSTRIAN TRAVELER FRIEDRICH KOLENATI
«TRAVEL NOTES. A JOURNEY TO CIRCASSIA»**

Asiyat M. Abaeva¹✉, Asuana M. Abaeva²

¹ Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia,

²Kabardian-Balkarian State University, Nalchik, Russia

¹asiatg@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-0066-3755>

²asu_ana@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8103-8679>

© А.М.Абаева, А.М. Абаева, 2024

Abstract. Abstract. The article is devoted to the history of the ethnographic study and classification of Caucasian ethnic groups proposed by the Austrian naturalist and traveler of Czech origin Friedrich Kolenati, who visited the Caucasus region in 1843. The material for this article is the second part of Friedrich Kolenati's work "Travel Notes. A journey to Circassia" [Reiseerinnerungen. Die Bereisung Circassien's. 1859: 1–119], which was written during the scientist's expeditions to the Caucasus. «Travel Notes. A journey to Circassia» was published by the well-known printing house of Rudolf Kuntze in Dresden «Verlagsbuchhandlung von Rudolf Kuntze» in 1859. In this study, the chapter entitled «Die circassischen Völkerstämme in ethnographischer Beziehung dargestellt» («Ethnographic Description of the Circassian Tribes») was examined, which is a real treasure trove of ethnographic information about Circassia in the middle of the XIX-th century. The purpose of this study is to introduce into scientific circulation and analyze new publications that have not previously been translated into Russian. They expand our understanding of the state of European ethnographic science and oriental studies, as its specific branch, reflecting the ideas of XIX-th-century Europeans about the Circassians, which, in turn, contributes to the expansion of the source base of Caucasian studies.

Keywords: ethnography, orientalists, European travelers, Friedrich Kolenati, Circassians, classification of Caucasian tribes

For citation: Aбаева Асият М., Абаева Асуана М. Ethnographic description of the Circassians in the work of the Austrian traveler Friedrich Kolenati «Travel notes. A journey to Circassia». Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 26–33. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-26-33

Изучение трудов зарубежных исследователей, путевых заметок или мемуаров путешественников позволяет взглянуть на события, происходившие в определенный период истории Кавказа сквозь призму европейского мировоззрения. Культура и обычаи черкесов всегда восхищали европейских, а именно немецкоязычных путешественников, альпинистов и исследователей Кавказа. Образ жизни кавказских горцев, в основе которого лежали формировавшиеся веками традиционные устои и ценности, представлялся европейским исследователям реминисценциями уходящего в прошлое европейского феодализма с его родовой аристократией и ленным правом. Благодаря особому интересу к данной теме был написан целый ряд научных трудов, мемуаров, а также путевых заметок таких выдающихся исследователей и путешественников, как Якоб Рейнегс [Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 1796: 294], Юлиус Клапрот [Reise in den Kaukasus und nach Georgien. 1812: 1373], Карл Кох [Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus. 1842: 1102], Карл Нейман [Russland und die Tscherkessen. 1840: 154], Адольф Бастиан [Zeitschrift für Ethnologie. 1871: 126–131], Готфрид Мерцбахер [Aus den Hochregionen des Kaukasus. 1901: 1900], и еще многих других представителей научной общественности Европы XVIII–XIX веков.

Мемуары и путевые заметки путешественников являлись для европейцев единственным средством получения информации о горцах Кавказа, об их обычаях и культуре. Одним из самых ярких представителей научной общественности XIX века, посетивших Кавказ не с целью получения этнографических данных о его жителях, а для зоологических и ботанических исследований, является австрийский врач, натуралист и путешественник Фридрих Антон Коленати (1812–1864). После изучения медицины (doctor medicinae 1836) Ф.А. Коленати некоторое время работал врачом общей практики в Праге. В 1842 году ученый отправился в Санкт-Петербург и устроился на работу ассистентом по зоологии в академию. Ему было поручено совершить исследовательскую поездку на Кавказ [Die öffentlichen und privat-entomologischen Sammlungen Brünns. 1858: 33–36]. Там он

собрал свои обширные коллекции, а также занялся геолого-минералогическими проблемами Центрального Кавказа и совершил несколько восхождений на Казбек (5047 м) в 1843 и 1844 годах. В 1845 году он вернулся в Петербург с богатым материалом (в том числе 12 000 растений, 30 000 минералов, множество насекомых), где изучил и систематизировал свои находки [Neue Deutsche Biographie. 1980: 460]. Пребывание путешественника на Северном Кавказе продлилось четыре месяца, в Грузии – пять месяцев. Результаты двух последних экспедиций автор изложил в первой части «Путевых заметок». Таким образом, в «Путевых заметках» события описываются в обратном хронологическом порядке [Reiseerinnerungen. Die Bereisung Circassien's. 1859: 1–2]. Родным языком Ф.А. Коленати был чешский, однако он говорил и писал на нескольких языках. «Путевые заметки. Путешествие в Черкесию», являющиеся результатом экспедиций ученого на Кавказ, были изданы в Дрездене типографией Рудольфа Кунце «Verlagsbuchhandlung von Rudolf Kuntze» в 1859 году на немецком языке. Выдержки из путевых заметок Ф.А. Коленати появлялись на страницах различных периодических изданий XIX века Европы и России, доступных широкому кругу читателей.

В рамках данного исследования рассматривается глава под названием «Die circassischen Völkerstämme in ethnographischer Beziehung dargestellt («Этнографическое описание черкесских племен»), представляющая для нас особый интерес как источник этнографических сведений о Черкесии середины XIX века.

Ниже приведены наиболее информативные разделы главы «Die circassischen Völkerstämme in ethnographischer Beziehung dargestellt («Этнографическое описание черкесских племен»), которые ранее не переводились на русский язык (все названия предметов одежды и термины, приводимые автором, в тексте перевода даются в оригинальном написании):

Этнографическое описание черкесских племен

Все черкесские племена, согласно Кювье, относятся к подлинно кавказской расе, согласно Фишеру – к яфетической расе и к кавказской ветви, Вирей относит их к белой расе и кавказской ветви, а Мартин – к яфетической расе (Homo Japeticus – от имени Иафета, сына Ноя, прародителя данной расы и данной ветви), *varietas 1. gens togata, ramification caucasienne*, Прихард также считает черкесов представителями яфетической расы и кавказского ответвления азиатской ветви. Здесь имеются ввиду племена черкесов, грузинов и мингрелов, в то время как татары и персы причисляются к татарскому ответвлению той же ветви и той же расы, как я это уже изложил в первом томе мемуаров.

Я могу утверждать, что среди черкесских мужчин и женщин все лица производят приятное впечатление и совсем не вызывают страх, как некоторые – из татарских племен. Черкесы имеют овальное лицо красивой формы, часто орлиный нос, маленький рот, черные, голубые или карие глаза, ровные вертикальные зубы; верхний ряд зубов перекрывает нижний лишь у резцов. Черкесы, в основном, высокого роста, имеют красивую фигуру, им свойственны неукротимая гордость и мужество, деликатность в манерах и аристократичность в движениях в любой ситуации, несмотря на отсутствие образования. Они никогда не сочетаются браком с татарами, чеченцами, лезгинами, аварцами и ногайцам. Мужчины носят такие имена: *Омер, Эльнес (Али), Махамед, Майсоль (Мозес), Тамасса (Томас), Гулат, Арсланбек (сильный лев), Тему (железо), Хамурза (предводитель собак), Джамемир (железная душа)*. Черкесские племена распадаются на три ветви: адыгов, кабардинцев и абхазов. Адыги и кабардинцы имеют широкий открытый лоб с низкой линией роста волос и очень светлый тон кожи, абхазы – более глубокое, особенно по бокам, оволосение, и не такой открытый лоб, к тому же они обычно стройные и смуглые.

К их повседневной одежде относятся следующие предметы:

Figur 1.

Ein Circassier.

Pa-ó, тканевый головной убор с острым верхом; линейные казаки, которые одеваются так же, украшают его по кругу черной овчиной, и называют *Schapka*;

Schkaro-chon, скифский вязаный шлем, названный казаками *башлык*; она, в основном, сшита из камвольной пряжи натурального цвета, которая называется *Babos* и изготавливается лезгинами. Плетение из такой пряжи содержит 2000 волокон шириной примерно в локоть, одна нить закручивается влево, другая – вправо... Эта ткань имеет высокую эластичность и прочность, она немного толще чем сукно и не пропускает воду в дождливую погоду.

Beschmet или *Kaftan*, ватированное и стеганое нижнее платье из шелка или легкого хлопка с коротким стоячим воротником, спереди застегивающееся на крючок, с длинными рукавами и манжетами. У линейных казаков нижнее платье называется *Beschmet*.

Zi-e, верхнее платье из азиатской ткани натурального цвета без воротника, так называемая *казацкая черкеска*, на груди по обеим сторонам с патронами, отороченными черной шелковистой оленьей кожей, которая называется *Chasritil*, так как спрятанные в ней патроны сделаны из рога (*Chaser*).

Vchü-rüpp, поясной ремень из иссиня-черной кожи, украшенный серебряными пуговицами и пряжками. Часто он полностью изготавливается из серебра и покрыт, как чешуей, скреплёнными друг с другом пряжками. У линейных казаков ремень называется *Kuschak* или *Poies*.

Kchleaei, высокие, сшитые из ткани сапоги для верховой езды, перетянутые изнутри на уровне икр длинной четырехугольной лоскутной тканью с цветной каймой [Reiseerinnerungen. Die Bereisung Circassien's. 1859: 13–14]. У линейных казаков эти сапоги называются *Nagawize*.

Dlha-goan-dsche-kchleæi, вид коротких, тканевых пестрых гетр высотой до колен, которые надеваются поверх гамаш для верховой езды. У линейных казаков они называются *Nakolenniki*.

Tscha-koa, пальто из войлока, защищающее от непогоды, называемое линейными казаками *Burka*.

Waka, обувь, без твердой подошвы, изготовленная полностью из красной или черной кордовской кожи (*Примечание переводчика*: кордовская кожа – специально обработанная кожа задней части спины лошади). У линейных казаков такая обувь называется *Tschuweki*.

Maest, вид обуви из телячьей кожи; у линейных казаков называется *Schulki*.

Вооружение черкесов состоит из следующих предметов:

Kamae, вид длинного, обоюдоострого азиатского колющего оружия, которое у казаков называется *Kinschal*. Этот кинжал имеет форму короткого римского меча, рукоять его украшена драгоценностями; если он выполнен из дамасской стали, то он называется *Bullat*.

Sæ, подкинжальный нож, который у линейных казаков называется *Noschik*.

Sæ-schchoa, *Schasche*, *Ssescho*, *Scheschkua* – вид изогнутой азиатской сабли с простой рукоятью в пестрых ножнах на узком подвесном ремне (военная драпировка), обычно украшенном серебряными пуговицами (*Tschu-usha*); у линейных казаков её называют *Schaschka*. [Reiseerinnerungen. Die Bereisung Circassien's. 1859: 15].

Sæ-psæ, синий узкий подвесной ремешок для сабли, украшенный серебряными пуговицами. У линейных казаков он называется *Protupia* (*Примечание переводчика*: читать «*Portupia*»).

Fök или *Tfönki*, также *Skonki*, длинное ружье азиатского типа с нарезным стволом малого калибра, обычно украшенное серебром или золотом с перламутром, которое носят на подвесном ремне в футляре из ворсистого фетра. У линейных казаков оно называется *Rusche* или *Wintowka*.

Schaen-tal, опорная вилка, состоящая из двух тонких, легких и прочных палочек, с одной стороны соединенных друг с другом, чаще так же, как они и росли, обычно из полевого клена или пробкового дерева. Казаки называют эту вилку *Podsoschka* или *Prischoschka*.

Bzæ-kozüæ, рог с порохом; линейные казаки называют его *natruska*.

Sampal-rgas, стальной инструмент для ввинчивания замков, который линейные казаки называют *Otwerka*.

Dargadl, жестяная банка, наполненная специальным жиром, смесью овечьего жира и керосина или мази из губки (*Phallus impudicus*), для смазки ствола и защиты его от ржавчины. Линейные казаки называют эту банку *Salnitza*, а жир земляным маслом. Эта банка, как и отвертка, подвешивается с помощью коротких ремешков к кинжалу или поясному ремню.

Schoan-Koetsch, азиатское, длинное, богато украшенное оружие, которое линейные казаки называют *Pistolet*. Его носят на портупее, перекинутой через плечо, и обычно заправляют сзади наискось под поясной ремень.

Schoen-koetsch-eps, черная шелковая узкая, пропитанная серебром тесьма для пистолета.

Все пуговицы на одежде называются *Tschuh*, также и *Tschu-usha*. Казаки называют их *Zaposhki* (*Примечание переводчика*: читать «*Zaponki*»), а петлицы – *Schu-una*.

Djerrid, короткое или длинное копье, которое они с ловкостью, сидя верхом на лошади, мечут во врагов [Reiseerinnerungen. Die Bereisung Circassien's. 1859: 16].

Figur 3

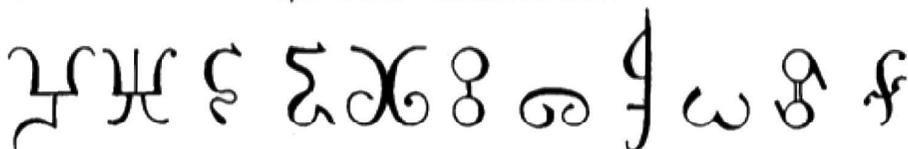

Ein Circassier in voller Rüstung.

Экипировка у черкесов такая же, как и у других азиатов, седло высокое. Лошадям никогда не подковывают, и они обычно носят тавро:

Figur 4a.

Am rechten Hinterschenkel.

Figur 4b.

Am linken Hinterschenkel.

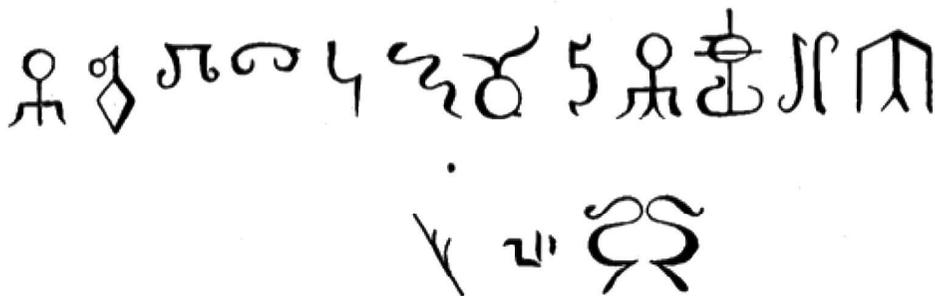

Рис. 4а: На заднем правом бедре.

Рис. 4b: На заднем левом бедре [Reiseerinnerungen. Die Bereisung Circassien's. 1859: 17].

Подобное тавро я видел на моей верховой лошади, которую купил у одного черкеса. Лучшая порода черкесских лошадей называется *Schaloch*, абазинских лошадей – *Tramt*, а кабардинских – *Beslen*. Последняя порода всегда имеет тавро на левом заднем бедре.

Figur 5.

Подделка тавро конных заводов или воровство лошадей приводит обычно к кровной мести, т.е. преступника преследуют и убивают вместе со всей семьей. Кавказские лошади отличаются красивыми, высокими и маленькими копытами, своей грациозностью и стройностью. К тому же, их преимуществом является то, что они выносливы и едят свежую траву, оставаясь длительное время бодрыми.

Полное снаряжение черкесов включает в себя также стальную рубашку, сплетенную из колец либо из стальной проволоки, капюшон из проволоки с козырьком из проволочной сетки или сетки из колец, которым можно защитить и лицо, реже встречаются защитные накладки для груди и для рук. Некоторые черкесы до сих пор носят с собой колчаны и стрелы, с которыми умеют очень хорошо обращаться. Как-то один черкес у нас на глазах проходил испытание и с расстояния в 100 шагов прострелил кожаный козырек офицерской фуражки, подвешенной на палке. На большом пальце правой руки черкесы носят крупное кольцо, которое сделано прежде всего для использования шомпола. [Reiseerinnerungen. Die Bereisung Circassien's. 1859: 18].

Мемуары и путевые заметки, которые в свое время стали для европейцев XIX века проводниками в мир Кавказа, рассматриваются нами, наряду с публикациями европейских ориенталистов, как важный источник сведений о культуре народов Кавказа, однако в некоторых исследованиях встречается немало и неоригинального материала. В связи с вышеизложенным, анализ и верификация сведений, содержащихся в зарубежных публикациях, авторами которых не всегда были исследователи-этнографы, являются неотъемлемым этапом в процессе изучения новых источников.

Несмотря на тот факт, что Фридрих Антон Коленати, будучи ученым, специализировался на зоологии и топографии, область его научных интересов не ограничивалась лишь естественными науками. «Путевые заметки. Путешествие в Черкессию» содержат важные данные о черкесах и о соседствующих с ними племенах и могут представлять собой особую ценность в качестве источника этнографических сведений о народах Кавказа, так как автор является очевидцем описанных им в данном труде событий.

Список источников и литературы

Бастиан 1871 – *Bastian A. Über die Kaukasus-Stämme// Zeitschrift für Ethnologie (Бастиан А. О племенах Кавказа// Журнал этнологии)*. Берлин: Издательство Вигандта и Хэмпеля, 1871. Т. 3. С. 126–131.

Клапрот 1812 – *Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien (Клапрот Ю. Путешествие на Кавказ и в Грузию)*. Галле и Берлин: Типографии приюта г. Галле. 1812. 1373 с.

Кох 1842 – *Koch K. Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838 (Кох К. Путешествие по России и к Кавказскому перешейку в 1836, 1837 und 1838 годах)*. Штутгарт и Тюбинген: Издательство Котта. 1842. 1102 с.

Коленати 1859 – *Kolenati Fr. A. Reiseerinnerungen. Die Bereisung Circassien's (Коленати Фр. А. Путевые заметки. Путешествие в Черкессию)*. Дрезден: Типография Рудольфа Кунце. 1859. 119 с.

Мерцбахер 1901 – *Merzbacher G. Aus den Hochregionen des Kaukasus (Мерцбахер Г. Из высокогорных регионов Кавказа)*. Лейпциг: Издательство Дункера и Гумбольдта. 1901. 1900 с.

Мюллер 1858 – *Müller J. Die öffentlichen und privat-entomologischen Sammlungen Brünns*// Wiener Entomologische Monatschrift (*Мюллер Ю. Общественные и частные энтомологические коллекции Брно* // Венский энтомологический журнал). 1858. Т. 2. № 2. С. 33–36 1858. Т. 2. № 2. С. 33–36).

Нейман 1840 – *Neumann K.F. Russland und die Tscherkessen* (*Нейман К.Ф. Россия и черкесы*). Штутгарт т Тюбинген: Издательство Котта. 1840. 154 с.

Рейнегс 1796 – *Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus* (*Рейнегс Я. Общее историко-топографическое описание Кавказа*). Гота и Ст. Петербург: Издательство Герстенберга и Диттмара, 1796. 294 с.

Рерих 1980 – *Röhrich H. Kolenati, Friedrich Anton* // Neue Deutsche Biographie (*Рэррих Х. Коленати, Фридрих Антон* // Новая немецкая биография). 1980. Т. 12. С. 460. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd116314273.html#ndbcontent>

References

BASTIAN A. *Über die Kaukasus-Stämme* [About the Caucasian Tribes] IN: Journal of Ethnology. Berlin: Izdatel'stvo Vigandta i Khempelya, 1871. Т. 3. S. 126–131. (In German)

KLAPROTH J. *Reise in den Kaukasus und nach Georgien* [Travel to the Caucasus and Georgia]. Galle i Berlin: Tipografii priyuta g. Galle. 1812. 1373 s. (In German)

KOCH K. *Reise durch Russland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838* [Journey through Russia to the Caucasian isthmus in 1836, 1837 and 1838]. Shtuttgart i Tyubingen: Izdatel'stvo Kotta. 1842. 1102 s. (In German)

KOLENATI FR. A. *Reiseerinnerungen. Die Bereisung Circassien's* [Travel memories. The tour of Circassia]. Drezden: Tipografiya Rudol'fa Kuntse. 1859. 119 s. (In German)

MERZBACHER G. *Aus den Hochregionen des Kaukasus* [From the high regions of the Caucasus]. Leiptsig: Izdatel'stvo Dunkera i Gumbol'dta. 1901. 1900 s. (In German)

MÜLLER J. *Die öffentlichen und privat-entomologischen Sammlungen Brünns* [The public and private entomological collections of Brno]. IN: Vienna Journal of Entomology. 1858. Т. 2. № 2. S. 33–36 1858. Т. 2. № 2. S. 33–36.) (In German)

NEUMANN K. F. *Russland und die Tscherkessen* [Russia and the Circassians]. Shtuttgart t Tyubingen: Izdatel'stvo Kotta. 1840. 154 s. (In German)

REINEGGS J. *Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus* [General historical-topographic description of the Caucasus]. Gota i St. Peterburg: Izdatel'stvo Gerstenberga i Dittmara, 1796. 294 s. (In German)

RÖHRICH H. *Kolenati, Friedrich Anton* [*Kolenati, Friedrich Anton*]. IN: New German Biography. 1980. Т. 12. S. 460. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd116314273.html#ndbcontent> (In German)

Информация об авторах

Асият М. Абаева – преподаватель иностранных языков;

Асуана М. Абаева – преподаватель иностранных языков.

Information about the authors

Asiyat M. Abaeva – lecturer of foreign languages;

Asuana M. Abaeva – lecturer of foreign languages.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 15.11.2024; approved after reviewing 17.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-34-42

СЫРОВАРЕННЫЕ ПРАКТИКИ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА: ОПЫТ ИСМАИЛА (ДАДАША) БАЛКОРУКОВА

Тимур Аликович Дзуганов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2024

Аннотация. Исследуется малоизученная проблема экономической истории Кабардино-Балкарии – возникновение товарного производства сыра в Нальчикском округе. Впервые вводимые в научный оборот материалы позволяют глубже проанализировать специфику и характерные черты развития промышленного сыроварения в Нальчикском округе. Охарактеризовано состояние сыроделия и его место в традиционном хозяйственном укладе горцев округа. Показано, что уже к началу XX в. в округе в этой сфере происходят качественные изменения, выразившиеся, прежде всего, в организации промышленных предприятий, основанных на передовых швейцарских технологиях. На примере сыроваренного завода Дадаша Балкорукова устанавливается, что уже к началу XX в. в округе имелись отдельные специализированные сыроваренные производства нового типа, с более жесткой, относительно мелко-промысловых, рыночной интегрированностью. Исследование позволяет определить место и роль промышленного сыроварения в развитии предпринимательских практик округа.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XIX–XX вв.; Нальчикский округ; Нальчик; предпринимательство; сыроварение; сыроваренный завод; швейцарские технологии

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Сыроваренные практики Нальчикского округа: опыт Исмаила (Дадаша) Балкорукова // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 34–42. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-34-42

Original article

CHEESE-MAKING PRACTICES OF THE NALCHIK DISTRICT: THE EXPERIENCE OF ISMAIL (DADASH) BALKORUKOV

Timur A. Dzughanov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Dzughanov, 2024

Abstract. The research is devoted to the study of one of the key issues in the economic history of Kabardino-Balkaria – the emergence of commercial cheese production in the Nalchik district. For the first time the materials introduced into the scientific turnover allow to analyze more deeply the specifics and characteristic features of the development of industrial cheese-making in Nalchik district. The state of cheese-making and its place in

the traditional economic way of the highlanders of the district are studied. It is shown that already by the beginning of the XX century in the district in this sphere there are qualitative changes, expressed, first of all, in the organization of industrial enterprises based on the advanced Swiss technologies. Using the example of the cheese factory of Dadash Balkorukov, it is established that already by the beginning of the twentieth century the district had separate specialized cheese factories of a new type, with a more rigid, relative to the small-scale ones, market integration. The study makes it possible to determine the place and role of industrial cheese-making in the development of entrepreneurial practices in the district.

Keywords: North Caucasus; XIX–XX centuries; Nalchik district; Nalchik; entrepreneurship; cheese-making; cheese factory; cheese-making in the North Caucasus

For citation: Dzuganov T.A. Cheese-making practices of the Nalchik district: the experience of Ismail (Dadash) Balkorukov. Vestnik KBIGI = KBIRH Bulletin. 2024; 4-1 (63): 34–42. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-34-42

Сыроварение исторически являлось важнейшей составной частью натурального хозяйства горцев Северного Кавказа, в том числе, и нальчикского округа. Князь Т.Г. Баратов [Кавказ 1860: 73] в 1860 г. отмечая «отличное состояние кабардинского скотоводства», писал, что с мая до октября кабардинцы едят преимущественно сыр, кислое молоко и разные приготовления в этом роде. Сыр кабардинский «очень жирен, чрезвычайно вкусен и долго сохраняется». Не менее важная роль отводилась сыроварению и в хозяйственных практиках горских обществ округа. Сыр, согласно Ковалевскому, в прежние времена являлся непременным элементом натуральной повинности зависимых сословий в Балкарии. «Из изготовленных ими сыров «каракеш» отдают в пользу господина по меньшей мере 5» [Ковалевский, Миллер 1884: 578].

Вместе с тем, сыроварение, в его традиционной форме, довольно долго и упорно сопротивлялось рыночной интеграции. «Сыр кабардинцы делают двух сортов: прогорский (прогорклый – Т.Д.) и копченый. Простой кабардинский сыр еще до сего времени готовят самым примитивным образом [Баскаков 1912: 14]. Технология производства не менялась веками и не отличалась заметным разнообразием видов конечного продукта. Из молока готовили сыр двух сортов: соленый и копченый [Жакомихов 1965: 163], предназначавшихся, преимущественно, для собственного потребления. Сложившаяся ситуация не отвечала интересам набирающего обороты капиталистического рынка.

Впервые проблема «несовершенства способов обработки животных продуктов» в Кавказских провинциях России актуализировалась в начале 60-х годов XIX в., когда по инициативе Управления Сельского хозяйства и с разрешения Наместника на Кавказе, в 1863 г. предпринимаются меры по «введению швейцарского способа сыроварения на артельных началах» в крае. Для этих целей был «закантрактован» в Швейцарии специалист-сыродел, перед которым ставилась задача «правильной» организации всего цикла производства на территории колоний Александерсгильф Тифлисской губернии [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1082. Л. 1]. Начинание имело несомненный успех и уже в 1869 г. «убежденные опытом выгодности производства сыра по швейцарскому способу», колонисты принимают решение расширить дело, для чего обратились к правительству с просьбой новых кредитов на устройство новой «большой сыроварни» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1082. Л. 1 об.]. Получение средств от государства, помимо прочего, обязывало колонистов открыть при сыроварне четырехгодичную школу по подготовке отечественных сыроделов. В виду этого, начальнику Терской области из Главного Управления Наместника Кавказского поступило предложение найти согласных обучаться «швейцарскому способу» сыроварения. Желающих предполагалось отбирать из населения «нагорных частей». Копия документа с пожеланием «выбрать одного молодого горца» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1082. Л. 2 об.] для

отправки в школу поступила и в канцелярию начальника Горского участка Кабардинского округа. Канцелярия Главного Управления решила, что четырехгодичное обучение «молодого горца» будет осуществляться из средств Кабардинской Общественной суммы (далее – КОС), так как этот институт, являясь «одним из финансовых ресурсов имперского управления Кабардой» [Прасолов 2022: 76], вполне мог бы взять на себя роль источника финансовой поддержки обучающихся.

Однако начинание властей не встретило должного понимания у населения округа. Консервативное мышление горцев не успело еще в полной мере адаптироваться к новым экономическим реалиям, кабардинцы и балкарцы не видели всех преимуществ и перспектив товарного сыроварения. Вследствие этого, начальник Горского участка 12 марта 1870 г. вынужден был уведомить вышестоящие инстанции, что «желающих отправить охотников для изучения сыроварения во вверенном мне участке не оказалось» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1082. Л. 5].

Ситуация в товарном сыроварении начинает меняться лишь с середины 70-х гг. XIX в. и значительную роль в этом вопросе сыграла культурно-просветительская деятельность подвижников отечественного промышленного сыроварения Н.В. Верещагина, А.А. Кирша, А.А. Калантар и др. Применительно к Нальчикскому округу, нельзя не отметить усилия в этом направлении А. Мамашева, Исмаила, Хамзата и Александра Урусбиевых, Исмаила (Дадаша) Балкорукова – пионеров рыночного сырodelия округа.

В целом, указанные изменения носили ситуативный характер, и даже к началу XX в. подвижникам товарного сыроварения не удалось полностью преодолеть консерватизм горцев в данном вопросе. Инструктор молочного хозяйства на Северном Кавказе Г. Баскаков, объезжая «с передвижной сыроварней-маслодельней Департамента Земледелия, с целью наглядного ознакомления горцев с техникой молочного хозяйства» [Баскаков 1912: 14] селения горцев в 1909 г., обратил внимание на нежелание жителей округа менять ситуацию в сыроварении. По словам Баскакова, кабардинцы из Ашабова «охотнее говорили о мерах поднятия скотоводства, развития молочного дела и вообще улучшении их хозяйства, но в возможность этого они совершенно не верят и не верят с явным предубеждением, что это против воли Бога» [Баскаков 1912: 15]. Впрочем, это утверждение Баскакова несколько резонирует с сообщениями других авторов. Б.К. Далгат во время своей поездки в Нальчик в 1903 г. как рядовое явление, отмечает «кабардинца», который «проносит по дворам сыр» [Далгат 1991: 147]. По-видимому, уже к началу XX в. товарное сыроварение в хозяйственном укладе горцев постепенно завоевывает прочные позиции.

Проблема изучения вопроса становления промышленного сыроварения, не смотря на всю важность, особенно в контексте экономической истории народов Кабардино-Балкарии, еще ни разу не становилась объектом научного исследования. В специальной литературе по этому вопросу чаще всего упоминается деятельность сыроварни братьев Урусбиевых, основанной на швейцарских технологиях. Меж тем, история регионального промышленного сыроварения далеко не ограничивается данным эпизодом и знает и другие славные страницы, например сырodelьное производство в Чегемском ущелье таубия Дадаша Балкорукова.

Тем не менее, в научной литературе, как уже упоминалось выше, наибольшую известность приобрела именно сыроварня Урусбиевых. Возможно, это событие объясняется тем фактом, что производство Урусбиевых, в отличии от той же «туземной» сыроварни Мамашевых, действовавшей в местечке Хоштан примерно с 40-х гг. XIX в. было организовано на принципах передовых для своего времени западных технологий и имела большую рыночную ориентированность. С другой стороны, последователи Урусбиевых – сыроварни Лихте-Лютце и Балкарукова, основанные на тех же «швейцарских принципах» появляются в округе с большим временным промежутком – в конце XIX – начале XX вв. Уже с конца

70-х г. деятельность производства Урусбиевых – излюбленный сюжет Терской областной печати, освещавшей «передовые начинания» в Области, и даже удостоивается упоминания в «Вестнике Европы» [Ковалевский, Миллер 1884: 544]. Первые сообщения о других сыроварнях в округе относятся к концу XIX в. П. Соколовский, предпринявший в 1897 г. экскурсию «на сыроварню полковника Урусбиева», по дороге останавливался на хуторе зажиточного казака станицы Зольской, чья ферма располагалась напротив аула Ашабово. Хозяин владел мельницей, несколькими десятками дойных коров и лошадей. «Свои молочные продукты: масло, сыр и др. казак сбывает в Пятигорске» – записал журналист [Терские Ведомости 1897: 76]. Можно предположить, что данная сыроварня, не смотря на определенную механизацию производства, не заинтересовала П. Соколового в силу того, что была организована не по «швейцарскому» принципу, как сыроваренный завод Урусбиевых, или например сыродельное предприятие фермера Лихте, получившее некоторую известность благодаря экспедициям Пятигорского Горного Общества. В 1905 г. группа экскурсантов указанного Общества, во главе со своим руководителем Р. Лейтцингером впервые посетила ферму близ аула Озрокова. Хозяйство «швейцарца Лихте» помимо прочего, включало в себя «сыроваренный завод» [Лейтцингер 1908: 132]. Сам Лихте «охотно» продемонстрировал экскурсантам свой завод и даже «познакомил с сыроваренным делом».

Сведения о постепенном росте рыночной ориентированности изготовления домашнего сыра в хозяйстве жителей округа с началом XX в. встречаются чаще.

В советский период ситуация в историографии вопроса заметно не меняется. Исследователи, подходившие к изучению проблемы, ограничивались констатацией факта деятельности сыроварни Урусбиевых, которая по замечанию Т.Х. Кумыкова стала «новым явлением, связанным с эволюцией скотоводства» [Кумыков 1965: 277]. Примечательно, что говоря об этом, Т.Х. Кумыков совсем не упоминает о других сыроваренных предприятиях Нальчикского округа конца XIX – начала XX вв. Меж тем, автор не мог не знать о сыроваренном производстве Дадаша Балкарукова и других. В этой же традиции выдержан подход к освещению товарного сыроварения в округе в известной работе Т.А. Жакомихова. Автор ограничился цитированием известной статьи М. Миллера и В. Ковалевского [Жакомихов 1965: 163], оставив без должного внимания другие примеры окружного промышленного сыродельного производства.

Отдельное упоминание о развитии товарного сыроварения в контексте развития капиталистических отношений в народном хозяйстве округа встречается в работе М.З. Саблирова [Саблиров 2001: 33]. Исследователь отмечает, что крупное скотоводство в этот период находилось в состоянии перестройки под «нужды развивающегося капитализма. Оно имело не только мясное, но и молочное направление. Крупные скотопромышленники основывали маслобойки, сыроварни».

В новейшее время в отечественной историографии наблюдается определенный интерес к деятельности и других предпринимателей-сыроделов. Интересные и важные подробности о начинаниях братьев Урусбиевых, и, что особенно ценно в контексте нашего исследования, сыроваренном производстве Балкорукова содержатся в работе Т.Ш. Биттировой [Биттирова 2018].

Вместе с тем, проблема становления товарного сыроварения у народов Кабарды и Балкарии в отечественном Кавказоведении по-прежнему остается малоизученной. Цель данного исследования – закрыть некоторые исторические лакуны в данном вопросе, изучить и проанализировать на примере предприятия Дадаша Балкарукова, особенности организации и функционирования товарного сыроварения в начале XX в. в Нальчикском округе.

Положение молочного хозяйства на Кавказе вызывало большой интерес среди российских промышленников, предпринимателей и потенциальных инвесторов с конца 80-х гг. XIX в. К этому периоду относится начало первых экспериментов в

области организации «правильного» артельного сыроварения во Владикавказском округе, Баталпащинском уезде и в других уголках Северного Кавказа. В своем докладе «на заседаниях всероссийского съезда по молочному хозяйству» проходившему в Петербурге в 1899 г. А.А. Калантар [Терские Ведомости 1899: 118] констатировал замечательные успехи Кавказа, особенно в области сыроварения. Докладчик выделил ряд ключевых моментов. «Из нескольких поясов Кавказа для сыроварения играет наибольшую роль пояс луговой, или пастбищной растительности. Этот богатый фонд кормовых средств дает возможность серьезно думать о насаждении здесь «швейцарского» сыроварения, тем более что флора лугового пояса, по составу трав, сильно напоминает альпийскую, и сыр, получаемый из молока местных коров, обладает теми же высокими достоинствами, что и швейцарский. В настоящее время сбыт кавказского сыра, в размере приблизительно 12–15 тыс. пуд. в год, вполне обеспечен.

Докладчик отметил, что не смотря на замечательные перспективы развития в регионе сыроварения, «до сих пор руководителей в этом деле, к сожалению, почти не было, а потому, чтобы дать толчок к развитию столь важной отрасли, необходимо оказать содействие назначением на Кавказ инструкторов и созданием там школ. Не мало пользы принесли бы, например, передвижные маслоделни. Высказывалось намерение со временем «вытеснить из местного употребления иностранные сыры. Стремление это облегчается тем обстоятельством, что благодаря широкому «туземных» сыров, на Кавказе есть уже контингент лиц, могущих легко воспринимать вносимые инструкторами улучшения в технику производства [Терские Ведомости 1899: 118].

Эти позитивные начинания встретили поддержку и понимание со стороны наиболее передовых фермерских хозяйств. Сеть артельных и частновладельческих сыроварен на Кавказе к началу XX в. расширилась. Не осталась в стороне от новых веяний и Терская область тем более, что Администрация области принимала самое активное участие в этом процессе. В 1901 г. чиновник особых поручений при министре земледелия А.А. Кириш [Терские Ведомости 1901: 95] в своем отчете указывал, что начальник Терской области «отнесся очень сочувственно к возбужденному вопросу, по делу устройства школ молочного хозяйства» на подведомственной территории. Обратив внимание на «зарождение производства культурных сортов сыра и масла в горах» в апреле отчетного года, он предложил на сборе доверенных кабардинских и горских обществ Нальчикского округа обсудить вопрос «о возможном денежном участии из их общественного капитала, в устройстве, при каком либо из местных хозяйств, школы сыроварения и маслоделия». Собрание доверенных кабардинских и горских обществ Нальчикского округа, «выслушав предложение г. начальника области – постановили: а) одновременно отпустить на постройки 4 т. руб. и б) стипендии ученикам из туземцев...».

Главная задача этих мероприятий, по мнению начальства, заключалась в преодолении сопротивления горского населения новым веяниям в экономик и изыскание необходимых внебюджетных средств для организации дела. Вместе с тем, как в самой администрации Терской области, так и в общественных кругах отчетливо осознавали невозможность решения поставленных задач «с насюка». Видный общественный деятель А.Г. Ардасенов [В-Н-Л 1896: 40] в связи с этим писал: «Трудности увеличиваются в особенности потому, что начать жизнь на новых основаниях и приемах хозяйствования – легко только сказать: на это нужно прежде всего время и более или менее длинный ряд подготовительных работ. Заимствования, «непрошедшие через жизнь народа и не переработанные им сообразно своему духу, не могут считаться прочным приобретением для него».

Усилия областных властей, в основном просветительского характера, в купе с финансовой поддержкой КОС в кратчайшие сроки дали ряд позитивных результатов. В Нальчикском округе, в начале XX в., помимо сыроваренных предприятий,

открытых местными коммерсантами, появляются и аналогичные учреждения известных российских сыроделов. В 1910 г. в 8 верстах от аула Кармово, на арендованном у помещицы Хомяковой участке располагался сыроваренный завод Ивана Львовича Губарева [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Л. 108]. Как явствует из документов, Губарев являлся владельцем собственного «склада сыра и масла» в Новороссийске с отделениями в Батуми, Сухуме, Сочи, Екатеринодаре и Кисловодске. В Нальчикском округе он, помимо сыроваренного завода, вел довольно значительного хозяйство, разводил рогатый скот и лошадей.

Одним из наиболее удачных результатов взаимодействия политики Терских властей и народного самоуправления в лице Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ и КОС, является пример сыроваренного предприятия Исмаила (Дадаша) Балкарукова.

По сведениям, которые приводит в своей работе Т.Ш. Биттирова, идея основать собственный сыроваренный завод появилась у Исмаила (Дадаша) Балкарукова позднее 1902 г. В местечке под названием Кала-Кол (под Былымом) он его и построил. Из Швейцарии был приглашен мастер сыроварения Миллер. Сыры «Бакштейн», изготовленные на этом заводе, пользовались очень большим спросом и даже попали на знаменитую Нижегородскую ярмарку [Биттирова 2018: 18].

По нашим сведениям, решение заняться промышленным предпринимательством в этой сфере было принято Балкороковым несколько ранее. По крайней мере, о своем намерении заняться сыроварением Дадаш поведал гостившему у него И. Леонтьеву еще в 1896 г. Примечательно, что главной мотивационной причиной, по словам Балкорокова, была не финансовая составляющая, а то обстоятельство, что его начинание «будет способствовать развитию местного скотоводства» [Леонтьев 1897: 129]. Кроме того, в архивохранилищах КБР выявлен любопытный документ, из которого становится известно, что 19 мая 1895 г. Ислам (Дадаш) Балкаруков обратился с просьбой к начальнику округа оказать ему содействие в выделении необходимых на первых порах средств. «Желая изучить сыроварение с целью устройства сыроварни в горах и не имея на это личных средств, ввиду той пользы, которую может принести это дело населению, прошу Ваше Высокоблагородие предложить доверенным отпустить мне из Кабардинской Общественной суммы 300 руб. в безвозвратное пособие» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 329. Л. 14]. По результатам рассмотрения прошения Балкарукова, съездом доверенных из КОС была выделена необходимая сумма [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 329. Л. 159 об.].

Изыскав требуемые средства, Балкаруков приступил к реализации намеченной цели. В 1901 г. газета «Терские Ведомости» сообщала своим читателям о первых результатах деятельности предприятия Балкорукова. «Голландская сыроварня Балкарокова выстроена в 1899 г. Варка сыров начата с 28 мая и окончена 1 ноября [Терские Ведомости 1901: 91].

Молоко принято от коров своего стада и 40 коров, пригнанных соседом горцем, 972 п. 16 ф., из которого сделано 960 головок голландского сыра, весом 108 п. 2 ф.

Мастером состоял ученик Кирша, Дмитрий Забара, казак станицы Боргустанской, Терской области.

Состав стада: а) 70 дойных коров.

Голландские сыры, сваренные из своего, а не собранного молока, вышли очень хорошего качества и премированы на выставке в Прохладной большой серебряной медалью». Как видно из отчета о деятельности в Терской и Кубанской областях чиновника особых поручений при министре земледелия А.А. Кирша Балкаруков учел опыт сыроваров Урусбиевых и организовал свое производство с ориентированием на изготовление не швейцарских, а именно голландских сыров, менее прихотливых в производстве, хранении и транспортировке [Терские Ведомости 1901: 91].

Швейцарские сыры, сваренные из сборного молока, дают товар лишь среднего качества, с значительным процентом брака, так как этот сорт сыров очень прихотлив и требует для своего приготовления молоко здоровое, безукоризненного качества.

Голландские сыры далеко не так требовательны к качеству молока, а потребление его на Кавказе за последние 2–3 года сильно увеличилось, цены на него стоят высокие ...

Набравшись опыта, Балкаруков со временем приходит к решению заняться и производством швейцарских сыров для чего, совместно со своим компаньоном, приобретает швейцарскую ферму близ аула Озрокова с уже отлаженным сыроваренным предприятием.

Видный российский путешественник, член Пятигорского Горного общества В.В. Дубянский трижды посещал указанную ферму Лихте/Лютце. В 1908 г., во время одного из своих посещений, он записал в своих путевых заметках следующее: «Лет пятнадцать тому назад здесь основался со своей семьей патриархально-го уклада жизни один швейцарец из немецких кантонов, некто Лютце и, оценив, совершенно справедливо богатство, представляемое здешними великолепными пастбищами, поставил на широкую ногу молочное хозяйство до приготовления швейцарского сыра включительно, мало чем отличавшегося по своим качествам от гордости его далекой родины. Он сумел снискать симпатии и доверие окрестных горцев, которые и являлись для надобностей завода главными поставщиками молока; через некоторое время продвинулся верст на двадцать вверх по Баксану, где представлялась возможность еще более улучшить качество изготавливаемого сыра за счет высоких качеств пастбищного корма, и вот высоко над широкой долиной, на крутом берегу быстрого горного ручья вырос новый завод, обширнее прежнего [Дубянский 1911: 22–23]. В записках Р. Лейтцингера [Лейтцингер 1908: 132] фамилия хозяина фермы звучит как «Лихте», данная транскрипция, по видимому, ближе к истине, так как Лейтцингер, в отличие от Дубянского, сам был швейцарцем по происхождению.

«Года три тому назад старик переехал на житье в Закавказье..., а все дело передал двум зажиточным горско-татарским фамилиям Мамышевых и Дадашевым». В 1907 г. Дубянский «застигнутый в сумерках надвигающейся грозой» оказался близ «заводов» Мамышевых и Дадашевых (вероятно автор имел ввиду Дадаша Балкарукова – Т.Д.), где нашел временный приют в «комнатах опустевшего дома ближнего завода». К моменту путешествия Дубянского – август 1908 г., деятельность этих предприятий приобретает характерные черты некоторой стагнации. «На втором заводе и теперь еще можно достать хороший сыр по сорок копеек за фунт, но молодое дело, попавшее в неокрепшие руки, как-то замирает, угрожая совсем свестись на нет. Вместе с тем, автор довольно комплементарно характеризует действия новых владельцев. «Там, на высоком правом берегу потока, ... сыроваренный завод, где хозяйничает теперь переселившийся с Чегемского ущелья на Баксан Дадаш Болкароков, родственник князей Урусбиевых, питомец Нальчикской горской школы, – этот первый и достойный всяческой поддержки преемник скромного швейцарца, наладившего своею умелой и любящей рукой многообещающее при своем возникновении дело рационального сыроварения на Баксане [Дубянский 1911: 31].

Основным препятствием в развитии предприятия Дадаша Дубянский считал отсутствие нормальной транспортной инфраструктуры, что сильно затрудняло доставку готовой продукции до потребителя. «А между тем, оно могло-бы иметь, при других условиях, огромную будущность» – замечает по этому поводу путешественник. Причем, под «другими условиями, Дубянский подразумевал ремонт пришедшей в негодность колесной дороги и строительство новых мостов [Дубянский 1911: 22–23].

По-видимому, Балкарукова и его компаньону Мамышеву так и не удалось преодолеть это препятствие и, со временем, их совместное предприятие окончательно прекратило свою деятельность. К 1914 г. Балкаруков полностью отошел от дел, связанных с его сыроварней. Возможно, на это повлияла разразившаяся в 1914 г. Мировая война, в условиях которой производство товарного сыра в округе утратило свою рентабельность. Как видно из документов, с конца 1914 г. многие промышленники и коммерсанты округа переориентировались на военные поставки. Русская Императорская армия готова была скупать для своих нужд лошадей, крупный и мелкий рогатый скот практически в неограниченных количествах, что обусловило масштабное переформатирование экономики Терской области, в целом, и Нальчикского округа, в частности. Отныне фамилии наиболее известных предпринимателей края чаще всего встречаются в документах в связи с исполнением военных контрактов на поставку скота в действующую армию. Деятельность же местных сыроварен, как свидетельствуют документы, к концу войны пришла в совершеннейший упадок. Тем не менее, деятельность сыроваренного предприятия Дадаша Балкарукова оставила заметный след в развитии предпринимательства Нальчикского округа, стала важной страницей экономической истории Кабардино-Балкарии.

Список источников и литературы

- Баскаков 1912 – *Баскаков Гр. К* вопросу об ознакомлении с местным краем // Юго-Восточный хозяин. 1912. № 7. С. 11–28.
- Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследования, тексты). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 334 с.
- В-Н-Л 1896 – В.-Н.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1896. 41 с.
- Далгат 1991 – *Далгат Б.К.* Слобода Нальчик (Отрывок из дневника туриста) // Живая старина. 1991. № 1. С. 146–150.
- Дубянский 1911 – *Дубянский В.В.* На Эльбрус по Баксану. (Из путевых воспоминаний участников восхождения на западную вершину Эльбруса 3 августа 1908 г.). Пятигорск, 1911. 126 с.
- Жакомыхов 1965 – *Жакомыхов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 205 с.
- Кавказ 1860 – *Кавказ* 1860. № 73. Л. 3.
- Ковалевский, Миллер 1884 – *Ковалевский М., Миллер В.* В горских обществах Кабарды. Из путешествия Всеv. Миллера и Макс. Ковалевского // Вестник Европы. № 4. 1884. С. 540–589.
- Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 419 с.
- Лейцингер 1908 – *Лейцингер Р.* Лето альпиниста. // Ежегодник Кавказского горного общества в гор. Пятигорске. Пятигорск: Электронпечатня «Сукиасянц и Лысенко», 1908. № 2. 133 с.
- Леонтьев 1897 – *Леонтьев И.* Поездка к Баксанскому Леднику // СМОПК. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 119–162.
- Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 2022. 239 с.
- Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. 232 с.
- Терские ведомости 1897 – *Терские Ведомости* 1897. № 76. Л. 2.
- Терские Ведомости 1899 – *Терские Ведомости* 1899. № 118. Л. 2.
- Терские Ведомости 1901 – *Терские Ведомости* 1901. № 91. Л. 2.
- Терские Ведомости 1901 – *Терские Ведомости* 1901. № 95. Л. 2.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

References

- BASKAKOV Gr. *K voprosu ob oznakomlenii s mestnym kraem* [On the issue of getting to know the local region]. IN: Yugo-Vostochnyi khozyain. 1912. N 7. P. 11–28. (In Russian)
- BITTIROVA T.Sh. *Basiyat Shakhanov. Zhizn' i tvorchestvo (Issledovaniya, teksty)* [Basiyat Shakhanov. Life and Work]. Nal'chik: OOO «Pечатnyi dvor», 2018. 334 p. (In Russian)
- DALGAT B.K. *Sloboda Nal'chik (Otryvok iz dnevnika turista)* [Sloboda Nalchik (Excerpt from a tourist's diary)]. IN: Zhivaya starina, 1991. N 1. P. 146–150. (In Russian)
- DUBYANSKII V.V. *Na El'brus po Baksanu. (Iz putevykh vospominanii uchastnikov voskhozhdeniya na zapadnyuyu vershinu El'brusa 3 avgusta 1908 g.)* [To Elbrus via Baksan. (From the travel memoirs of participants in the ascent to the western summit of Elbrus on August 3, 1908)]. Pyatigorsk, 1911. 126 p. (In Russian)
- KAVKAZ 1860 [Caucasus 1860]. N 73. P. 3. (In Russian)
- KOVALEVSKII M., MILLER V. *V gorskikh obshchestvakh Kabardy. Iz puteshestviya Vsev. Millera i Maks. Kovalevskogo* [In the mountain societies of Kabarda. From the travels of Vsev. Miller and Max. Kovalevsky]. IN: Vestnik Evropy. № 4. 1884. P. 540–589. (In Russian)
- KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitiye Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the twentieth century]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 419 p. (In Russian)
- LEITSINGER R. *Leto al'pinista* [Summer of the Mountaineer]. IN: Ezhegodnik Kavkazskogo gornogo obshchestva v gor. Pyatigorske. Pyatigorsk: Elektropechatnya «Sukiasyants i Lysenko», 1908. N 2. 133 p. (In Russian)
- LEONT'EV I. *Poezdka k Baksanskomu Ledniku* [Trip to Baksan Glacier]. IN: SMOPK. Vyp. 22. Tiflis, 1897. P. 119–162. (In Russian)
- PRASOLOV D.N. *S'ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Congress of trusted Kabardians and Balkars in political culture]. Nal'chik, 2022. 239 p. (In Russian)
- SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX vv.* [The culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late 20th – early 20th centuries]. Nal'chik: Adyge kheku, 2001. 232 p. (In Russian)
- Terskie Vedomosti* [Terek Vedomosti] 1897. N 76. P. 2. (In Russian)
- Terskie Vedomosti* [Terek Vedomosti] 1899. N 118. P. 2. (In Russian)
- Terskie Vedomosti* [Terek Vedomosti] 1901. N 91. P. 2. (In Russian)
- Terskie Vedomosti* [Terek Vedomosti] 1901. N 95. P. 2. (In Russian)
- Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)
- V.-N.-L. *Perekhodnoe sostoyanie gortsev Severnogo Kavkaza* [Transitional state of the highlanders of the North Caucasus]. Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo, 1896. 41 p. (In Russian)
- ZHAKOMIKHOV T.A. *Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii* [Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii]. IN: Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 205 p. (In Russian)

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Ancient History and Archeology.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 17.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 15.11.2024; approved after reviewing 17.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья
УДК 94(471.64) 84.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-43-50

ЭСКАЛАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТУРБУЛЕНЦИЙ (1917–1920 гг.)

Осман Асланович Жанситов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

© О.А. Жанситов, 2024

Аннотация. В статье исследуются вопросы эскалации гражданского противостояния в Нальчикском округе в период революции и гражданской войны. Отмечается, что после Февраля 1917 г. содержание революционного процесса в большей мере составляла политическая конфронтация конкурирующих за господство в регионе акторов – Нальчикского окружного гражданского исполнительного комитета, поддерживающего курс Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, становившегося органом большевистского влияния. Постепенно в орбиту политического кризиса втягиваются идеологически поляризующиеся народные массы. В качестве ключевого фактора роста социальной конфронтации выделяется смена политических режимов, оборачивавшаяся преференциями для одних слоев населения и ущемлением интересов – других. Внимание также уделяется проблеме насилия, с одной стороны, как инструмента прихода к власти и ее удержания, с другой – как непременно сопровождающего гражданское противостояние явления.

Ключевые слова: Нальчикский округ, революция, гражданская война, репрессивные практики, социальные противоречия, советская власть, деникинская администрация

Для цитирования: Жанситов О.А. Эскалация гражданского противостояния в Нальчикском округе в условиях революционных турбуленций (1917–1920 гг.) // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 43–50. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-43-50

Original article

ESCALATION OF CIVIL CONFRONTATION IN THE NALCHIK DISTRICT IN THE CONDITIONS OF REVOLUTIONARY TURBULENCE (1917–1920)

Osman A. Zhansitov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

© O.A. Zhansitov, 2024

Abstract. The article examines the issues of escalation of civil confrontation in the Nalchik district during the revolution and civil war. It is noted that after February 1917, the content of the revolutionary process was largely composed of political confrontation

between power structures competing for dominance in the region – the Nalchik District Civil Executive Committee, which supported the course of the provisional government and the Council of Workers' and Soldiers' Deputies, which became the body of Bolshevik influence. The ideologically polarized masses are gradually being drawn into the orbit of the political crisis. The key factor in the growth of social confrontation is the change of political regimes, which resulted in preferences for some segments of the population and infringement of the interests of others. Attention is also paid to the problem of violence, on the one hand, as a tool for coming to power and maintaining it, on the other, as a phenomenon that necessarily accompanies civil confrontation.

Keywords: Nalchik district, revolution, civil war, repressive practices, social contradictions, Soviet power, Denikin administration

For citation: Zhansitov O.A. Escalation of civil confrontation in the Nalchik district in the conditions of revolutionary turbulence (1917–1920). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 43–50. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-43-50

Накал политической борьбы в Нальчикском округе в период гражданской войны неминуемо вовлекал в свою орбиту различные группы населения, поляризация которых начала проявляться с началом революции и по мере ее развития оборачивалась острой социальной конфронтацией. Дополнительным триггером последней, послужила иерархическая структура кабардинского и балкарского социумов. Существовавшие противоречия между высшими сословиями и крестьянством, проявлявшиеся до революции в виде локальных, по большей части, бытовых эксцессов, теперь наполнились новым содержанием, а именно конфронтацией на идеологической и политической почве.

В советской историографии социальная конфронтация в период революции и гражданской войны в Нальчикском округе представлялась как борьба угнетенных слоев населения («трудового народа») против «эксплуататорских классов», в основе которой лежало стремление к экономическому благополучию и политическому представительству. Естественные и справедливые цели этой борьбы служили своего рода оправданием насилия, в отношении сопроотивлявшихся «естественному ходу истории» прежних социально-политических элит [Гугов 1979; Корнев 1967]. В то же время, описывая жесткую социально-политическую конфронтацию в годы революции, советские историки не раскрыли истинный масштаб и характер репрессивных практик используемых большевистской властью, ограничившись лишь отдельными фактами привлечения к ответственности «явных контрреволюционеров» в рамках «социалистической законности». Более пристальное внимание, напротив, было уделено антибольшевистскому лагерю («контрреволюции»), на который была возложена вина за разжигание социальной розни и широкое применение насилия как инструмента удержания власти [Улигов 1979].

Постсоветские исследования предложили, в целом, объективную оценку проблемы социальной конфронтации, представляя ее как трагедию всего социума, независимо от политических и идеологических предпочтений отдельных его страт [Опрышко 1993], а также более полно раскрыв репрессивную политику советской власти [Дзидзоев 2000; Жанситов 2005].

К моменту смены политического режима в России в феврале 1917 г. общественно-политическая обстановка в Нальчикском округе (в рамках которого административно были объединены кабардинцы и пять горских (балкарских) обществ) Терской области, в целом, оставалась стабильной. Здесь безболезненно произошла смена власти – место царской администрации занял орган временного правительства – Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет. Большая часть населения округа спокойно приняла новые реалии. Тем не менее, кризисные явления в экономической, политической и социальной сферах предреволюционной, втянутой в мировую войну страны, которые заметно обострились после краха самодержавия, стали проявляться и в этой национальной окраине. Стоит отметить, что здесь за неимением крупных поляризованных социальных

страт – пролетариата и буржуазии, конфронтация которых определяла повестку в промышленно развитых регионах России, эти кризисные явления имели менее выраженный характер и масштаб.

Однако, по мере развития революционного процесса в Нальчикском округе, дестабилизация внутренней жизни, все же, стала проявляться. Одним из факторов развития ситуации по подобному сценарию стал вопрос о Зольских пастбищах. Незадолго до революции в 1913 году власти Нальчикского округа, активно поддерживая развитие коневодства, приняли решение передать часть пастбищ крупным кабардинским коннозаводчикам. Это решение вызвало возмущение среди мелких скотоводов, чьи интересы были ущемлены, и привело к серии массовых протестов. Для подавления недовольства администрация обратилась за поддержкой к регулярным армейским частям. Однако после падения царской власти в 1917 году ситуация вновь стала обостряться, так как недовольные порядком распределения пастбищных угодий скотовладельцы не дождавшись от новой администрации скорейшего разрешения затянувшегося спора в свою пользу перешли к самовольному захвату земельных участков. Руководство Нальчикского округа в этой ситуации ограничилось публичными заявлениями, в которых просило жителей «не допускать насилия», не разрушать имущество бывших арендаторов, чтобы избежать социальной вражды и обещала в скором времени в законном порядке удовлетворить интересы проявляющих чрезмерную активность граждан. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 41].

Стремление советских авторов представить Зольские события как пролог борьбы «трудового народа» и кабардинских высших сословий, не имело под собой достаточных оснований [Прасолов 2023: 78], поскольку в основе распределения пастбищных участков лежал не сословный принцип, а экономический потенциал претендентов на эти участки. То есть, в числе «обделенных» оказались и представители кабардинского дворянства. Конфликтная ситуация вокруг Зольских пастбищ после Февральской революции имела все таки локальный характер и не привела к острой, масштабной социальной конфронтации, сопровождающейся погромами, бунтами и вооруженными столкновениями, как это имело место в центральных регионах России, где крестьяне массово захватывали помещичьи земли. Соответственно, и у местных властей не было поводов прибегать к репрессивным практикам в управлении регионом.

Революционный процесс в этот период сопровождался в большей мере политическим противостоянием, чем социальным. Сформированная после Февраля 1917 г. администрация – Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет, представлявший орган Временного правительства на местах и пытавшийся консолидировать общество на платформе провозглашенных революцией свобод и демократических ценностей находился в конфронтации с претендовавшим на власть в Округе Советом рабочих и солдатских депутатов. В своем стремлении к власти Совет действовал не всегда в легитимном поле, прибегая порой к противозаконным методам, что грозило дестабилизацией политической и социальной жизни. В мае 1917 г. власти Терской области сделали предостережение Нальчикскому совету рабочих и солдатский депутатов, в котором уведомили его руководство, что «всякие провокаторские выступления и попытки натравливать одну часть населения на другую, вносящие смуту и мешающие спокойной работе демократических организаций будут преследоваться по всей строгости закона» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38. Л. 58].

По сути, областная администрация дала санкцию руководству Нальчикского округа на ограничение деятельности и влияния местного Совета. Его членам было запрещено проводить агитацию среди населения и наиболее активные советские функционеры были высланы за пределы округа [Документы... 1983: 39]. Более того, были разоружены поддерживающие Совет солдатские части, дислоцированные на территории Нальчикского округа [Арсеньев 2002: 311]. Виток политического противостояния на этом этапе завершился, тем не менее,

бескровно (обошлось без физического устранения оппонентов, и применения насилия в отношении их сторонников) и не повлек за собой накала гражданского противостояния, поскольку Совет еще не имел широкую популярность и поддержку среди населения, которое могло бы массово выступить в его защиту.

Провозглашение в Нальчикском округе советской власти 21 марта 1918 г., также как и смена царской администрации на «февральскую» прошло безболезненно и не обернулось в первое время ростом протестной активности и радикализацией политической борьбы. Смещенная с властных позиций политическая элита, осознавая ограниченность своих ресурсов на фоне стремительного роста влияния большевиков в масштабах всей Терской области, заняла выжидательную позицию и не агитировала своих сторонников в различных слоях общества к активному противодействию новой власти. Как отмечал очевидец событий того периода К. Чхеидзе «местные власти и общество отдавали себе отчет в неизбежности столкновения с большевизмом. Начали разрабатываться различные подходы к решению уже ощутимого конфликта. Были сторонники немедленной вооруженной борьбы. Другая тактика подсказывалась местными социалистами: безболезненное признание советской власти и через участие в выборах вхождение в состав местного совета. Предполагалось, что большевики пойдут на коалицию. Управление округа придерживалось неопределенной линии: ни войны, ни мира. Конечно, Кабарда не имела возможности для отражения советских сил Терской области. И в начале 1918 г., если бы и подняла такую борьбу, то осталась бы в одиночестве. Все это вместе взятое привело к осознанию невозможности активной борьбы и временной ее нежелательности» [Чхеидзе 2008: 34].

Новая власть в Нальчикском округе, которую представлял организованный в марте 1918 г. Нальчикский окружной народный совет, не встретив широкого недовольства населения и организованного сопротивления по случаю смены политического режима, не прибегала первое время к репрессивным практикам для утверждения своего господства. «Уже из того, – писал К. Чхеидзе, – что большевики не послали в Кабарду карательные отряды, а послали делегатов (для участия в Народном съезде, провозгласившем советскую власть, – О.Ж.), что ни в Нальчике, ни в селах не применялся террор, можно заключить, что в отношении Кабарды коммунисты видоизменили свои действия. Большевизация Кабарды проходила спокойнее, нежели в других местах [Терской] области» [Чхеидзе 2008: 43].

Однако, в дальнейшем, ситуация меняется. В процессе реализации на территории Нальчикского «Декрета о земле», предполагавшим национализацию частной земельной собственности, были задеты интересы многочисленных владельцев земельных участков. Их нежелание добровольно отказаться от своей собственности, вынудило местные власти прибегнуть к силовым методам: оказывавшие сопротивление правительственным чиновникам частновладельцы, нейтрализовывались при помощи вооруженных отрядов. Последние также привлекались властью к сбору налогов и недоимок с населения [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 60–61].

Попытка применения советской властью репрессивных практик для обеспечения реализации социалистических преобразований в Нальчикском округе обусловила рост протестных настроений в обществе, которые вскоре стали проявляться в виде саботирования государственных мероприятий, а также вооруженных нападений на советских служащих. Наиболее деятельное участие в этом деле приняли бывшие офицеры расформированного Кабардинского полка царской армии. Их действия были ответом на аресты и преследование своих сослуживцев и, в то же время, выражали настроения общества. Ситуация в Нальчикском округе развивалась по формуле «насилие порождает насилие».

Наиболее резонансной акцией противников советской власти стало убийство комиссара Нальчикского округа А. Сахарова, что вызвало сильное потрясение в регионе и дало толчок к новому витку репрессий и целенаправленной кампании

по запугиванию местного населения. Этот акт был воспринят властями как вызов, требующий немедленного ответа. Усилились аресты заподозренных в контрреволюционной деятельности лиц, а также началась активная агитация, направленная против так называемых «имущих слоев населения», к которым отнесли людей, обладавших определенными ресурсами или влиянием. Для оправдания репрессивных мер новая власть использовала риторику, призывавшую к «очищению общества от врагов», что приводило к грабежам, нападениям и другим формам насилия, которые обосновывались политическими мотивами.

Гражданское противостояние в Нальчикском округе перешло в формат открытой вооруженной борьбы, после того как офицер Кабардинского полка З. Даутоков-Серебряков в сентябре 1918 г. сформировал отряд из бывших сослуживцев и объявил о начале антибольшевистского движения. Этот отряд после ряда успешных боевых операций вытеснил с территории Нальчикского округа большевистские силы. Однако спустя месяц красноармейским частям удалось переломить ситуацию в свою пользу и восстановить советскую власть в регионе. Эти события эскалировали гражданское противостояние, которое перешло в стадию гражданской войны. Соответственно, действия обеих сторон конфликта сопровождалось насилием, которое затрагивало представителей различных слоев населения, напрямую не причастных к противоборствующим лагерям.

После того как к концу 1918 года советские силы вновь вернули себе контроль над Нальчикским округом, последовала новая волна репрессий, направленных на подавление как активных, так и потенциальных противников советской власти. В регионе развернулась кампания по выявлению и уничтожению так называемых «контрреволюционеров». Разбором их дел занимался Революционный трибунал Нальчикского округа. Возглавивший этот карательный орган в декабре 1918 г. Г. Русаков, так описывал его деятельность: «Работали много, даже ночью. Судили злостных врагов, крепко. Приговор в Нальчике в исполнение не приводили, а отправляли во Владикавказ. Значительное число прошло через наши приговоры серебряковцев. Прошли через наши приговоры и офицеры, которые до Серебрякова были с Корниловым на Кубани» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 38. Л. 39].

Пострадавшие в период нахождения у власти в Нальчикском округе З. Даутокова-Серебрякова сторонники советской власти получили повод и возможности для сведения личных счетов со своими «притеснителями». Во многом этому способствовала и власть, стремящаяся через пропаганду мобилизовать свою социальную базу на активное участие в революционных процессах. Характерно в этом отношении «Воззвание» к населению одного из лидеров большевистского движения в регионе Б. Калмыкова: «Волею российского пролетариата контрреволюция, душившая трудовой народ, подавлена. Очищайте свои ряды от контрреволюционеров. Арестовывайте и доставляйте их в Нальчик! Врагам трудового народа нет места среди нас! Пусть в вашем сердце не говорит жалость к ним!» [УЦГА АС КБР Ф. 201. Оп. 1. Д. 17. Л. 3].

Формально это «Воззвание» было обращено к силовому аппарату и чиновникам (сельским комиссарам) на местах, которые должны были выявлять противников режима, заносить их в специальные списки и передавать в соответствующие инстанции. Подлежащие учету лица подразделялись на три категории: те, кто «принимал активное участие в подавлении народного движения», те, кто «хотя и не принимал непосредственное участие, но, так или иначе, помогал контрреволюционерам» и, наконец, те, кто «сочувствует контрреволюционерам, но не принимал никакого участия в подавлении народного движения» [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 144]. Под «народным движением» здесь подразумевался процесс утверждение советской власти и ее политический курс.

Как видно, в орбиту внимания репрессивного аппарата, попадал достаточно широкий круг населения Нальчикского округа. Попавшим в эти списки гражданам

грозило преследование не только за непосредственное участие в антибольшевистской борьбе, но и за убеждения, которые власть квалифицировала как «сочувствие контрреволюции».

Одной из форм насилия, в отношении «выявленных врагов революции», помимо тюремного срока или физической расправы являлась конфискация имущества. Соответствующий проект был подготовлен властями Нальчикского округа в 26 декабря 1918 г. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 154]. В условиях нагнетающейся подозрительности и вражды к «социально чуждым элементам» реализация данного проекта вскоре перешла за установленные рамки. Силловые органы, проводившие конфискацию имущества, обнаружили многочисленных помощников в этом деле. Часть местного населения, а также различные красноармейские отряды и народные ополчения из соседних национальных округов, направленные в Нальчикский округ для борьбы с Даутоковым-Серебряковым, по праву победителей приступили к разграблению как частной, так и казенной собственности. При этом, объектом их внимания оказались не только хозяйства и дома «явных контрреволюционеров», но и, зачастую, имущество совершенно случайных жителей, не внесенных властями ни в какие списки.

О характере и масштабах обрушившихся на Нальчикский округ в эти дни хаоса и насилия можно судить по воспоминаниям одного из деятелей революционного периода Б. Мамышева. «До, нас кабардинцев, – говорит Мамышев, – доходили слухи, что не вполне организованная и малосознательная масса и их слабо политически подготовленные вожди на своем пути сметают все, что попадетс: первым долгом своим они считают уничтожение офицерства, не разбирая виновности его перед народом сжигают дома, уничтожают хутора, гибнут в этом хаосе табуны и стада. ...Казалось, что все горит, и всякий спасайся, кто куда может. Слухи и опасения частью оправдались: все добро кабардинского народа, заключавшееся в стадах и табунах, в 1918 г. было уничтожено, хозяйство было разрушено» [Опрышко 1996: 96].

Развитие революционного процесса в Нальчикском округе, как видно, приводит к ситуации, когда власть теряет монополию на насилие. К нему начинают прибегать, с одной стороны, народные массы, а, с другой, различные революционные отряды, действующие без санкции властных структур. Это на первых порах выглядит выгодным для господствующего режима, поскольку сплачивает и мобилизует его социальную базу на поддержку избранного политического курса. Однако, получив прерогативу на насилие, сторонники и «попутчики» действующей власти могут начать претендовать и на другие функции государства, в том числе – на управленческие. Это, в конечном итоге, приводит к децентрализации власти и ослаблению политического режима. Кроме того, рост несанкционированного насилия в Нальчикском округе вызвал хаотизацию внутренней жизни, развал экономики и небывалый накал и масштаб социальной конфронтации, что заметно ударило по репутации советской власти и обусловило ее неприятие даже в рядах сторонников.

В этой обстановке в январе 1919 г. Нальчикский округ после ряда боестолкновений переходит под власть А. Деникина. Относительная легкость, с которой белой администрации удалось здесь утвердиться, связана, в том числе, с масштабами гражданского противостояния и возросшей поляризацией общества. В Нальчикском округе сложился достаточно крупный сегмент социума, преследуемый и дискриминируемый большевиками, и, поэтому связавший надежду на реабилитацию с противостоящей им белой властью. В тех же национальных округах Терской области, где сохранялась относительная социальная гармония, характерная, к примеру, для чеченцев и ингушей, в массе своей поддержавших советскую власть А. Деникину пришлось довольно долго и упорно утверждать свою власть.

К моменту утверждения в Нальчикском округе деникинского режима социальная конфронтация, достигшая высокого уровня, по инерции проявлялась уже в

новых политических реалиях. Насилие в этих условиях, с одной стороны, оставалось инструментом укрепления режима (подавление революционного подполья, карательные рейды по селениям, «сочувствующим» советской власти, реквизиции продовольствия для нужд Добровольческой армии и т.д.), с другой, – приобрело характер мести пострадавших при большевиках слоев населения в отношении своих «соплеменников», так или иначе, к этому причастных. Репрессивные практики управления, характерные для деникинской администрации, не способствовали, как ожидалось стабилизации внутренней жизни Нальчикского округа, а, напротив, вызывая неприятие широких слоев населения, явились одним из факторов ее краха.

Новый виток насилия в Нальчикском округе был обусловлен очередной сменой политического режима. После отступления в марте 1920 г. частей Добровольческой армии и возвращения большевистской власти Нальчикский округ опять захлестнула волна арестов, преследований и сведения личных счетов, теперь уже в отношении сторонников белой власти. Однако в ситуации исхода гражданской войны в пользу большевиков, стремящихся к установлению жесткой централизованной власти, случаи несанкционированного насилия со стороны представителей народных масс или же красноармейских отрядов, постепенно уступили место четко регламентированным действиям государственного репрессивного аппарата. Подавив сначала очаги вооруженного сопротивления, а затем, нейтрализовав своих политических оппонентов и усмирив «социально чуждые» слои населения, большевики, в целом свели на нет возможность проявления социальной конфронтации в Нальчикском округе.

Список источников и литературы

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Архив ИГИ КБНЦ РАН). Ф. 2. Кабардино-Балкария в период революции и гражданской войны.

Возрожденные полки... 2002 – *Возрожденные полки* Русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: Центрполиграф, 2002. 574 с.

Гугов 1975 – *Гугов Р.Х.* Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с.

Дзидзоев 2000 – *Дзидзоев В.Д.* Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917–1918 гг. Владикавказ: «Алания», 2000. 176 с.

Жанситов 2005 – *Жанситов О.А.* Противоправные действия советской власти в Кабарде и Балкарии в годы гражданской войны // Исторический вестник. 2005. Вып. II. С. 218–238.

Опрышко 1993 – *Опрышко О.Л.* «Бывают странные сближения...»: Документальное повествование. Нальчик: Эльбрус, 1993. 224 с.

Опрышко 1996 – *Опрышко О.Л.* На изломе времени. Нальчик: Эльбрус, 1996. 349 с.

Прасолов 2023 – *Прасолов Д.Н.* Зольские события 1913 г. как кризис доверия в практиках общественно-государственного взаимодействия в Нальчикском округе // Электронный журнал «Кавказология». 2023. № 4. С. 75–87.

Улигов 1979 – *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 356 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. 201. Революционный комитет нальчикского округа Терской области.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. (УЦДНИ АС КБР). Ф. 25. Комиссия по собиранию и изучению материалов по истории коммунистической партии и Октябрьской революции Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б).

Чхеидзе 2008 – Чхеидзе К.А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2008. 120 с.

References

Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. F. 2. Kabardino-Balkaria during the period of revolution and civil war. (In Russian)

Vozrozhdennyye polki Russkoy armii v Beloy bor'be na Yuge Rossii. M.: Tsentrpoligraf, 2002. 574 p. (In Russian)

GUGOV R.KH. *Sovmestnaya bor'ba narodov Tereka za Sovetskuyu vlast'* [The joint struggle of the Terek peoples for Soviet power]. Nal'chik: El'-brus, 1975. 495 p. (In Russian)

DZIDZOEV V.D. *Belyi i krasnyi terror na Severnom Kavkaze v 1917–1918 gg.* [The White and Red Terror in the North Caucasus in 1917–1918]. Vladikavkaz: «Alaniya», 2000. 176 p. (In Russian)

ZHANSITOV O.A. *Protivopravnye deistviya sovetskoj vlasti v Kabarde i Balkarii v gody grazhdanskoi voiny* [Illegal actions of the Soviet government in Kabarda and Balkaria during the Civil War]. In: Istoricheskii vestnik. 2005. Vyp. II. P. 218–238. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. «*Byvayut strannye sblizheniya...*»: *Dokumental'noe povestvovanie* [“There are strange approaches...”: Documentary narration]. Nal'chik: El'brus, 1993. 224 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. *Na izlome vremeni* [At the breaking point of time]. Nal'chik: El'brus, 1996. 349 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *Zol'skie sobytiya 1913 g. kak krizis doveriya v praktikakh obshchestvenno-gosudarstvennogo vzaimodeistviya v Nal'chikskom okruge* [The Solsky events of 1913 as a crisis of trust in the practices of public-state interaction in the Nalchik district]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya», 2023. № 4. P. 75–87. (In Russian)

ULIGOV U.A. *Sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsional'noi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1937 gg.)* [The Socialist Revolution and the Civil War in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917–1937)]. Nal'chik: El'brus, 1979. 356 p. (In Russian)

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kabardino-Balkarskoi Respubliki [The Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. F. 201. Revolutionary Committee of the Nalchik District of the Terek Region. (In Russian)

Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Center for Documentation of the Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. 25. Commission for collecting and studying materials on the history of the Communist Party and the October Revolution of the Kabardino-Balkarian Regional Committee of the VKP(b)). (In Russian)

ЧХКНЕИДЗЕ К.А. *General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. Grazhdanskaya voyna v Kabarde* [General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. The Civil War in Kabarda]. Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 2008. 120 p. (In Russian)

Информация об авторе

О.А. Жанситов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора Новейшей истории.

Information about the author

O.A. Zhansitov – Candidate of Science (History), Senior Researcher, Contemporary History Sector.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 07.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 07.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 81'1

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-51-59

ГЕНДЕР ЖЪАБЗЭ ЗЭЩХЪЭЩЫКЫНЫГЪЭХЭР АДЫГЭБЗЭМ: ГУРЫЩІАУАТЭ И ЛЪЭНЫКЪУЭКІЭ ШЫЛЭ ІУЭХУЕПЛЪЫКІЭХЭР

Къуэдзockуэ Заретэ Валерэ инхуэ

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІаплэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрим» и филиал, Налшык, Урысей, zara7belle@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8873-0478

© Къуэдзockуэ З.В., 2024

Аннотацэ. Мы статья зытеухуар гендер жъабзэ зэщхъэщыкыныгъэхэм гурышІауатэ и лъэныкъуэкІэ адыгэбзэм шалэ ІуэхуеплътыкІэхэр, гурышІэхэр цыхум и гъашІэм кыдекІуэкІ шытыкІэ нэхъыщхъэхэм ящыцу, абыхэмкІэ цыхухэр, цыхухэмрэ объектхэмрэ, цыхухэмрэ хъэпшыпхэмрэ, цыхухэмрэ дыкъэзыухуэрейх дунеймрэ зэпышІа зэрыхур гъэбелджылынырщ.

Лэжыгъэм и мурад нэхъыщхъэр – субъектым и гурышІауатэ-уасэгъэувыр объектум хужіэм зэрыхушытыр адыгэбзэм кызырэщыгъэлъэгъуар убзыхунырщ. Абы ипкэ иткІэ зэхуэтхъэсащ икІи зэпкърытхаш лексикэ, фразеологие занэ змышІэужыгъуэ куэд, адыгэ тхакІуэхэм я тхыгъэхэм шапхъэхэр къахэтхкІэрэ.

Ди къэхутэныгъэм кызырегъэлъэгъуамкІэ, адыгэбзэ фразеологие занэхэм напэм и уасэгъэувыр къагъэлъэгъуэнкІэ мэхуэ зэдауасэгъэувыр хушытыкІэхэмкІи (гурыхъхэмкІэ е гурымышхэмкІэ), щхъэзакъуэ уасэгъэувырхэмкІи (психологие, социальнэ, нравственнэ, эстетикэ ильэныкъуэхэмкІэ, н.). Апхуэдэуи кыхош гурышІауатэ ІуэхуеплътыкІэр тегъэшІаплэ ящкІэрэ, гурышІэ мыхъэнэ иІэу цыхубзхэм фІэка адрейхэм яхуэмыгъэза лексикэ, фразеологие занэхэр зэрышІэр, абы хуэдэуи макъышІэхэр, зэрызыпашІыж псалъэхэр шІэх-шІэхуэр кызырагъэсэбпыр.

Зэрыгуазэн псалъэхэр: гендер, адыгэбзэ, эмотив, фразеологие занэхэр, макъышІэхэр

Цитатэ кызырэщыкыныр: Къуэдзockуэ З.В. Гендер жъабзэ зэщхъэщыкыныгъэхэр адыгэбзэм: гурышІауатэ и лъэныкъуэкІэ шылэ ІуэхуеплътыкІэхэр // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 51–59. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-51-59

Original article

GENDER SPEECH DIFFERENCES IN THE KABARDINO-CIRCISSIAN LANGUAGE: AN EMOTIVE ASPECT

Zareta V. Kodzokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, zara7belle@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8873-0478

© Z.V. Kodzokova, 2024

Abstract. The article examines gender speech differences in the Kabardino-Circassian language on the basis of the emotive aspect, as an important component accompanying a person's life and activity and connecting him with other people, with the object and subject of the message, the surrounding world.

The purpose of the work is to comprehensively consider the emotive–evaluative attitude of the subject of speech to the object of utterance in the Kabardino-Circassian language. To achieve this goal, a selection of lexical and phraseological units was carried out, which were subsequently subjected to conceptual analysis. Artistic texts of Kabardian writers were used as additional material. Based on the results obtained, it was concluded that in the Kabardino-Circassian language, phraseological units of assessment of a person can express both general evaluative relations (positive and negative) and private evaluative (psychological, social, moral, aesthetic, etc.), that in the speech of women there is the most frequent use of lexical and phraseological units expressing emotive, as well as interjections and onomatopoeia (onomatopoeia), used only in female speech.

Keywords: gender, Kabardino-Circassian language, emotive, phraseological units, interjections

For citation: Kodzokova Z.V. Gender speech differences in the kabardino-circassian language: an emotive aspect. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 51–59. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-51-59

Научная статья

ГЕНДЕРНЫЕ РЕЧЕВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ: ЭМОТИВНЫЙ АСПЕКТ

Зарета Валериевна Кодзокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zara7belle@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8873-0478

© З.В. Кодзокова, 2024

Аннотация. В статье рассматриваются гендерные речевые различия в кабардино-черкесском языке на основе эмотивного аспекта, как важного компонента, сопровождающего жизнь и деятельность человека и связывающего его с другими людьми, с объектом и предметом сообщения, окружающим миром.

Цель работы – комплексно рассмотреть эмотивно-оценочное отношение субъекта речи к объекту высказывания в кабардино-черкесском языке. Для достижения поставленной цели проведена выборка лексических и фразеологических единиц, которые впоследствии были подвержены концептуальному анализу. В качестве дополнительного материала были привлечены художественные тексты кабардинских писателей. По полученным результатам сделан вывод о том, что в кабардино-черкесском языке фразеологические единицы оценки лица могут выражать как общеоценочные отношения (положительные и отрицательные), так и частнооценочные (психологические, социальные, нравственные, эстетические и т.д.), что в речи женщин наблюдается наиболее частое использование лексических и фразеологических единиц, выражающих эмотив, а также междометий и ономапов (звукосоподражений), употребляемых только в женской речи.

Ключевые слова: гендер, кабардино-черкесский язык, эмотив, фразеологические единицы, междометия

Для цитирования: Кодзокова З.В. Гендерные речевые различия в кабардино-черкесском языке: эмотивный аспект // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 51–59. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-51-59

ГурыщӀэхэр цыхум и гъащӀэм кыдекӀуэжӀ шытыкӀэ нэхьыщхьэхэм ящыщ-
хэщ, абыхэмкӀэ цыхухэр, цыхухэмрэ объектхэмрэ, цыхухэмрэ хьэпшыпхэмрэ,
цыхухэмрэ дыкӀэзыгъуреихь дунеймрэ зэпыщӀащ. ГурыщӀэхэм хужьыфэр фӀыщӀа-
фӀэу, гуфӀэгъуэр нэхьыгъуэу е нэхьыгъуэр гуфӀэгъуэу кыппцагъэхуфынущ.

Психолог цIэрыIуэ Изард К.Е. и къэхутэныгъэхэмкIэ, гурыщIэхэр кызырэрылгытэн хуейр цIыхум и гукыдэжыр къэзыIэт, абы къару хэзылхъэ къудейуэкым, атIэ цIыхум зезыгъэужь, абы и купщIэр кыыбгурызыгыIуэ, и щыIэныгъэм мыхъэнэ хэзылхъэуш [Изард 57: 53]. Жыабзэр къэхуным хэлэжыыхь пкыыгъуэхэм гурыщIэуатагъэм зыхаугуашэ, псалъэм и семантикэм зыщагъэбыдэжри гурыщIэуатэ лексикэ къагъэхур.

ГурыщIэуатагъэм хуит ещIыр цIыхум и зыхэщIэныгъэхэр, хушытыкIэхэр, гукыинэхэр бзэм и дамыгъэхэмкIэ кыIуэтэнэ. Мыбы щыгъуэ псалъэхэм ящIэль гупсысэхэр (мыхъэнэ занщIэр, сэбэпагыр) нэхьыщхъэкым, атIэ псом япэ цIыхум зыхищIэ гурыщIэуатэхэр, гуныкыуэгъуэхэр къагъэлыагъуэу аращ.

ГурыщIэуатагъэр бзэм и къалэн зэлъIэсым и пкыыгъуэ нэхьыщхъэхэм (и мыхъэнэкIэ етIуанэщ, информацэм иужькIэ) ящыщ зыщ икIи жыабзэм деж къэгъэлыгъуа щохуэ гурыщIэкIэ гъэдэха бзэм и занэхэмкIэ, абы щыгъуэми гурыщIэуатагъэмрэ уасэгъэувыгъэмрэ бзэ дамыгъэхэм я мыхъэнэхэм егъэбыдылIащ. ЦIыхум и зэхэщIыкIым ассоциацэ IупщIхэр еухуэ, абыхэм нэмышIуи ассоциацэ хъэзырхэр (зэпыщIэныгъэр, образыр), япэкIэ щыIа гъэунэхуныгъэхэм япкъ иткIэ къэхуахэр, къегъэсэбп. Абыхэм я фIыгъэкIэ цIыху организмэм цIэхуэгъакуэхэм я хурегыгъкIэ кыщекIуэкI Iуэхугъуэхэр ауэ сытми зыхищIэ къудейкым, атIэ гурыщIэ IупщIхэр, зыхэщIэныгъэхэр, гуныкыуэгъуэхэр егъэунэху.

Апхуэдэурэ бзэм кыыхохыкI зыкъому зэхуэхъеса Iэмэпсымэ хэхахэр – фонологиэм щыщIэдзауэ зэхэлыкIэхэм нэс – гурыщIэмрэ гуныкыуэгъуэмрэ я щытыкIэ псори къэзыIуэтэфыгур. Куэду зэхуэхъеса апхуэдэ Iэмэпсымэхэм «эмотив кодкIэ» йоджэ.

ГурыщIэуатагъэмрэ уасэгъэувыгъэмрэ, дэ дызрэплъымкIэ, Iэмал имыIэу, зэпкърыхауэ джын хуейщ, сыт щхъэкIэ жыпIэмэ цIыхум кыипсэлым зэрыхушытыр кыщигъэлыагъуэкIэ, гурыщIэуатагъэр и Iэмэпсымэ нэхьыщхъэщ, апхуэдэуи цIыхум псалъэр зыхезыгъащIэ Iэмэпсымэщ. А зэхушытыкIэм сыт щыгъуи кыгъэлыагъуэр зэлэпах информацэм и уасэгъэувырщ.

Субъектым и зэхэщIыкIым кыщыхуа Iуэхугъуэ пэжым кърыкIуахэр, дызэрыщыгъуазэщи, лексикэ, фразеологие занэхэм (адэкIэ ФЗ) я семантикэм зэрыгъэубыда щохуэ икIи абыхэм гурыщIэуатэ жыджэрыгъэр цIыхум и зэхэщIыкIым кыщигъэушыфынуш.

ФЗ-м и гурыщIэуатэ мыхъэнэ Iыхъэшхуэм кыхошыр гурыщIэуатэ щIэращIэ фразеологизмхэм ятеухуа информацэр, аращ ФЗ-м хузэфIэкIыр зыпкърылгыжыр: зытепсэлгыхьым наIуэу зэрыхушытыр, хуиIэ зыхэщIэныгъэр кыгъэлыгъуэныгъэр.

«ГурыщIэуатагъэ» гурыIуэгъуэм и къэхукIэр зэхэлыщ. Псалъэм папщIэ, и щэджыжыыр егъэIуэжын – «зыгуэрэм и мылкъур егъэухын, зыгуэрыр къулейсыз щIын»; «залымыгъэкIэ зыгуэрэм и щэджыжыыр егъэIуэжын» [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 772], «мыхъыр егъэхьын», мыхъэнитI иIэщ: 1) «хуабжыуэ зыгуэрэм ешхыдэн»; 2) «егъэIуэуэ лэжыгъэкIэ гугуэ егъэхьын»; «хъэлъэ дыдэ зыгуэрэм залымыгъэкIэ егъэхьын». ЕтIуанэ мыхъэнэм хуэдэщ иIэр урыс ФЗ «Кузькэ и анэр (зыгуэрэм) егъэлыагъун» жыхуиIэми. Абы мыхъэнэкIэ пэгъунэгъуш ФЗ «бжыынэм игъэтыцын» жыхуиIэр – «бжыым дамэкъуэ ирагъэлыадэу иIэ гъуанэмкIэ игъэтыцын» [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 46].

ИщхъэкIэ къэхъа ФЗ-хэм къагъэлыагъуэ субъект гуэрэм мыхъумыщIагъэ зыгуэрэм зэрырищIар, абыкIи ещанэр зэрымыарэзыр, и гуапэ, фIэфI зэрымыхъуар.

Апхуэдэуи щыIэщ нэгъуэщI ФЗ, субъект гуэрэм нэгъуэщI субъектым е объектым ехъэллауэ мыхъумыщIагъэ илэжыу, ауэ апхуэдэу ФЗ-м наIуэу адреи (ещанэ) субъектыр абы (япэ субъектым) илэжыам зэрыхушытыр е кызырэрыщыхур къимыгъэлыагъуэу. Мис апхуэдэ ФЗ-хэм я щапхъэхэр: «теIэпхъэ щIын» – «тегушхуэгъуафIэ щIын»; «хъэрэкъуакIэ дэгъэхъэжын» – (п.п. хъэтышытыр) щымыгъэIэжын, къутэн.

Апхуэдэу щыщыткIэ, гурыщIэуатэ Iыхьэшхуэр – ар информацэ гуэрым и купщIэм и кульминацэщ, субъективнэ Iуэхугуэр – наIуэу щыт гурыщIэуатэ, уасэгъэу зэхушытыкIэр – къэзышэщ, абыкIи ФЗ-м гурыщIэм и шытыкIэр хелъхьэ.

ЦIыхум къэзыхуэреихь дунейр щызригъэцIыхукIэ, шызыхищIэкIэ, белджылы шохур езым и щхьэкIэ абы кыщылытыс шытыпIэмрэ уасэу езым зыхуигъэувыжымрэ. Абы и хурегъгIэ кыщекIуэкIхэм дихтомийхэмкIэ шыкIуэцIропльри уасэ хуегъэу: фIы – е, фIы – мыхъумыщIэ, дахэ – теплъаджэ, пэж – пIы, Iэмал зигэ – Iэмалыншэ, н. Дэ дызэреплтымкIэ, мыхьэнэшхуэ иIэщ гурыщIэуатэ-уасэгъэу уасэхуэщIым, гурыщIэуатэ Iыхьэм и мыхьэнэ занщIэм деж ар Iуэхугуэ нэхьыщхьэщ икIи жьабзэм и субъектым и гурыщIэуатэ-уасэгъэувыр объектым хужигэм зэрыхушытыр кьегъэлыагуэ.

Адыгэбзэ ФЗ-хэм напэм и уасэгъэувыр кьагъэлыгъэуэнкIэ мэхуэ зэдауасэгъэу хушытыкIэхэмкIи (гурыхьхэмкIэ е гурымыхьхэмкIэ), щхьэзакъуэуасэгъэувахэмкIи (психологие, социальнэ, нравственнэ, эстетикэ ильэныкыуэхэмкIэ, н.). ГурыщIэуатэ Iыхьэм и мыхьэнэ занщIэм гурыIуэгъуэ ещI хьэпшыным зэрыхушытыр икIи куэдэ зэхуэхьэса зыхэщIэныгъэхэр – мыарэзыныгъэмрэ нэщхьейгъэмрэ щыщIэдзауэ гурыфIыгуэм нэсыху – кьегъэлыагуэ.

Языныкыуэ щIэныгъэлIхэм кьалыгтэ уасэгъэувым шытепсалъыхькIэ дамыгъитI системэм (гурыхьымрэ гурымыхьымрэ) я закъуэ кытеувыIэныр мытэмэму. ЩIэныгъэлI Соколовэ Г.Г. [Соколова 1981] уасэгъэувы шы кыыхэгъэщхьэхукламэ нэхь щхьэпэу кьелыгтэ – гурыхьыр, гурымыхьыр, шытыкIэр, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ зы социум фIэкIа мыхъуми, абы и хурегъгIэ шыIэнкIэ хьунуц уасэгъэувым и IуэхуеплтыкIэ зэмышхьэхэм я кьэхьугъэхэр.

Мис апхуэдэу адыгэбзэ ФЗ «*гум имыкIыжын*» – «*ящымыгъупцэжынур*»; «*хэт е сыт шымыгъупцэжын*» жыхуиIэр уасэгъэувы шытыкIэ лIэужьыгуэм и шапхьэ нэщ. Мы ФЗ-р тхыгъэм хэмыгтэ, иIэнкIэ хьунур зы мыхьэнэ закъуэкьым икIи щIэлъ гупсысэри лъэныкыуэ куэдкIэ зэпкьрыха хьунуц. Псалъэм папщIэ, «*Мадинэрэ Маринэрэ Iуащхьэмахуэ лъапэ цагъэкIуа махуэхэр ягу икIыжыркьым: хьэуар кьабзэт, уэс хужьым нэр щыджылт, цIыхухэр нэжэсгужэст*» псалъэухам зэрыхэтымкIэ кьигъэлыагуэр гурыхь мыхьэнэщ. НэгъуэщI псалъэухам «*Мурат а махуэм зэхиха псалъэхэр игу икIыжыркьым – иджыри жэщIкIэ абыхэм кьадоскIэ*» кызырэыхэщыр гурымыхь мыхьэнэ иIуэщ. Ещанэ псалъэухам «*ЩIалэ нэ цIу цIыкIу Лу кьыщалъхуа махуэм кьуажэм ягу имыкIыжын Iэджи кьыщыхуащ*» [КIыщокъуэ 1960: 5] кыщыгъэлыгъэуар уасэгъэувы шытыкIэ лIэужьыгуэщ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ мы псалъэухам нэIурыту шыгурыIуэгъуэкьым сыт хуэдэ кьэхьукъащIэхэр (фIы хьэмэрэ мыщхьэпэ) кьуажэм кыщыхьуами. НэгъуэщI лъэныкыуэкIи, сабий кьалъхумэ нэщэнэфIу, кьуажэм фIы ильэныкыуэкIэ зэхьуэкIыныгъэхэр кыщыхьуну хуэбгъэфашэ хьунуц, ФЗ «*гум имыкIыжын*» жыхуиIэм мы псалъэухам гурыхь мыхьэнэ щигэу.

Адыгэбзэм дыщрохьэлIэ лексикэ, фразеологие занэ зэмылIэужьыгуэ куэд, «бзылхугъэм ехьэлIауэ». ГурыщIэуатэ-уасэгъэувы зэхушытыкIэм тепщIыхьмэ, цIыхубзым хуэгъэзауэ кыыхэбгъэщ хьунуц:

– *гурыщIэуатэ-гурыхьхэр* – гурылъ-гурыщIэхэр кызыхэщхэр: нэмысыр, пщIэ хуэщIыныр, шытхьуныгъэр, гъэщIэгъуэныгъэр, н.:

кьупцхьэ гуащэ – дахэ цIыкIу, дахашэ,

къэшэн – щхьэгъусэ ящIыну мурад зыхуащIа пщашэ,

мазэр зи нэкIу – зи нэгум нур кьрих, зи нэгур зэлыIуха, дахэ дыдэ,

IэкIуэцIыр зибг – бгы псыгъуэ зигэ;

– *гурыщIэуатэ-гурымыхьхэр* – гурымыхь уасэгъэувы мыхьэнэ зыхэлъ псалъэхэр: зэмыпэсыныгъэ, нэмыплъ етыныгъэ:

бзы – лъхуэн-пIэным хуэщIа,

кIэудэ – цIыху псынщIэ, мызагъэ, и теубыдыпIэншэу къэзыжыкь,

кьанжэ кIакIэ – псалъэрей,

къыдэнэжа, хьыджэбзыжъ – лIы дэмыкIуэурэ зи ныбжъ хэкIуэтэ цIыхубз,
къэхпэ, куэпэч, псэжъ, хьэбз – нэчыхьыншэу зэрашэ цIыхубз,
лыгъэжъ – лIымкIэ щысхьыншэ, псэупIэ езымыт [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 505],
лынэ-лыпсэ – лIы фIэкI пIъапIэ зымыIэ,
мэскIэтIинэ – зызыгъэтIей, зызыщI (хьыджэбз),
нысэмидэ (нысэмидэ цIын) – нысэр зымыдэ, нысэм елъэпауэ (щIалэм и
Iыхьыхэр),
нэрыбгей – цIыхубз ябгэ,
пхъужъ – лIы зымыIэж цIыхубз,
пIыдэгъуэлъ (жьы) – пщым и фызу шымыту зыдэпсэу цIыхубз,
пIэцхьагъей – щхьэгъусэ бзаджэ, жьей, мыхъумыщIэ,
фыз псалъэ – мыхьэнэ зымыIэ, зи пэжагъым дзыхь тепщIэ мыхъуну псалъэ,
фызей нэпсырылэц – фыз ябгэ гъыринэщ, жыхуиIэщ,
фызыхъу, лIыIуэлIыфэ, шыгурыхъу – цIыхухъу щэн, шытыкIэ зыхэлъ цIыхубз;
– **гурыщIэуатэ-нейтралхэр** – бзыльхугъэхэм уасэ хуэзымыгъэуэ псалъэхэр:
адэ шыпхъу – адэм и шыпхъу, адэм къыдалъхуа цIыхубз Iыхьлы,
анэ – бын зиIэ, бын къэзылгъхур,
анэ шыпхъу – анэм и шыпхъу, анэм къыдалъхуа цIыхубз Iыхьлы,
анэщхуэ – анэм е адэм и анэ,
бзылхугъэ, цIыхубз – хьуагъ-бзагъкIэ цIыхухъум хуэмыдэ,
нысащIэ – нысэ къашагъащIэ,
нысэгъу – зэкъуэшхэм я фызхэм ящыщ зыр адреим зэрыхушытыр, пщыкъуэм
и фыз,
ныуэ (жь) беслъ.– фызыжъ,
нэрыбгэ – нысэ, нысащIэ, цIыхубз,
унагуащэ – унагъуэм ис цIыхухъу нэхьыжъым и щхьэгъусэ, унагъуэ Iуэхухэр
зезыхьэ,
фызгъалъхуэ – щыльхуэкIэ лъхуэмрэ къыльхумрэ тэмэму зэлэпыгъэкIыныр,
къалъхур зыхуей хуэгъэзэныр зи IэщIагъэ,
хьыджэбз цIыкIу – хьыджэбзыпIэ имыуа, балигъ мыхъуа,
хьыджэбз, пIащэ – балигъ ныбжъым ит, дэмыкIуа,
хьыдэз – гъэфIэгъыщIэу «хьыджэбз» псалъэр зэрыжаIэ щIыкIэ (нэхьыбэу
япхъухэм жраIэ),
шыпхъу – пхъур адэ-анэм я адреи бынхэм зэрагухьэр,
цуIэгъэ – жьы – цIыхухъум и щхьэгъусэ, псэгъу,
цхьэлъащIэ (жьы)– цIыхубз, «IэлыщI зытелъ» жыхуиIэщ;
– **гурыщIэуатэ-зэпIэзэрытхэр** – шытыкIэм елыгътауэ (зыхэт тхыгъэхэм
елыгътауэ); мыхьэнэбэхэщ; япкърылыщ уасэгъуэу гурыхьхэри гурымыхьхэри
(тхыгъэм елыгътауэ), зэпэщIэуэ гурыщIэхэр:
гуащэ – нысэм и лIым и анэ (нейтрал мыхьэнэ иIэуи, гурымыхъуи (нэхьыбэм)
къокIуэ,
гуащэ – пщым и фыз, пщым и щхьэгъусэ; IуэрыIуатэм, литературнэ тхыгъэхэм
гуащэм и образым ущрохьэлIэ гурыхъуи гурымыхъуи (мыхэр нэхьыбэщ). Куэдрэ
къагъэлыгъуэ залымхэу, ткIийуэ, уеблэмэ я теплъэми кыхэщу. ДелпIынти
КIыщюкъуэ Алим и поэмэ «Тисей» жыхуиIэм гуащэр къызэрыщыгъэлыгъуар:

*Гуащэм и нэр къэбжылафэу,
И пэ гъурыр хуэдэщ джыдэм,
Къытехьамэ мэудафэ,
Сыт жепIами къыпхуимыдэ.*

[КIыщюкъуэ 1955: 33].

нысэ – куэдрэ къыщыхъу шыIэщ нысэмрэ жыхапхьэмрэ шызэралъыт: сыт
щхьэкIэ жыпIэмэ, япэрауэ, жаIэ хабзэщ нысэм и шытыпIэр бжэкъуагъыр арауэ,

н.ж. жыхапхэм бгьэдэту; еТуанэрауэ, *«жыхапхэщлэр [кьабзэу] мэхьанкIэ»* псалъэжыыр зыхуэгъзар нысащлэщлэрщ. Абы нэмышцIи щыIэщ псалъафэу *«нысэ ябгэ»* – псалъ. *«нысэ бзаджэ, дыджэ»*, ауэ абы кьыпэщлэуэу щыIэщ *«НысэIэфI»* (цыхубзыщлэу е фIэщыгъэу) – псалъ. *«нысэ IэфI»*, н.ж. «зи бзэр IэфI, нысэфI»,

фызыжэ – нейтрал мыхьэнэ иIэщ; щыжалэ щыIэщ «фызыжэ хуэдэ» – «жбы, Tорысэ хьуа цыхубзым хуэдэщ и тепльэр» е «фызыжэ хуэдэ мэтхьэусыхэ», мыхэр гурымыхьщ,

уд – япэщIыкIэ цыхум кьазэрыщыхьур гурымыхь мыхьэнэуэщ, ауэ адыгэбзэм хэтщ *«удиIэжэ»*, *«уд шыр»* («Iуцыцэ») псалъэхэр, кьагъэлъагъуэри *«и ныбжьым емылъытуэ губзыгъэщ»* жиIэу аращ.

Адыгэбзэм апхуэдэуи куэд дыдэрэ ущрохьэлIэ лексикэ, фразеологие занэхэм, я мыхьэнэкIэ цыхубзым зыкIи емыхьэлIауэ, ауэ «цыхубзэ» элементхэмкIэ цыхухьум и хьэл-щэныр кьыгъэлъагъуэу:

фыз зимыIэ щIалэрэ шхуэ зыпцIэхэмыль шырэ – щхьэгъусэ зимыIэ щIалэрэ шхуэ зыпцIэхэмыль шым ирагъэщхь,

фыз кьэшэгъуэ – зи фыз кьэшэгъуэ нэса, а ныбжьым ит щIалэ,

фызитI ещанэщ – цыхухьу жьэрлурэм, фыз уэршэрым яхэсын зыфIэфIым хужалэ,

фыздэубзэ – фызым зыдэзыщI, абы жиIэр дыжызыIэ,

фызкьым, бынкьым – щхьэгъуси быни зимыIэ.

Адыгэбзэм гурыщIэуатагъэр макъыщIэхэм нэхьыбэрэ кьыщохьу, абы и кьалэн нэхьыщхьэри псалъэр кьипсэлъым зэрыхушытыр пэжу кьэгъэлъэгъуэнырщ. МакъыщIэхэр, нащхьэIушхьэмрэ зыхэхьIэ-гъэщIэрэщIа псалъэхэмрэ ядэщIыгъуу, гурыщIэхэр кьызэралуатэ Iэмэпсымэ нэхьыщхьэ дыдэхэм ящыщ. Пушкинэ И.А. зэрыжиIащи, «гурыщIэхэм гъащIэр нэхь щIэщыгъуэ икIи зыхэхьIэ ящI кьудейкьым, атIэ цыхухэм, цыхухэмрэ хьэпшыпхэмрэ я зэхушытыкIэхэр зэтраухуэ, я зэгурыуэныгъэми холIыфIыхь. Ахэр зэIэпах информацэ псоми уасэгъуэу нэхьыщхьэу кьыщоклуэ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ а зэльэIэсыныгъэм информацэхэр щызэIэпах кьудейкьым, атIэ абы и хушытыкIэри, и уасэри, гурыщIэуатэ мыхьэнэри кьыхагъэщ» [АфIэунэ 2012: 22]. ГурыщIэхэр кьызэралуэтэну Iэмалхэр акьылым кьымытIасэмэ, цыхум нэхьыбэрэ ахэр кьелуатэ макъыщIэхэмкIэ.

Адыгэбзэм и макъыщIэхэм хьодлъагъуэ гендер зэщхьэщыкIыныгъэхэр. БзэщIэныгъэлI куэдым (Урыс Хь.Щ., Апажэ М.Л., Шагьыр I.Кь., Климов Г.А., н.) кьыхагъэщыр «цыхубзэ», «цыхухьу» макъыщIэхэр. Абы нэмышцIи Урыс Хь.Щ. кьегъэлъагъуэр сабий жьабзэм хэт макъыщIэхэри (*уарэ, уэI*) (зыпэмыплъа гуфIэгъуэ, гъэщIэгъуэныгъэ) [Урыс 2001: 218], апхуэдэуи ущрохьэлIэ *мэхь-мэхь* е *махь-махь* (бгъуэтым кьащтэ).

Адыгэбзэм цыхубзэхэм ехьэлIа и макъыщIэхэм хохьэ *а-на* (*на-а*), *а-на гуцэ*, *а-на мыгъуэ*, *сыт на-а*, *адыдыд* (*мыгъуэ/гуцэ*), *гуIэгъуэжэжэ мыгъуэ*, *асымыгъуэ*, *сэрмыгъуэ гуцэ*, *алеи мыгъуэ*, н. «Цыхубзэ» макъыщIэхэр «а» макъымкIэ кьыщIедзэ» [Кабардино-черкесский язык 2006: 368].

«Цыхухьу» макъыщIэхэр нэхьыбэрэ кьыщIедзэ «I» макъымкIэ. БзэщIэныгъэлIэхэм кьыхагъэщ мыпхуэдэ «цыхухьу» макъыщIэхэр: *Iагъ*, *Iагъу*, *Iэгъ*, *Iау*, *зиунагъуэрэ*, *уэлэхьы* [Кабардино-черкесский язык 2006: 369], *ей лIэун*, *тхьэр согъэпцI*, *згъэпцIаи*, *тхьэ дыгъыIэ*, *кьурIэнкIэ солуэ* [Апажэв 2000: 62], *тхьэгъуIэ* (*тхьэ гуIэ*).

– *Тхьэ дыгъыIэ*, *Дэнэху* и *цIэр кьипIуауэ*, *уезгъафэм! ИтIанэ... Си ныбжэжэгур сымаджэщци абы сыцIэупцIэнууц.*

– *Хэт зи гугъу пцIыр?*

– *Астемыриц, Iэу! Сыту ушыгъуупцэх!..*

– *Iпо кьеузыр?*

– *Уэлэхьы*, *сымыщIэ*. *СиIамэ*, *цIэупцIаклуэ сыклуэрэт? Повесткэ кьыхуэклуауэ зигъэхьэзыр хьуниц а уэ пцIэм*, – *гушыIэурэ жиIащ Жансэхьуи* [КIыщокъуэ 2005: 13].

Апажэ М.Л. «ЦIыхубз» макъыщIэхэр лIэужыгъуэ зыбжанэу егуэш: «макъыщIэ-тхьэрыIуэхэр» (*мор зи уафэ, мор зи дыгъэ, мыр зи дуней*), макъыщIэ-гукъеуэхэр (*уэ Iей мыгъуэ*), «тхьэм ехъэлIа» макъыщIэ-тхьэрыIуэхэр (*тхьэ, алыхь, алыхь лъэц*) [Апажев 2000: 61].

«ЦIыхубз» макъыщIэхэм адыгъбзэм къыщагъэлыагъуэ гурыщIэ зэмылIэужыгъуэхэр: къэуIэбжыныгъэ, щтэныгъэ, шынэ, гукъеуэ, н. Псалъэм папщIэ, *гуIэгъуэжъ мыгъуэ* жыхуиIэм зэуэ мыхъэнэ зыбжанэ къызэщIеубыдэ: щтэныгъэ, зэгуэп, мыарэзыгъэ, гъэщIэгъуэныгъэ:

– *ГуIэгъуэжъ мыгъуэти! Лы удокIуэ! – жиIэри Хьэбибэ и куафитIым еуэжащ* [КIыщюкъуэ 1985: 22].

Адыгъбзэм куэд дьдэрэ ущыхуозэ макъыщIэ-тхьэрыIуэхэм (*алыхь, азалыхь, алыхь дыщэ, алыхь дыдэ, алыхь закъуэ, алыхь лъэц, тхьэ, тхьэ дыдэ* и др.), псалъэ хэдзэ къалэн ягъэзащIэу:

– *Алыхь, махъшэр къэмыгъуэтыгъуей. – Гуащэ адэкIэ жиIэным нэмысу бжэр къыIуихри лы фIыцIэшхуэ джанэ кIыхь цыгъыу бжэцхъэIум къебэкъуащ* [КIыщюкъуэ 2006: 267].

– *Тхьэ дыдэ, мыр дэнэ дежи цылэжъэфыным, ауэ, кхьыIэ, а япэм цысам хуэдэ къомыгъэтIыс, пкъыгъуэхэр зэгъэдзэкIауэ, пхэнжу зэригъуэбыду...* [ШэджихъэщIэ 1989: 17].

МакъыщIэ *ан-а* (*на-а*) жыхуиIэм и мыхъэнэкIэ къыгъэлъэгъуэнкIэ хьунуш къэуIэбжыныгъэ, языныкъуэхэм и мыарэзыгъэ:

– *Ан-на-а-а, езым и псэм фIэфIыр къебгъаиэркъэ упэрымыуэ. Алыхь, ди Iуэхум фIэкI къуажэм хьыбар зыри дэмылIыж* [ХьэIупщы 2003: 27].

ИщхъэкIэ цапхъэу къыщыхьа *ан-а* макъыщIэм къыхощыр мыарэзыгъэ, ауэ нэхьыбэрэ къэуIэбжыныгъэщ къыгъэлыагъуэр:

– *Ан-на-а, лыжъ, сыту Iейуэ укъэгъуа уи мыхабзэу? – цIоупщIэ зэрыцIыхъэжыххуэ Гуацэнэху* [Иуан 2002: 74].

МакъыщIэ *уа* [*уэ*], *Iей* (*уа-а-а, уа-ей*) жыхуиIэхэм адыгъбзэм ущыхуэзэр цIыхубз жьабзэрщ, гурыщIэ зэмылIэужыгъуэхэри хьдолъагъуэ: щтэныгъэ, шынэ, къэуIэбжыныгъэ, гъэщIэгъуэныгъэ, гуфIэгъуэ, н.

– *Уа Iей, сыкъэфлIыхъуэжыну фи гуцхьы къэкIыркъыми, – къыщIохъэж Мазизэ. – Фи ныбэра нэхъ Iуэхур, хъэмэрэ...* [ШэджихъэщIэ 1989: 19].

ИщхъэкIэ къыщыхьа цапхъэхэр щыхъэт зэрытехъуэщи, адыгъбзэм къыщыкIуэ макъыщIэхэр зэуэ зи мыхъэнэкIэ зэмыщхъ гупхэм (абы щыгъуэми зи мыхъэнэхэр зэпэщIэуэм) хыхъэфынуш, абы и щхъэусыгъуэр ахэр мыхъэнэбэу зэрыщытырщ, абы къыхэкIкIи макъыщIэм и мыхъэнэ дьдэр къыщыпхуэхутэнур тхыгъэм щыхъэтырщ. Абы щыгъуэм Iэмал имыIэу гу лъытапхъэщ адыгъбзэм и макъыщIэхэм гендер зэцхъэщыкIыныгъэ зэраIэм.

Апхуэдэ къэхутэныгъэхэм адыгъбзэм лъэныкъуэ псомкIи зэпкърыха щыхъуа гендер зэцхъэщыкIыныгъэхэм, гурыщIэуатэ IуэхуеплъыкIэр тегъэщIапIэ ящIкIэрэ, гурыщIэ мыхъэнэ иIэу цIыхубзхэм фIэкIа адреихэм яхуэмыгъэза лексикэ, фразеологие занэхэр, абы хуэдэуи макъыщIэхэр, зэрызыпащIыж псалъэхэр щIэх-щIэхыурэ къызэрагъэсэбпыр къагъэлъэгъуащ.

ТегъэщIапIэхэр

Список источников и литературы

- Адыгъбзэ псалъалъэ 1999 – *Адыгъбзэ псалъалъэ*. М.: Дигора, 1999. 854 н.
Апажев 2000 – *Апажев М.Л.* Современный кабардино-черкесский язык: лексикология, лексикография. Нальчик: Эльбрус, 2000. 408 с.
Афаунова 2012 – *Афаунова А.А.* Семантико-грамматический анализ междометий и звукоподражаний кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 128 с.

- Изард 1980 – *Изард К.Е. Эмоции человека*. М.: МГУ, 1980. 440 с.
- Иуан 2002 – *Иуан В. Ськъэушмэ, щылыхэпIэт*: Рассказхэр. ГушыIэхэр. Ауанхэр. Налшык: Эльбрус, 2002. 108 н.
- Кабардино-черкесский язык 2006 – *Кабардино-черкесский язык. В 2-х томах* / Ред. М.Л. Апажев, Б.Ч. Бижоев, Н.Н. Зекореев, Х.Т. Таов. Налчык: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2006. Т. 2. 520 с.
- Кыщокъуэ 1955 – *Кыщокъуэ А.П. Тисей*. Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапIэ, 1955.
- Кыщокъуэ 1985 – *Кыщокъуэ А.П. Тхыгъэхэр томиплIым шызэхуэхъэсауэ*. Шынэхужьыкыуэ: Тхылыщу зэхэль роман. Налшык: Эльбрус, 1985. Т. 3. 772 н.
- Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.П. Хъуэпсэгъуэ нур (Свет мечты)* // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Роман. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н.
- Кыщокъуэ 2006 – *Кыщокъуэ А.П. Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ*. Лъапсэ: Роман. Налшык: Эльбрус, 2006. 5 т. 552 с.
- Соколова 1981 – *Соколова Г.Г. Составляющие коннотативного значения фразеологических единиц* // Лингвистические проблемы перевода. М., 1981. С. 54–80.
- Урыс 2001 – *Урыс Хь.Щ. Адыгэбзэ грамматикэ. Фонетикэ. Морфонемикэ. Морфологии*. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н.
- ХъэIупшы 2003 – *ХъэIупшы М. Хуэрэджейр мэгъагъэ: Новеллэхэр. Повесть*. Налшык: Эльбрус, 2003. 184 н.
- ШэджыхъэщIэ 1989 – *ШэджыхъэщIэ Хь. Мазизэ: Повесть. Рассказхэр*. Налшык: Эльбрус, 1989. 296 н.
- Шаховский 1995 – *Шаховский В.И. О лингвистике эмоций* // Язык и эмоции. Волгоград, 1995. С. 3–15.

References

- Ady'ge`bze`psal`al`e`* [Explanatory dictionary of the Kabardian-Circassian language]. M.: Digora, 1999. 854 p. (In Kabardino-Circassian)
- APAZHEV M.L. *Sovremennyj kabardino-cherkesskij yazyk: leksikologiya, leksikografi ya* [Modern Kabardino-Circassian language: lexicology, lexicography]. Nalchik: Elbrus, 2000. 408 p. (In Russian)
- AFAUNOVA A.A. *Semantiko-grammaticheskij analiz mezhdometij i zvukopodrazhanij kabardino-cherkesskogo yazyka* [Semantic and grammatical analysis of interjections and onomatopoeia of the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2012. 128 s. (In Russian)
- IZARD K.E. *Emocii cheloveka* [Human emotions]. M.: MGU, 1980. 440 s. (In Russian)
- IUAN V. *Syk`eushme, pshchlyh`epIet: Rasskazher. GushyIekher. Auanher* [I woke up, a dream]. Nalshyk: El'brus, 2002. 108 n.
- Kabardino-cherkesskij yazyk. V 2-h tomah* / Red. M.L. Apazhev, B.Ch. Bizhiov, N.N. Zekoreev, H.T. Taov [Kabardino-Circassian language in two volumes]. Nal'chik: GP KBR «Respublikanskij poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g.». Izdatel'skij centr «El'-Fa», 2006. Т. 2. 520 s.
- KIYSHCHOK`UE A.P. *Tisej* [Tisei]. Nalshyk: K`eberdej thyl` tedzapIe, 1955. (In Kabardino-Circassian).
- KIYSHCHOK`UE A.P. *Thyg`ekher tomipllym shchyzekhuekh`esaue. Shchylene-khuzh`yk`ue: Thyl`ishchu zekhel` roman* [Valley of the White Lambs]. Nalshyk: El'brus, 1985. Т. 3. 772 n. (In Kabardino-Circassian).
- KIYSHCHOK`UE A.P. *Kh`uepseg`ue nur* [Wonderful moment]. Tkhyg`ekher tomikhym shchyzekhuekh`esaue. Т. 2. Nalshyk: El'brus, 2005. 488 n. (In Kabardino-Circassian).
- KIYSHCHOK`UE A.P. *Kh`uepseg`ue nur* [Roots]. Tkhyg`ekher tomikhym shchyzekhuekh`esaue. Т. 2. Nalshyk: El'brus, 2006. 5 т. 522 n. (In Kabardino-Circassian).

Авторым теухуауэ

Къуэдзокъуэ З.В. – филологии щIэныгъэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щIэныгъэ лэжъакъуэ.

Информация об авторе

З.В. Кодзокова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.V. Kodzokova – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 04.12.2024; одобрена после рецензирования 21.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 04.12.2024; approved after reviewing 21.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-60-66

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА Б.К. УТИЖЕВА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Залина Рашиadowна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zalinathamadokova9@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© З.Р. Хежева, 2024

Аннотация. Статья посвящена проблеме лингвистического анализа языка произведений Б.К. Утижева. Актуальность исследования обусловлена необходимостью и своевременностью изучения лексических и функционально-семантических особенностей языка произведений Б.К. Утижева, что отвечает реалиям и современным потребностям лексикографической науки в синхронном изучении кабардино-черкесского языка.

В адыгском языковом внимании сугубо лингвистические изыскания в отношении совокупности языковых средств, используемых в художественном произведении, а также по проблемам синхронного лексического анализа текста, не так многочисленны. Подчеркивается, что ретроспективный лингвистический анализ поможет выявить языковые особенности произведений Б.К. Утижева, продемонстрировать уникальность, своеобразие слога и его мастерство в использовании исконного лексического фонда кабардино-черкесского языка.

Отмечается, что в эпоху глобализации особенности развития литературного языка и его норм непосредственно зависят от состояния национальной художественной литературы. Большей частью это касается младописьменных языков, где в начале становления основ национальной литературы проблемы нормирования «литературный язык» и «язык писателя» были намного более острыми и дискуссионными, чем для современной литературы. Именно поэтому, для развития литературного языка адыгских языков, в частности кабардино-черкесского, особенно важным представляется многоаспектное исследование языка писателя.

Ключевые слова: литературный язык, кабардино-черкесский язык, художественная литература, язык писателя, лингвистический анализ языка произведений

Для цитирования: Хежева З.Р. К проблеме лингвистического анализа языка Б.К. Утижева (К постановке вопроса) // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 60–66. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-60-66

Original article

ON THE PROBLEM OF LINGUISTIC ANALYSIS OF B.K. UTIZHEV'S LANGUAGE (TO POSE THE QUESTION)

Zalina R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, zalinathamadokova9@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Z.R. Khezheva, 2024

Abstract. The article is devoted to the problem of linguistic analysis of the language of B.K. Utizhev's works. The relevance of the research is due to the need and timeliness of studying the lexical and functional-semantic features of the language of the works of B.K. Utizhev, which meets the realities and modern needs of lexicographic science in the synchronous study of the Kabardino-Circassian language.

In the Adyghe linguistic attention, purely linguistic research on the totality of linguistic means used in a work of fiction, as well as on the problems of synchronous lexical analysis of the text, is not so numerous. It is emphasized that a retrospective linguistic analysis will help to identify the linguistic features of B.K. Utizhev's works, demonstrate the uniqueness, originality of the syllable and his skill in using the native lexical fund of the Kabardino-Circassian language.

It is noted that in the era of globalization, the peculiarities of the development of the literary language and its norms directly depend on the state of national fiction. For the most part, this concerns the young written languages, where at the beginning of the formation of the foundations of national literature, the problems of rationing "literary language" and "writer's language" were much more acute and debatable than for modern literature. That is why, for the development of the literary language of the Adyghe languages, in particular Kabardino-Circassian, a multidimensional study of the writer's language is especially important.

Keywords: literary language, kabardino-Circassian language, artistic literature, the writer's language, linguistic analysis of the language of works

For citation: Khezheva Z.R. On the problem of lingvistik analysis of B.K. Utizhev's language (To pose the question). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 60–66. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-60-66

В онтогенезе филологической науки проблемы исследования языка писателя и стилистики художественного произведения не обладали определенной нишей ни в одной области гуманитарных наук. Круг вопросов, входящих в область изучения лингвистического анализа языка литературы, рассматривались то в границах общего языкознания, то вне рамок лингвистики в целом, обосновываясь в таких направлениях, как поэтика, эстетика слова и даже теория литературы. Предпринимались попытки определения «языка художественной литературы» в автономный раздел, где языковеды и литературные критики получили широкие возможности для научных изысканий. К этому периоду прослеживается понимание специфики «языка» произведения художественной литературы и ее соответствие тем приемам и методам, вытекающим из понимания сущности данного объекта.

Еще в начале прошлого столетия, определяя состояние лингвистического анализа языка русских писателей XVIII–XIX вв. и обосновывая ее цели и задачи, В.И. Чернышев писал, что изучение языка писателя предоставляет возможность «для утверждения и отрицания принадлежности авторам произведений сомнительных. Можно также уяснить влияние одного писателя на другого; можно с значительной вероятностью определить область, откуда происходил писатель, и говор, который отразился в его произведениях. Кроме того, изучение языка писателей известной эпохи должно бы было дать представление о грамматическом строении языка в эту эпоху. Так как для таких целей необходимо исследование языка писателей во всем его объеме и полноте и притом с различиями, зависящими от разных периодов творчества писателя и рода словесных произведений, то не удивительно, что для таких сложных и кропотливых работ находилось слишком мало охотников» [Чернышев 1902: 125]. С 20-х годов XX века проблемы психологии литературного творчества, эстетики слова, языка и идиостиля писателя исследуются в концепциях ученых-языковедов, литературных критиков, в числе которых В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Б.А. Ларин, М.М. Бахтин, М. Арнаудов, Ю.М. Лотман и др. Безусловно, на данном этапе формулируется далеко не весь спектр вопросов по проблеме изучения языка художественной литературы. Художественное произведение, его язык, рассматриваются большей частью как памятники истории литературного языка и исторической диалектологии. Вопросы

специфических внутренних признаков, авторского своеобразия, творческой индивидуальности и методах их исследования здесь даже еще не поставлены. В русских лингвистических исследованиях данного периода, язык художественной литературы, язык художественного произведения, условно дифференцированный на грамматико-морфологические или на лексикологические части, разделялся по общим категориям грамматики и лексики литературного языка. Доминирующее в этот период развития науки о русском литературном языке формально-грамматическое направление, по своей сути, не могло осветить все аспекты литературного языка и истории языка художественной литературы. Понятие о границах литературного языка, его объеме и стилистических разграничениях было весьма размытым.

Так, анализируя научно-критические статьи 1970–80 х гг. прошлого столетия, невольно приходишь к мысли, что в случае обращения к языку художественной литературы некоторые лингвисты впадают в крайность. Творческая индивидуальность автора, его язык со всеми его лингвистическими особенностями, продиктованные конкретными художественными задачами и целями данного произведения, сливался с литературным языком. К слову, в рамках исследований по истории русского литературного языка рассматривались такие главы, как «язык А.С. Пушкина», «язык Салтыкова-Щедрина», «язык Гоголя», причем в концепцию этих понятий входило не только выражение общелитературной нормы в тексте автора, но и собственно художественные функции и средства языкового материала в призме индивидуальной эстетической языковой картины мира писателя. Как известно, в идеологической концепции М.М. Бахтина «для эстетики как науки художественное произведение является, конечно, объектом познания, но это познавательное отношение к произведению носит вторичный характер, первичным же отношением должно быть чисто художественное... Объектом эстетического анализа является, таким образом, содержание эстетической деятельности (созерцания), направленное на произведение» [Бахтин 1975: 17]. Как считает В.Д. Левин, по мере преодоления такого смещения и подмены разных аспектов в изучении языка писателя начала все более и более явственно вырисовываться другая проблема – попытки полного исключения проблемы языка художественной литературы из проблематики литературного языка. Он пишет: «При таком подходе считается бесспорным, что из художественной литературы могут извлекаться только те факты, которые – наряду с фактами, извлеченными из других источников, – служат материалом для суждений о норме так называемого общелитературного языка эпохи. Все, что так или иначе связано со спецификой художественной литературы, исключается из рассмотрения и относится к индивидуальному художественному стилю писателя, и так как разграничение «общего» и «индивидуального» сопряжено со значительными трудностями, признается более надежным судить о нормах литературного языка по литературе нехудожественной; материал художественной литературы в плане литературного языка оказывается под подозрением» [Левин 1971: 9]. Однако, бесспорным является тот факт, что на любом этапе художественная литература имеет большое значение в становлении и формировании литературного языка. Бесспорным является также и то, что в особенности это касается младописьменных языков.

Безусловно, вопросы онтогенеза адыгских литературных языков в большей или меньшей степени исследовались с момента формирования письменности на этих языках. Предприняты попытки определения отношения адыгских литературных языков к иным формам существования языка, в особенности к территориальным диалектам, основные особенности литературной нормы, ее устойчивость и обусловленность собственно языковыми и внеязыковыми (социальными) факторами, условия и способы реализации литературного языка в художественной и устной речи, роль архаизмов и иноязычных языковых моделей в формировании

литературного языка – далеко не полный круг вопросов, в той или иной мере подвергшихся исследованию.

В русистике проблемам языка художественной литературы в целом, а также языковым особенностям отдельных авторов посвящено большое количество научно-исследовательских работ. В адыгском языковом внимании сугубо лингвистические изыскания в отношении совокупности языковых средств, используемых в художественном произведении, а также по проблемам синхронного лексического анализа текста, не так многочисленны. Так, языку исторических произведений Т. Керашева посвящена диссертационная работа Б.Д. Блипашаовой (1998), где выявлены лексическое богатство и синтаксические особенности, показана народность и отшлифованность языка писателя. В работе впервые анализируются авторские новообразования, фиксируются устаревшие слова, исследуются онимы, использованные в исторических произведениях Т. Керашева.

Несколько иначе в литературоведении, где вопросам изучения художественного мастерства писателя, его творческой индивидуальности, стилю, его миру и философским воззрениям уделено большое внимание. Кроме того, немало монографических работ, посвященных жизни и творчеству писателей и поэтов, оказавших влияние на развитие адыгской литературы. Последние два десятилетия ознаменованы появлением ряда монографических работ, диссертаций и критических статей по общетеоретическим вопросам художественного творчества Т. Керашева, Н. Куека, М. Бемурзова, Х. Бештокова, Б. Утижева и др. Показательны работы А.Ч. Абазова и С.М. Нагоевой (2002), М.Н. Хачемизовой (2005), А.М. Астежевой (2003), К.Н. Паранук (2006), Л.Б. Утижевой (2008), И.А. Кажаровой (2009), Х.И. Бакова (2010), Л.Б. Хавжоковой (2012).

В перечне проблем исследования языка адыгской художественной литературы всегда актуальными остаются вопросы изучения художественного произведения и языка писателя. Оно и понятно, в настоящее время в свете интенсивного развития, очевидного пополнения и обогащения литературного кабардино-черкесского языка и его лексикографического фонда исследование лексики и ее системы представляется особенно важным, поскольку основой развития современного кабардино-черкесского языка является лексический потенциал языка художественных произведений. Подверглись диверсификации и существенным изменениям принципы и методы исследования всей языковой структуры. Следует отметить, что на данном этапе происходит совершенствование и самих методов анализа и ревизии языковой системы – способов синхронного исследования сегментов разных уровней языка, а также приемов уровневой реконструкции. Особую актуальность имеют новейшие направления, акцентированные на изучение языка в тесной увязке с историей, традициями и культурой народа, изучение языка классической литературы, фольклора во взаимосвязи с духовной, ментальной сферой, концептуальной языковой картиной мира адыгов.

Эволюция и этапы становления литературного языка и его норм напрямую зависит от состояния национальной художественной литературы. Особенно это касается, как уже указано, «молодых языков», где в начале становления основ национальной литературы, когда литературный язык во многих аспектах еще не получил определенных «контуров», проблемы нормирования «литературного языка» были намного более острыми и дискуссионными, чем для современной литературы. Именно поэтому для развития литературного языка адыгских языков, в частности кабардино-черкесского, особенно важным представляется многоаспектное исследование языка писателя.

В контексте теории языковой картины мира анализ и синтез языковой личности писателя, его лингвофеномена является автономной научной областью, представляющей бесспорный научный интерес. основополагающей мыслью практически всех фундаментальных научно-исследовательских работ является тот

постулат, что нельзя познать человека, не познав его язык. Рост духовной культуры и глубокие преобразования в советскую эпоху, выразившийся в прогрессивных изменениях русского языка, породили обостренную потребность к исследованию слова, произведений словесно-художественного творчества. Этот период знаменуется повышенным интересом к таким направлениям исследования, которые ранее были вне поля зрения научных изысканий. В общей концепции прослеживается идея о том, что всестороннее исследование и толкование литературного текста, языка писателя, является основой филологии и вместе с тем основой духовной культуры в целом. По словам академика Л. В. Щербы, особенно важным является интерес к языку, как к «деятельности человека, «направленной всякий раз к определенной цели, к наилучшему выражению своих мыслей и чувств» [Щерба 1974: 71]. Язык писателя, его лингвальная ментальная личность, может демонстрировать суть и глубину его мышления, его внутренний мир, философию его души. «Говорящий» язык Бориса Утижева, видного северокавказского поэта, писателя, драматурга, языковеда, без преувеличения, может стать объектом целого ряда монографических исследований. К слову, вызывает искреннее удивление, что столь удивительный и неповторимый слог писателя не стал предметом научных изысканий до сегодняшних дней. Вместе с тем, следует отметить, что его творчеству, биографии, жанровому многообразию его пера и другим литературоведческим проблемам посвящен ряд научных работ (Астежева А.М., Абазов А.Ч., Утижева Л.Б. и т.д.) Жизни и творчеству Б.К. Утижева посвящена монография Х.И. Бакова (2010), где всесторонне исследуется его многогранное наследие. Особое внимание уделено проблеме творческой индивидуальности, национальной самобытности и художественному мастерству Б.К. Утижева. В исследовании представлен комплексный анализ лирики, прозаических произведений, сонетов, стихотворений в прозе и публицистики писателя, отражающих актуальные проблемы литературного кабардино-черкесского языка, теории литературы, новеллистики и драматургии. Не остались в стороне также трагедии и комедии автора, пополнившие золотой фонд отечественной драматургии. Литературному критику принадлежат также отдельные научные статьи, посвященные античному мотивам трагедии «Эдип», поэтическому своеобразие лирики и особенностям публицистического жанра в творчестве писателя. Национальному своеобразие драматургии Б. Утижева в свете проблемы историзма художественного мышления посвящено диссертационное исследование Астежевой А.М. (2003). Комедии, их национально-художественные истоки и новаторство писателя в этом жанре, генезис и формирование национального театра и драматургии адыгов описаны в работе Утижевой Л.Б. (2008). Драматургия, жанрово-видовое и стилевое многообразие пьес Б.К. Утижева анализируется в монографии Абазова А.Ч. и Нагоевой С.М. (2002).

Как показывает научно-исследовательский библиографический материал по творчеству Б.К. Утижева, монографических или иных трудов по собственно языковым особенностям его слога, лексико-семантическому, фразеологическому богатству, позволяющему понять такие кардинальные явления родного языка, как ассоциативные, парадигматические отношения в лексической системе, которые определяют дух языка, способствуют постижению его национального своеобразия, практически нет, что подчеркивает особую актуальность исследований, направленных на изучение особенностей языка писателя. Индивидуальный стиль, особая «философия», мировидение и мироощущение в лирике, прозе и драматургии Б.К. Утижева облачены в неповторимый язык, фразеологию и изобразительные средства, используемые автором для ретроспективного изображения картины повествования и колоритных образов. Х.И. Баков, отметивший «адыгскость» Б. Утижева, пишет: «На наш взгляд, Борис Утижев является одним из ярких национально-самобытных писателей. Все его творчество пронизано национальным

колоритом. В. Белинский верно отмечал «русскость» А.С. Пушкина. В нашем случае можно сказать об «адыгскости» творчества Б.К. Утижева. В его творчестве сосуществуют яркая индивидуальность и национальное своеобразие, его личный взгляд и взгляд на вещи кабардинцев дополняют друг друга. Симбиоз этих понятий дает свои плоды» [Баков 2010: 11]. «Адыгскость» языка, характеризующий все многогранное творчество Б. Утижева, станет предметом наших дальнейших научных изысканий.

Список источников и литературы

- Абазов, Нагоев 2002 – *Абазов А.Ч., Нагоева С.М.* Драматургия Бориса Утижева. Жанрово-видовое и стилевое многообразие пьес. Нальчик, 2002. 75 с.
- Арнаутов 1970 – *Арнаутов М.* Психология литературного творчества / пер. с болгарского Д. Д. Николаева. М.: Издательство «Прогресс», 1970. 653 с.
- Астежева 2003 – *Астежева А.М.* Национальное своеобразие драматургии Бориса Утижева: проблемы историзма художественного мышления. Автореф дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 24 с.
- Баков 2010 – *Баков Х.И.* Борис Утижев: поэт, писатель, драматург. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 376 с.
- Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. Издание второе / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Блипашаова 1998 – *Блипашаова М.Д.* Язык исторических произведений Т. Керашева. Автореф дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1998. 25 с.
- Виноградов 1990 – *Виноградов В.В.* Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя / отв. ред. акад. Д.С. Лихачев, А.П. Чудаков. М.: Наука, 1990. 386 с.
- Кажарова 2009 – *Кажарова И.А.* Человек и история в адыгской поэзии 1970–1990-х гг. (художественно-философский аспект). Нальчик: Издательство КБИГИ, 2009. 106 с.
- Ларин 1974 – *Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. Л.: Художественная лит. Ленинградское отделение, 1974. 285 с.
- Левин 1971 – *Левин В.Д.* Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М.: Наука, 1971. 416 с.
- Лотман 1972 – *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
- Утижева 2008 – *Утижева Л.Б.* Жанр комедии в творчестве Б. Утижева. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 18 с.
- Хавжокова 2012 – *Хавжокова Л.Б.* Поэтический мир Хабаса Бештокова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 192 с.
- Чернышев 1915 – *Чернышев В.И.* Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Вып. 2. 2 издание: исправленное и дополненное. Петроград: Типография М. Меркушева, 1915. 480 с.
- Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.

References

- ABAZOV A.CH., NAGOYEVA S.M. *Dramaturgiya Borisa Utizheva. Zhanrovo-vidovoe i stil'noe mnogoobrazie p'es* [Boris Utizhev's Dramaturgy. Genre-specific and stylistic diversity of plays]. Nalchik, 2002. 75 p. (In Russian)
- ARNAUDOV M. *Psikhologiya literaturnogo tvorchestva* [Psychology of literary creativity / Translated from the Bulgarian by D. D. Nikolaev]. M.: Progress Publishing House, 1970. 653 p. (In Russian)
- ASTEZHIEVA A.M. *Nacional'noe svoeobrazie dramaturgii Borisa Utizheva: problemy istorizma khudozhestvennogo myshleniya. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The national originality of Boris Utizhev's dramaturgy: problems of historicism of artistic thinking. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology]. Nalchik, 2003. 24 p. (In Russian)

- BAKOV H.I. *Boris Utizhev: poet, pisatel', dramaturg* [Boris Utizhev: poet, writer, playwright]. Nalchik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2010. 376 p. (In Russian)
- BAKHTIN M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva. Izdanie vtoroe* [Aesthetics of verbal creativity. The second edition / compiled by S.G. Bocharov]. M.: Iskusstvo, 1986. 445 p. (In Russian)
- BLIPASHAOVA M.D. *Yazyk istoricheskikh proizvedenij T. Kerasheva. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The language of historical works by T. Kerashev. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology]. Nalchik, 1998. 25 p. (In Russian)
- CHERNYSHEV V.I. *Pravil'nost' i chistota russkoj rechi. Opyt russkoj stilisticheskoy grammatiki. Вып. 2. 2 izdanie: ispravlennoe i dopolnennoe* [Correctness and purity of Russian speech. The experience of Russian stylistic grammar. Issue 2. 2nd edition: revised and expanded]. Petrograd: Printing house of M. Merkushev, 1915. 480 p. (In Russian)
- KAZHAROVA I.A. *Chelovek i istoriya v adygskoj poezii 1970–1990-kh gg. (khudozhestvenno-filosofskij aspekt)* [Man and History in Adyghe poetry of the 1970s and 1990s (artistic and philosophical aspect)]. Nalchik: Izdatel'stvo KBIGI, 2009. 106 p. (In Russian)
- KHAVZHOKOVA L.B. *Poeticheskij mir Khabasa Beshtokova* [Poetic world of Khabas Beshtokov]. Nalchik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2012. 192 p. (In Russian)
- LARIN B.A. *Estetika slova i yazyk pisatelya* [Aesthetics of the word and the language of the writer]. L.: KHudozhestvennaya lit. Leningradskoe otdelenie, 1974. 285 p. (In Russian)
- LEVIN V.D. *Literaturnyj yazyk i khudozhestvennoe povestvovanie* [Literary language and artistic narration] IN: *Voprosy yazyka sovremennoj russkoj literatury*. M.: Nauka, 1971. 416 p. (In Russian)
- LOTMAN YU.M. *Analiz poeticheskogo teksta* [Analysis of the poetic text]. L.: Prosveshchenie, 1972. 271 p. (In Russian)
- SHCHERBA L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. L.: Nauka, 1974. 427 p. (In Russian)
- UTIZHEVA L.B. *Zhanr komedii v tvorchestve B. Utizheva. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The genre of comedy in the work of B. Utizhev. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology]. Nalchik, 2008. 18 p. (In Russian)
- VINOGRADOV V.V. *Yazyk i stil' russkikh pisatelej Ot Karamzina do Gogolya* [Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol / Ed. Academician D.S. Likhachev, A.P. Chudakov]. M.: Nauka, 1990. 386 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher, Department of Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 19.10.2024; одобрена после рецензирования 12.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 19.10.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-67-75

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ КОЛИЧЕСТВА В АДЫГСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Хежева Марьяна Рашидовна

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© М.Р. Хежева, 2024

Аннотация. Чувственное восприятие является базовой ступенью познания. Языковые единицы и речевые штампы с общей семантикой чувственного восприятия довольно ярко отражают специфику и ментальные особенности этнической группы, ввиду чего играют важную роль в формировании языковой картины мира. Статья посвящена анализу языковых средств репрезентации чувственного восприятия количества и меры проявления признака в адыгском языковом сознании. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в адыговедении предпринята попытка анализа и систематизации языковых единиц, отражающих результаты восприятия количественной стороны окружающей действительности посредством основных органов чувств – зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания. Основная цель работы – проанализировать этноспецифику языковой репрезентации чувственного восприятия количества и меры (интенсивности) проявления качества в адыгской языковой картине мира. Предметом исследования являются языковые единицы и модели, эксплицирующие результаты перцепции количественной стороны окружающего мира.

Ключевые слова: адыгское языковое сознание, чувственное восприятие, репрезентация, количество, мера проявления признака

Для цитирования: Хежева М.Р. Способы репрезентации чувственного восприятия количества в адыгском языковом сознании // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 67–75. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-67-75

Original article

METHODS OF REPRESENTATION OF SENSORY PERCEPTION OF QUANTITY IN THE ADYGCHE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Maryana R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© M.R. Khezheva, 2024

Abstract. Sensory perception is the basic stage of cognition. Language units and speech clichés with the general semantics of sensory perception quite vividly reflect the specificity and mental characteristics of an ethnic group, due to which they play an important role in the formation of a linguistic picture of the world. The article is devoted

to the analysis of linguistic means of representing sensory perception of quantity and the measure of manifestation of a feature in the Adyghe linguistic consciousness. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time in Adyghe studies an attempt was made to analyze and systematize linguistic units reflecting the results of perceiving the quantitative side of the surrounding reality through the main senses – sight, hearing, smell, taste, touch. The main goal of the work is to analyze the ethnospecificity of linguistic representation of sensory perception of quantity and the measure (intensity) of manifestation of quality in the Adyghe linguistic picture of the world. The subject of the study is linguistic units and models that explicate the results of perception of the quantitative side of the surrounding world.

Keywords: Adyghe linguistic consciousness, sensory perception, representation, quantity, measure of manifestation of a feature

For citation: Khezheva M.R. Methods of representation of sensory perception of quantity in the Adyghe linguistic consciousness. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 67–75. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-67-75

Познавая окружающую действительность и выделяя определенные свойства отдельных предметов и явлений, человек непременно устанавливает и их количественную определенность, которая присуща всем объектам окружающего мира [Гусельникова 2009: 42]. Язык располагает широким кругом этноспецифических средств и способов передачи семантики количества. Количественные различия присущи реальным объектам бытия: вещам (предметам), процессам, признакам, явлениям, т. е. входят в онтологию бытия, познаются человеком и выражаются в речи. Между реальностью и речью находится человеческое познание, оно существенно влияет на речевые способы выражения количества [Галич 2018: 27]. **Актуальность** исследования определяется тем, что одной из базовых установок современной лингвистической науки является исследование способов репрезентации междисциплинарных лингвофилософских категорий сквозь призму этнического самосознания. Под понятием восприятие следует понимать процесс приема и преобразования информации, обеспечивающий отражение объективной реальности и ориентировку в окружающей действительности [Большой энциклопедический словарь 1993: 247]. При обращении к языку как одной из форм манифестации сознания существенным представляется не только исследование языковой репрезентации фрагментов действительности как формы ответной реакции на полученную извне информацию, но и связанных с ней структур знания, «питающих» образы сознания, которые и получают свою актуализацию в языке [Федяева 2016 (а): 176]. Особый интерес к языковым специфическим средствам экспликации восприятия объясняется тем, что оно реализуется не только лексическими, фразеологическими единицами, но и этноспецифическими языковыми моделями и речевыми шаблонами. Выделяются пять основных модусов восприятия – зрительное, слуховое, обонятельное, осязательное и вкусовое [Русин 1994: 79–100].

Зрительное восприятие количества

Восприятие зрением по праву признается главным каналом поступления к человеку информации о мире и, соответственно, имеет широкий круг репрезентантов именно благодаря значимости данного способа познания окружающего мира и ориентирования в нем [Колесов 2008: 14]. Зрительно воспринимаемый образ множества предметов в адыгском языковом сознании транслируется посредством сравнительных оборотов, содержащих глаголы *зэтельын* «лежать друг на друге, кучей, горой» [Адыгэбзэ псалъальэ 1999: 241], *зэтеклутэн* «насыпать что-либо кучей, ссыпать что-либо в кучу» [Там же, 241] и их деепричастных и причастных форм. К примеру: *складыщхьэм щьгузу зэтель шэрхь* «гора колес, много колес» (букв.: колеса, лежащие так, что достают до потолка склада). *Мобдей зэтельыр шэрхьц, – щьлац и лэр складыщхьэм щьгузу зэтель шэрхьым я*

дежкIэ [ШэджихьэщIэ 2000: 153]. / «Вот там кучей лежат колеса, – протянул он руки горе колес, достающих до потолка склада». *Мыбдежым щыльцъ мывэ хужь цIыкIухэр Iуащхьэ-Iуащхьэу этекIутауэ* [Къашыргъэ 2014: 123]. / «Там лежат кучки белых камушков».

Любое качество выражается в специфической для него системе количественных характеристик [Спиркин 1988: 236]. Вербализация зрительно воспринимаемой меры проявления признака (количества качества) в адыгской языковой картине мира может быть осуществлена при функциональном участии качественных прилагательных в превосходной степени, в числе которых и колоративная лексика. Колоративная лексика является одной из этнодифференцирующих признаков. Особенности национальной психологии, этнический менталитет в значительной степени актуализируются через «язык цвета», характерный для фольклора, обрядов, традиционной одежды данного этноса [Нефляшева 2002: 458]. Так, семантика наивысшей степени белизны в адыгской языковой картине мира реализуется при помощи суффиксов *-цэ, -Iуэ -нс, -бзэ*, присоединяемых к основе прилагательного *хужь* «белый»: *хужьыщэ* «очень белый», *хужьыIуэ* «слишком белый», *хужьыбзэ* «абсолютно белый», *хужьынс* «совершенно белый». По данному принципу выражается высшая степень проявления признака и других базовых цветолексем и большинства качественных прилагательных. Идея чрезвычайной белизны транслируется посредством компаративов, содержащих номинативную единицу *уэс* «снег». *Хьыджэбз цIыкIур ильэсих-блы нэхьыбэ хьуагъэнкъым. Абы и цхьэцъри и набдзэри сырыхубзэц, и напэ цIыкIури уэсым хуэдэу хужьыбзэц* [Дудар 1992: 43]. / «На вид девочке лет шесть-семь, не больше. Ее волосы и брови светленькие, **лицо белоснежное, словно снег**». Также в адыгском языковом сознании функционирует сложная лексема *уэсчэсей* (*уэс* «снег» + *чэсей* «мадаполам» вид белой ткани) «белоснежный» [Адыгэбзэ псалъалъэ 1999: 650]. Высшая степень проявления черного цвета реализуется сравнительными оборотами, содержащими лексемы *фIамыщIым* «уголь» и *вынд* «грач»: *фIамыщIым ещхь* «подобный углю» – *Зи хьуаскIэр иджыри къыхэлъыдыкI фIамыщIым ещхь нэ фIыцIэ цIыкIухэр адэмыдэкIэ къыкьуэлъхэрт* [КIэрэф 2009: 383]. / «Искрящиеся и **черные как уголь** глазки выглядывали из разных уголков»; *вындым хуэдэу фIыцIэ* «совершенно черный» (букв.: черный как грач). «*Сытуи зихьуэжа: Вындым хуэдэу фIыцIэу шыта и цхьэцъыр иджы сырыхуц...* [Ацкъан 1993: 282]. / «Как она изменилась: ее волосы, которые когда-то были совершенно черными, теперь светлые...». Лексема *вындыржыч* употребляется в значении «совершенно черный». *Зы пцыхьэщхьэ гуэрым гуауэ сыкъэIуэжмэ, гьэцIэгьуэн сольагьу – ди стIолыцхьэм телефон тетц. Вындыржычу телефон фIыцIабзэ!* [Дудар 1992: 86]. / «Однажды поздним вечером, возвратившись домой, вижу удивительное – на столе стоит совершенно черный телефон».

Выражения с семантикой зрительного восприятия содержат в своем составе лексемы и фразеологические единицы с лексемами *нэ* «глаз» и *еплъын* «смотреть». Общее значение яркости, наивысшей красоты в кабардино-черкесском языке реализуют фразеологические единицы *нэр щисыкIыу* «ненаглядный» (букв.: обжигая глаза), *узэримыгьэплъу...* «очень», «чрезвычайно» (букв.: не позволяя смотреть на себя), *нэм къиплъыхьыр* «все вокруг» (букв.: все, что видимо глазу). *Уэс хужьыбзэр дыгъэ бзийм допцIытцI, нэр щисыкIыу* [Ацкъан 1993:104]. / «Совершенно белый снег переливается на солнце, обжигая глаза». *Хьыджэбзым и нэIур узэримыгьэплъу дахэт!* [Жылау 1995: 121]. / «Лицо девушки было очень красивым». ... *жэрыгьэкIэ цехым сыщIэлъэдац. Нэм къиплъыхьыр холодильникиц* [ШэджихьэщIэ 2000: 90]. / «... бегом вбежал в цех, там множество холодильников (букв.: все, что видимо глазу – холодильники)». Визуально воспринимаемое множество растений вербализуется в кабардино-черкесском языке через сравнение с ковром. *Нэм къиплъыхьыр цхьуантIагъэщ. Мэш, гуэдз хьэсэхэр*

алэрыбгъум хуэдэиц [МафIэдз 1992: 319]. / «Все вокруг в зелени. Весь участок пахотной земли, **словно ковром застлан просом и пшеницей**».

Слуховое восприятие количества

Образное восприятие интенсивности звуковых волн в адыгской языковой картине мира реализуется рядом языковых средств. Так, для выражения семантики незначительного, не интенсивного звука носитель адыгского языка весьма часто использует языковые шаблоны с компонентом-междометием *цырхъ* «звуко-подражательное слово для обозначения еле слышимого звука» [Адыгэбзэ псалгальэ 1999: 747] и производного глагола (*къщыцырхъэн* (тхъэкIумэм) «дойти до чьего-л. слуха», «уловить что-л. краем уха» [Там же, 638]. К примеру: *Жэиц ныкъуэм фIэкIауэ Сэфарбий и тхъэкIумэм Iуцаицэ макъ къицырхъаиц* [Мэзыхъэ 1982: 75]. / «После полуночи Сафарбий услышал еле уловимый шепот». *Ар анхуэдизкIэ тхъэкIумэ жаници, цырхъыр зэхех* / «У него настолько острый слух, что он слышит даже еле уловимый шорох». Семантика незначительности звука усиливается при наличии в высказывании репрезентантов модуса кажимости, выражающегося в кабардино-черкесском языке сочетанием лексем *хуэдэу къыщыхъуаиц* «показалось (словно)...». *Ежьэжери, тIэкIурэ кIуауэ, и тхъэкIумэ шы лэ макъ къицырхъэ хуэдэу къыщыхъуаиц*. [КIэрашэ 1986: 96]. / «По дороге ему **показалось, что он услышал еле уловимый топот** копыт». Семантика множества одновременных звуков в адыгской языковой картине мира эксплицируется лексемой *зэицIэжьыуэн* «одновременно звучать; раздаваться» [Адыгэбзэ псалгальэ 1999: 263]. *Цыхухэр, бжээ къэтицIам еицху, зэицIэжьыуэ* [Дудар 1992: 186]. / «Словно шум роя пчел, слышится **множество одновременно звучащих голосов людей**».

Высокая степень проявления интенсивности воспринимаемого звука транслируется в адыгском языковом сознании речевыми шаблонами, образованными по модели существительное или словосочетание + лексема *къигъэпсалгъэу* «с перезвоном», «с эхом» или *къигъачэу* «треская», в таком употреблении они не имеют самостоятельного значения, а переводятся в комплексе со связанными словами. В большинстве случаев такие сочетания имеют общее значение «издавая чрезвычайный громкий звук». *Нэхуицым унэр къигъэпсалгъэу Iуэн ицIидзаиц (адакъэм)* [Мэзыхъэ 1982: 245]. / «На рассвете (петух) начал очень громко кукарекать». *Зэуэ дунейр кIыфI къэхъуаиц, уридэкIуеиным хуэдэу уэицхым къыщидзаиц, тиэ фIыцIэжьхэм уафэхъуэпскIыр дыжьсын Iуданэу къыхэлыдыкIри, уафэ лъабжэсэр къигъачэу ицыблэр уаиц* [ШэджихъэщIэ 1989: 97]. / «Разом стало темно, начался очень сильный дождь, словно серебряные нити, засверкала молния, и очень громко грянул гром». Семантика очень громкого звука в адыгской лингвокультуре реализуется фразеологическим оборотом *тхъэкIумэIупсыр Iуиуду (Iуичу)* пронзительно, сильно крича (букв.: разрывая барабанную перепонку) [Карданов 1968: 242].

Обонятельное восприятие количества

Анализ языкового материала кабардино-черкесского языка говорит о том, что количество может восприниматься и модусом обонятельного восприятия. Основным номинантом ольфакторных языковых единиц в адыгском языковом сознании является существительное *мэ* запах. Глагольное словосочетание *мэ къыщIихъэн* «почувствовать запах» не обладает количественной семантикой. Оттеком количественности отличается словосочетание *мэ къыIурыуэн* «почувствовать резкий запах». Семантика распространения запаха по всему пространству реализуется в адыгском языковом сознании речевыми шаблонами, образованными по типу существительное + *мэ* «запах» + *ицIэзын* «заполнить» + *хъун* «стать». *Унэм мэри ицIэз хъуаиц*. / «Весь дом заполнен запахом». Повсеместность запаха выражается речевыми штампами, содержащими кванторное слово *псо(ри)* «весь», сложные слова с составным компонентом *мэ* «запах» и деепричастие *ицIу* «делая». К примеру: *Сэтэнейм и мэ IэфIыр, джэдгыным и мэ гуаицIэр, хъэ къэлэрым и мэ щабэр*

зэхьхъжауэ, жьы щабэм зэрехъэ, **дуней псор дыхумэ ищлу** [Теунэ 1980: 417]. / «Сладкий запах лабазника, резкий запах чабреца, нежный запах черемши, соединившись, разносятся ветром, заполняя весь мир запахом духов». Восприятие интенсивного запаха транслируется в исследуемом языке сочетанием *мэ(м) зэрихъэн* «источать запах», «быть наполненным запахом (о пространстве). *Шханлэр бжыныхумэм, лы бахъэм, ернымэм зэрихъэрт* [Шортэн 2016: 961–962]. / «Вся столовая была заполнена запахом чеснока, мясного пара и пахты». Семантика излишнего приятного или неприятного запаха эксплицируется в адыгской языковой картине мира словосочетанием *мэ гуащлэ* «сильный, резкий запах». **Мэкьумэ гуащлэр кьытцлхъэрт, жьыбгъэ зэрыцымылэм иригушхуа аргъуейм и ву макъым тхъэклумэр игъэклылырт** [Мэзыхъэ 1982: 104]. / «Чувствовался **резкий запах сена**, звук комара, возгордившегося тем, что нет ветра, щекотал ухо».

Семантика незначительного (неинтенсивного) запаха выражается в исследуемом языке языковыми конструкциями, образованными по модели существительное + *мэ* «запах» + лексемы *мащлэ* «мало» или *тлэклу* «мало» + деепричастие, причастие или глагол. К примеру: *Мэзым уцлхъэмэ, куэдыщэ умьклуу къуэ задэ ухуэзэрт, Дыгъужьыкъуэклэ еджэу, и лъабжъэм псы утхъуа тлэклу, ищдымэ мащлэ кьыхихыу, щегъэхыу, ауэ и гъунэхэм псынэ къабзэ кьытцыщлэжу* [Шортэн 2016: 488]. / «Зайдя в лес, неподалеку был расположен крутой овраг под названием Дугужуко (букв.: балка волков), на дне которого текла мутная речка с **незначительным болотистым запахом**, но по краям вытекал чистый родник». *Жьыуэ сызэрыклуам кьыхэклыу жьаклэупсым деж цлэс цлагуэ цылэтэкъым, си луэхур самыгъэгуэу зэфлагъэклри къэзгъэзэжащ, лэклуэлъаклуэу сызэцлэупсауэ, дыхумэ тлэклуу кьысклэрихыу* [Кыщокъуэ Алим и бзэм и псалъалэ 2022: 551]. / «Благодаря тому, что я рано пришел, у брадобрея сидело мало народу, меня быстро обслужили, и я вскоре вернулся, аккуратно побритым и с **незначительным запахом духов**».

Вкусовое восприятие количества

Вкусовое восприятие имеет неоспоримую ценность в изучении лингвокогнитивной категории вкуса, позволяющей понять процесс вербализации в языке этнокультурных особенностей восприятия [Сакаева, Мефодьева, Гутман 2023: 560]. Количественная оценка присуща всем качественным характеристикам вкусовой перцепции. Может оцениваться и репрезентироваться в языке мера проявления остроты, кислого вкуса, солёности. Так, в адыгском языковом сознании интенсивность какого-либо вкуса реализуется с помощью прилагательных с общей семантикой вкуса *гуащлэ* «кислый» [Адыгэбзэ псалъалэ 1999: 68], *дыдж* «горький» [Адыгэбзэ псалъалэ 1999: 130], *мышыу* «пресный, недосолённый» [Адыгэбзэ псалъалэ 1999: 522], *сыр* «острый» [Адыгэбзэ псалъалэ 1999: 610], *шыугъэ* «солёный» [Адыгэбзэ псалъалэ 1999: 769], *лэфл* «сладкий», «вкусный» [Адыгэбзэ псалъалэ 1999: 834] и вышеупомянутых суффиксов превосходной степени *-цэ, -луэ, -бзэ, -пс. лэфлыщэ* «очень сладкий», *сырылуэ* «чрезмерно острый», *дыджыбзэ* «абсолютно горький», *мышыупс* «совершенно пресный». Семантика излишнего наличия какого-л. вкусового (либо другого признака) в адыгской лингвокультуре реализуется конструкциями по типу синонимичные наречия *анхуэдизклэ* или *зыклэ* «настолько» + густативное слово с элементом *-ци*. *анхуэдизклэ сырици* = *зыклэ сырици* «настолько острый», *анхуэдизклэ шыугъэци* = *зыклэ шыугъэци* «настолько солёный». Семантика незначительности вкуса в адыгской языковой картине мира выражается аналитически – сочетанием лексем с количественным (*тлэклу* и *мащлэ* «мало») и густативным значением (*сыр* «острый», *дыдж* «горький», *гуащлэ* «кислый») с причастными формами типа *зыщлэт* «обладающий». К примеру: *дыджагъ мащлэ зыщлэт мылэрысэ* «яблоко с горчинкой» [Бижоев, Жилетежев, Кумыкова, Тимижев 2021: 187], *гуащлэ тлэклу зыщлэт мылэрысэ* «яблоко с кислинкой» [Бижоев, Жилетежев, Кумыкова, Тимижев 2021: 317].

Наличие префикса *хуэ-* в словах со значением вкуса вносит в их семантику оттенок преуменьшения: *пцэдджыжъкІэ зэфэ псыр мацІэу хуэшыугъэу цытын хуейщ* [КІэрашэ 1986: 316]. / «Вода, которую утром пьет, должна быть слегка соленой».

Тактильное восприятие количества

Осязание – один из основных видов отражения человеком объективной действительности. Кожа реагирует на физические свойства окружающих нас объектов, через неё мы получаем информацию о том, с чем она вступает в непосредственный контакт [Борейко 2008: 56]. Ядром семантики незначительного прикосновения в адыгской языковой картине мира является глагол *ецырхъын* «притронуться, прикоснуться к кому-чему-л., задеть слегка кого-что л.» [Адыгэ псалъалэ 1999: 167]. С помощью кожной рецепции человек познает широкий спектр разнообразных качеств предметов: «твёрдый» / «мягкий», «гладкий» / «шероховатый», «тёплый» / «холодный» [Федяева 2016 (б): 178]. В адыгском языковом сознании интенсивность проявления мягкости, твердости, температуры весьма часто реализуется посредством компаративов: *мывэм хуэдэу быдэ* «твёрдый как камень», *бжэухуцым хуэдэу щабэ* «мягкая как вата», *мафІэм хуэдэу пщтыр* «горячий как огонь», *уэсым (мылым) хуэдэу щІыІэ* «холодный как снег (лед)».

Исследование базовых способов репрезентации чувственного восприятия количества и меры проявления признака в адыгском языковом сознании позволяет сделать следующие **выводы**:

В адыгском языковом сознании **визуально воспринимаемый** образ множества эксплицируется сравнительными оборотами с составным компонентом *нэ* «глаз». Многочисленны в адыгской языковой картине мира прилагательные с суффиксами *-щэ, -Іуэ -пс, -бзэ*, реализующие идею наивысшей степени проявления качества (меры признака). Значение наивысшей красоты и чрезмерной яркости транслируется выражениями *нэр щисыкІыу* «обжигая глаза», *узэрымгъэпльу...* «очень», «чрезвычайно», *нэм къиплъыхъыр* «все вокруг» (букв.: все, что видно глазу).

Интенсивность **звука** в адыгской языковой картине мира выражается этноспецифичными лингвистическими средствами. Специальным средством, эксплицирующим образ незначительного звука в адыгской языковой картине мира является междометие *цырхъ* «еле слышимый звук» и глагольный фразеологизм *тхъэкІумэм къыщырхъэн* «дойти до чьего-л. слуха», «уловить что-л. краем уха». Перцептивный глагол *зэцІэжъыуэн* реализует семантику множества одновременно звучащих звуковых волн. Речевые штампы типа *унэр къыгъэпсалъэу, дунейр къыгъачэу* вербализируют семантику чрезвычайной громкости звука, они не имеют дословного перевода на русский язык.

Большинство **ольфакторных** языковых единиц кабардино-черкесского языка с общей семантикой незначительного запаха содержат в себе номинант *мэ* «запах» и количественные лексемы *тІэкІу* «мало» и *мацІэ* «мало». Распространенность запаха реализуется выражениями *мэр щІэз хъун* «заполнить запахом (пространство)», *мэм зэрихъэн* «источать запах». Модус излишнего запаха (приятного и неприятного) транслируется выражением *мэ гуащІэ* «острый запах», «резкий запах».

Перцепция **вкуса** в адыгской языковой картине мира выражается прилагательными с семантикой остроты, солёности, горечи и т.д. Как и все качественные прилагательные кабардино-черкесского языка круг густативных прилагательных образует формы превосходной степени, посредством чего и выражается высшая степень проявления вкусовых качеств. Малая мера проявления вкусовых качеств в кабардино-черкесском языке выражается сочетанием лексем с количественным и густативным значением с глаголами и причастными формами типа *зыцІэт*.

В адыгском языковом сознании интенсивность проявления тактильных характеристик реализуется посредством сравнительных оборотов типа: *нывэм хуэдэу быдэ* «твердый как камень», *бжэыхуцым хуэдэу щабэ* «мягкая словно вата». Незначительность прикосновения в адыгской языковой картине мира реализуется глаголом *ецырхъын*.

Список источников и литературы

Адыгэбзэ псалъальэ 1999 – *Адыгэбзэ псалъальэ*. М.: Дигора, 1999, 860 с. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999, 860 с.).

Ацкъан 1993 – *Ацкъан Р.Хь. Усэхэр. Новеллэхэр. Налшык: Эльбрус, 1993. 320 н.* (Ацканов Р.Х. Стихи. Новеллы. Нальчик: Эльбрус, 1993. 320 с.).

Бижоев, Жилетежев, Кумыкова, Тимижев 2021 – *Бижоев Б.Ч., Жилетежев Х.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т.* Большой русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: ООО «Фрегат», 2021. 792 с.

Большой энциклопедический словарь 1993 – *Большой энциклопедический словарь / главный редактор А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия; СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993. 1628 с.*

Борейко 2008 – *Борейко Т.С.* Взаимосвязь тактильного восприятия с эмоциональной сферой человека // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 56–58.

Галич 2018 – *Галич Г.Г.* Категория количества и аспекты её изучения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 4 (34). С. 27–33.

Гусельникова 2009 – *Гусельникова О.В.* Категория количества во фразеологизмах: способы ее выражения в системе языка и на уровне быденного сознания // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 42–46.

Дудар 1992 – *Дудар Хь.М.* ГуфIэгъуэ щашIэ. Рассказхэр, гушыIэ, ауан, тепльэгъуэ кIэщIхэр, таурыххэр. Налшык: Элбрус, 1992. 320 с. (Дударов Х.М. Тройная радость: Рассказы, сатира, юмор, скетчи, сказки. Нальчик: Эльбрус, 1992. 320 с.).

Жылау 1995 – *Жылау Н.Хь.* Щэнггасэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 240 с. (Жиляев Н.Х. Воспитание характера на народных традициях. Нальчик: Эльбрус, 1995. 240 с.).

Карданов 1968 – *Карданов Б.М.* Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. 341 с.

Колесов 2008 – *Колесов И.Ю.* Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков). Барнаул: БГПУ, 2008. 354 с.

Къашыргъэ 2014 – *Къашыргъэ Хь.Хь.* ГъашIэр матэщIэдзакъым. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. 584 с. (Каширгов Х.Х. Жизнь прожить – не поле перейти. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. 584 с.).

КIэрашэ 1986 – *КIэрашэ Т.М.* Шу закъуэ. Роман. Хъыбархэр. Налшык: Эльбрус, 1986. 400 н. (Керашев Т.М. Одинокый всадник. Роман. Новеллы. Нальчик: Эльбрус, 1986. 400 с.).

КIэрэф 2009 – *КIэрэф М.* Лъэужь е лIэужь. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н. (Керфов М. Оставить след. Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2009. 572 с.).

КIыщокъуэ Алим и бзэм и псалъальэ 2022 – *КIыщокъуэ Алим и бзэм и псалъальэ.* Налшык: ООО «Фрегат», 2022. 1134 с. (Словарь языка Алима Кешокова. Нальчик: ООО «Фрегат», 2022. 1134 с.).

МафIэдз 1992 – *МафIэдз С.Хь.* Гъыбзэ хуэфашэт. Роман. Налшык: Эльбрус, 448 н. (Мафедзев С.Х. Достойны печальной песни: Роман. Нальчик: Эльбрус, 1992. 448 с.).

Мэзыхэ 1982 – *Мэзыхэ Б.Б.* Бжыххэр пшIащэ пыльэльыжыгъуэщ. Повестрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 1982. 279 н. (Мазигов Б.Б. Осень – пора листопада. Повесть, рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1982. 279 с.).

Нефляшева 2002 – *Нефляшева Н.А.* Цветовая традиция в абхазо-адыгской культуре // Мир культуры адыгов. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. С. 458–465.

Ружин 1994 – *Ружин И.Г.* Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 79–100.

Сакаева, Мефодьева, Гутман 2023 – Сакаева Л.Р., Мефодьева М.А., Гутман Е.В. Характеристика категории вкуса в логико-понятийном пространстве языка // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 560–562.

Спиркин 1988 – Спиркин А.Г. Основы философии: Учебное пособие для вузов. М.: Политиздат, 1988. 592 с.

Теунэ 1980 – Теунэ Хь.И. Тхыггэ нэхъыщхьэхэр томитгу. II том. Нальшык: Эльбрус, 568 с. (Теунов Х.И. Избранные произведения в двух томах. Т. II. Нальшык: Эльбрус, 568 с.).

Федяева 2016 (а) – Федяева Е.В. Количество в свете сенсорных модальностей: языковая репрезентация зрительного, аудиального, обонятельного, вкусового и тактильного восприятия количества // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 175–179.

Федяева 2016 (б) – Федяева Е.В. Специфика языковой репрезентации результатов чувственного восприятия количества // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2-1 (26). С. 164–183.

ШэджыхьэщIэ 2000 – ШэджыхьэщIэ Хь.ТI. СыкъыпхуэкIуэжаи. Рассказхэр. ГушыIэхэр. Очеркхэр. Нальшык: Эльбрус, 2000. 272 н. (Шекихачев Х.Т. Я вернулся: юморески, рассказы, очерки. Нальчык: Эльбрус, 2000. 272 с.).

ШэджыхьэщIэ 1989 – ШэджыхьэщIэ Хь.ТI. Мазизэ. Повесть, рассказхэр. Нальшык: Эльбрус, 1989. 292 н. (Шекихачев Х.Т. Мазиза. Повесть. Рассказы. Нальчык: Эльбрус, 1989. 292 с.).

Шортэн 2016 – Шортэн А.Т. Бгырысхэр. Нальшык: Эльбрус, 2016. 1224 н. (Шортанов А.Т. Горцы. Роман. Нальчык: Эльбрус, 2016. 1224 с.).

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. М.: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

АСК'АН R.Kh'. *Usekher: Novellekher* [Poems. Novels]. Nalchik: Elbrus, 320 p. (In Kabardino-Circassian)

BIZHOEV B.CH., ZHILETEZHEV H.CH., KUMYKOVA D.M., TIMIZHEV Kh.T. *Bol'shoj russko-kabardino-cherkesskij slovar'* [Large Russian-Kabardino-Circassian Dictionary]. Nalchik: ООО «Fregat», 2021. 792 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / glavnyj redaktor A. M. Prokhorov [The Great Encyclopedic Dictionary / editor-in-chief A.M. Prokhorov]. Moscow: Soviet Encyclopedia; St. Petersburg: Leningrad Gallery Foundation, 1993. 1628 p. (In Russian)

BOREIKO T.S. *Vzaimosvyaz'taktil'nogo vospriyatiya s emocional'noj sferoj cheloveka* [The relationship between tactile perception and the emotional sphere of a person]. IN: *Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2008. № 2 (9): v 3-kh ch. CH. I. p. 56–58. (In Russian)

DUDAR Kh'.M. *GufJeg'ue shchashchle. Rasskazkher; gushyle, auan, tepl'eg'ue kleshchlkher, taurykh'kher* [Triple Joy: Stories, Satire, Humor, Sketches, Fairy Tales]. Nalchik: Elbrus, 1992. 320 p. (In Kabardino-Circassian)

FEDYAEVA E.V. (a). *Kolichestvo v svete sensorykh modal'nostej: yazykovaya reprezentaciya zritel'nogo, audial'nogo, obonyatel'nogo, vkusovogo i taktil'nogo vospriyatiya kolichestva* [Quantity from the view point of sensory modalities: Language representation of visual, audial, olfactory, gustatory and tactile perception of quantity]. IN: *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2016. No. 26. P. 175–179. (in Russian)

FEDYAEVA E.V. (b). *Specifika yazykovoj reprezentacii rezul'tatov chuvstvennogo vospriyatiya kolichestva* [The language representation peculiarities of the Quantity sensory perception results]. IN: *Sovremennye issledovaniya social'nykh problem*. 2016. No. 2-1 (26). P. 164–183. (In Russian)

GALICH G. G. *Kategoriya kolichestva i aspekty eyo izucheniya* [The Category of Quantity and its aspects]. IN: *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 2018. № 4 (34). P. 27–33. (In Russian)

GUSELNIKOVA O.V. *Kategoriya kolichestva vo frazeologizmakh: sposoby ee vyrazheniya v sisteme yazyka i na urovne obydenno go soznaniya* [The category of quantity in phraseological units: ways of its expression in the language system and at the level of everyday consciousness]. IN: *Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2009. No. 2 (21): in 3 parts. Part II. P. 42–46. (In Russian)

KARDANOV B.M. *Kabardino-russkij frazeologicheskij slovar'* [Kabardino-Russian phraseological dictionary]. Nalchik: Elbrus, 1968. 341 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

- K"ASHYRG"E Kh'.Kh'. *G"ashchler mateshchIedzak"ym* [Life is not like crossing a field]. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov (OOO Polygraphservis i T), 2014. 584 p.
- KIERASHE T.M. *Shu zak"ue. Roman. Kh"ybarkher* [The Lonely Rider. Novel. Novellas] Nalchik: Elbrus, 1986. 400 p. (In Kabardino-Circassian)
- KIyshchok"ue Alim i bzem i psal"al"e* [Dictionary of the language of Alim Keshokov]. Nalchik: OOO «Fregat», 2022. 1134 p. (In Kabardino-Circassian)
- KIEREF M.Zh. *L"euzh"e lleuzh". Povesther* [Leave a mark. stories]. Nalchik: Elbrus, 2009. 572 p. (In Kabardino-Circassian)
- KOLESOV I.YU. *Problemy konceptualizacii i yazykovoj reprezentacii zritel'nogo vospriyatiya (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov)* [Problems of conceptualization and linguistic representation of visual perception (based on the English and Russian languages)]. Barnaul: BSPU, 2008. 354 p. (In Russian)
- MAFIEDZ S.Kh'. *G"ybbe khuefashchet. Roman* [Worthy of a sad song: Novel]. Nalchik: Elbrus, 1992. 448 p. (In Kabardino-Circassian)
- MEZYKH'E B.B. *Bzh'ykh'er pshchIashche pyl"el"yzhyg"ueshch. Povestre rasskazkhemre* [Autumn is the time of leaf fall. Novel, short stories]. Nalchik: Elbrus, 1982. 279 p. (In Kabardino-Circassian)
- NEFLYASHEVA N.A. *Cvetovaya tradiciya v abkhazo-adygskoj kul'ture* [Color tradition in the Abkhaz-Adyghe culture]. IN: Mir kul'tury adygov. Majkop: GURIPP «Adygeya», 2002. S. 458–465. (In Russian)
- TEUNE Kh'.I. *Tkhyg"e nekh"yshchkh'ekher tomitlu. II tom* [Selected works in two volumes. Volume II]. Nalchik: Elbrus, 568 p. (In Kabardino-Circassian)
- RUZIN I.G. *Kognitivnye strategii imenovaniya: modusy percepcii (zrenie, slukh, osyazanie, obonyanie, vkus) i ikh vyrazhenie v yazyke* [Cognitive strategies of naming: modes of perception (vision, hearing, touch, smell, taste) and their expression in language]. IN: Voprosy yazykoznanija. 1994. No. 6. P. 79–100. (In Russian)
- SAKAEVA L.R., MEFODEVA M.A., GUTMAN E.V. *Kharakteristika kategorii vkusa v logiko-ponyatijnom prostranstve yazyka* [Characteristics of the category of taste in the logical-conceptual space of language]. IN: Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2023. No. 2 (99). P. 560–562. (In Russian)
- SHEDZHYKH'ESHCHIE Kh'.TI. *Mazize. Povest', rasskazkher* [Maziza. Novel. Stories]. Nalchik: Elbrus, 1989. 292 p. (In Kabardino-Circassian)
- SHEDZHYKH'ESHCHIE Kh'.TI. *Syk"ypkhuekIuezhai. Rasskazkher.Gushylekher. Ocherkkher* [I returned. Humorous stories. Essays]. Nalchik: Elbrus, 2000. 272 p. (In Kabardino-Circassian)
- SHORTEN A.T. *Bgyryskher. Roman* [Highlanders. Novel]. Nalchik: Elbrus, 2016. 1224 p. (In Kabardino-Circassian)
- SPIRKIN A.G. *Osnovy filosofii: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Fundamentals of Philosophy: Textbook for Universities]. M.: Politizdat, 1988. 592 p. (In Russian)
- ZHYLAU N.Kh'. *Shcheng"ase* [Character education based on folk traditions]. Nalchik: Elbrus, 1995. 240 p. (In Kabardino-Circassian)

Информация об авторе

М.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

M.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 06.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 06.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-76-81

ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА И АТМОСФЕРА КОРОТКИХ РАССКАЗОВ АХМЕДХАНА НАЛОЕВА

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhass55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2024

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поэтики и характерные жанрово-стилевые и содержательные признаки жанра короткого рассказа на примере произведений кабардинского писателя Ахмедхана Хамурзовича Налоева. В частности, детализированному анализу подвергаются рассказы «Пчелы роятся», «Два портрета», «Кто прав?», «Три котенка» и др. Отмечается, что использованные автором художественные образы и приемы отвечают определенным оценочным критериям, определяющим жанр. Показано, что органическое единство психологии читателя и мастерства писателя приводят к системной эквивалентности и адекватности жанра короткого рассказа. Установлено, что в коротких рассказах А. Налоева отразились наиболее типичные черты жанра. Утверждается, что, возможно, в произведениях писателя не видны некоторые формальные показатели жанра короткого рассказа, но такие основные признаки, как неожиданный поворот или конец, резкая смена действия всегда присутствуют в них. Доказано, что читатель погружается в глубокое психологическое и эмоциональное состояние, знакомясь с образами, выведенными в этих рассказах. Анализ коротких рассказов А. Налоева позволяет заключить, что жанр короткого рассказа, по сравнению с другими малыми прозаическими формами, имеет более широкий спектр жанровых признаков, которые обеспечивают необходимую психологическую полноту сюжета произведения.

Ключевые слова: Ахмедхан Налоев, кабардинская литература, проза, жанр, короткий рассказ, форма, содержание, сюжет

Для цитирования: Алхасова С.М. Жанровая специфика и атмосфера коротких рассказов Ахмедхана Налоева // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 76–81. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-76-81

Original article

GENRE AND STYLE SPECIFICITY OF SHORT STORIES BY AKHMEDKHAN NALOEV

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian

© S.M. Alkhasova, 2024

Abstract. The article examines the poetics and characteristic genre-style and content features of the short story genre using the works of the Kabardian writer Akhmedkhan Hamurzovich Naloev as an example. In particular, the stories “Bees Are Swarming”, “Two Portraits”, “Who is Right?”, “Three Kittens” and others are subjected to a detailed analysis. It is noted that the artistic images and techniques used by the author meet certain evaluative criteria that determine the genre. It is shown that the organic unity of the reader’s psychology and the writer’s skill lead to the systemic equivalence and adequacy of the short story genre. It is established that the most typical features of the genre are reflected in A. Naloev’s short stories. It is argued that, perhaps, some formal indicators of the short story genre are not visible in the writer’s works, but such basic features as an unexpected turn or ending, an abrupt change of action are always present in them. It has been proven that the reader is immersed in a deep psychological and emotional state, getting acquainted with the images brought out in these stories. Analysis of short stories by A. Naloev allows us to conclude that the genre of a short story, in comparison with other small prose forms, has a wider range of genre features that provide the necessary psychological completeness of the plot of the work.

Keywords: Akhmedkhan Naloev, Kabardian literature, prose, genre, short story, form, content, plot

For citation: Alkhasova S.M. Genre and style specificity of short stories by Akhmedkhan Naloev. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 76–81. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-76-81

Как известно, жанр короткого рассказа – это невероятно действенное средство для художественного отображения действительности, изучения особенностей человеческих характеров, передачи всевозможных чувств и эмоций. Короткий рассказ является очень мощным инструментом, чтобы передавать яркие эмоции, исследовать человеческую природу и, конечно же, отражать психологические стороны жизни. Мастерски написанный короткий рассказ позволяет вызывать такие чувства, как глубокие внутренние раздумья и переживания.

Кабардинский писатель Ахмедхан Налоев был мастером короткого рассказа. Это очевидно на примере таких его рассказов, как «Последнее утро поэта», «Картина», «Три котенка», «Ветер с Уруха», «Одержимый», «Смертельно хочется жить», «Ночной путь», «Брод», «Дорога», «Пчеловоды», «Два портрета», «Кто прав?», «Пчелы роятся», «В село вошел волк», «Вспомнил», «Пчеловоды» и многие другие. Каждый из этих рассказов представляет собой не просто короткое повествование, а искусно выстроенную гармонию выражений, в которых каждое слово играет свою роль в создании художественной картины короткой прозы.

В рассказе «Пчелы роятся» объемом всего в полторы странички, нет ни одного лишнего слова. Автор полностью контролирует ход повествования. Здесь нет ни одного случайного эпизода или картины. Психология начала рассказа очень важна: нужно суметь всецело захватить интерес читателя. Ход действия начинается с того, что утром, перед работой, до рассказчика и его приятеля доходит печальная весть о смерти односельчанина, некоего Бара Гедуева. Автор с приятелем тут же отправляются во двор к умершему выразить соболезнование близким. Как и принято, во дворе собралось много сельчан, все сидят в скорбном молчании. Кажется, ничто не может нарушить печально-тягостное молчание присутствующих. Опустив головы, тут же стоят и двое взрослых сыновей почившего, это Харис и Салих. Старший сын Харис недавно отделился от отчего дома, живет с женой отдельно, неподалеку от отцовского дома.

Как и полагается по закону жанра, вдруг случается неожиданный поворот, способный произвести шок и погрузить читателя в мир загадки. Неожиданно во двор

стремительно врывается жена старшего сына и что-то шепчет сыновьям умершего. Видимо, сообразив, в чем дело, старший сын вздрагивает и быстро направляется к воротам... Люди в траурном дворе заволновались, стали гадать: что же еще могло случиться?! Что произошло такого, что может быть важнее похорон отца? – Пчелы у Хариса стали роиться и улетать, – внес ясность младший сын Салих...

Оригинальность автора посредством эмоциональной привязки достигает своего пика. Более того, в последней сцене глубоко скрыты юмор и сатира: пчелы оказались важнее смерти отца. И сын, не похоронив предка, помчался прочь со двора в обход всех правил и этических норм. Таким образом, в рассказе создана эмоциональная связь между персонажами и читателем.

Как известно, небольшой объем рассказа требует от писателя мастерства в точном подборе слов и яркости выражения. В рамках короткого повествования А. Налоеву удалось передать полноценную историю, увлечь читателя атмосферой происходящего и нарисовать образы персонажей так, чтобы их сущность и характеры окончательно раскрылись. Это было достигнуто не только с помощью литературного мастерства, а глубоким пониманием психологии читателя.

Другой рассказ А. Налоева «Два портрета» также имеет бытовой характер. Здесь нет шокирующего или интригующего начала и яркого действия. Однако автор вскоре подводит читателя к тайне неведомого... Психология начала рассказа похожа на фокус: сначала все просто. Старушка качает в люльке малыша, приглядываясь к нему, размышляет, на кого же он похож. На стене висят портреты двух дедушек малыша. Старушка сравнивает в деталях внешность малыша с ними. Она приходит к выводу, что ни на кого из них малыш не похож. Это приносит ей почему-то облегчение:

«–На кого же ты похож?.. – произнесла она и задумалась, взгляд ее устремился к двум висевшим на стене портретам.

– На кого же из них он больше похож?

Сперва посмотрела на первый портрет. – Нет, внук ни капельки не похож на мужа. У мужа худое лицо, ребенок круглолицый; муж брюнет, у малыша волосы светлые, у мужа карие глаза, а этот голубоглазый... Старуха перевела взгляд на левый портрет, и здесь никакого сходства. У мужчины, смотревшего с портрета, были черные, вьющиеся волосы, черные, как терн, глаза, да и овал лица совершенно иной. Никакого намека на сходство.

– Слава богу, и на него не похож. Выходит, ни на того, ни на другого» [Налоев 1988: 135].

Сон это или явь, но картины вдруг оживают. Затем внезапно происходит нечто необычное. Старушка Ханит погружается в воспоминания, в свою молодость, и медленно, со скрипом, отворяются железные двери прошлого... Одна за другой возникают картины далеких минувших дней, сменяют одна за другой суровые и трагичные события. В люльке спит ее сын. В тот вечер супруг Алихан и уполномоченный Сафраил сильно переругались у них в доме. Переругались так, что Сафраил в этот же вечер покинул село. А перед самой зимой Алихана, ее мужа, вызвали в правление. Он ушел и больше не вернулся, так и пропал. Затем разразилась война. В село пришли немцы. По селу пошли слухи: младший брат Алихана, исчезнувший незадолго до самого Адихана, вернулся вместе с немцами. Вскоре арестовали Сафраила и расстреляли. Мать Сафраила от горя чуть с ума не сошла и прокляла весь род Алихана... Выгнали и немцев. Закончилась война. Брат Алихана не избежал своей участи, сел в тюрьму. Когда подросший сын Ханит и Алихана вернулся домой после окончания техникума, он приехал не один, а с женой. После долгих расспросов, неожиданно выясняется, что жена – дочь Сафраила... Так и онемела Ханит: словно гром грянул среди ясного неба. Но невестка оказалась мягкой и послушной. А после рождения малыша, старушка Ханит и вовсе успокоилась. В финале рассказа старуха снова гадает, на кого все же похож малыш? И в

итоге решает про себя, что похож он на обоих дедов понемногу. Вот такой неожиданный заключительный поворот рассказа.

Очень искусно, понимая психологию читателя, писатель умеет захватить его внимание, вызвать эмоции, удивить и завершить историю таким образом, чтобы она осталась в памяти. Вот те ключевые аспекты, которые позволили Ахмедхану Налоеву создать запоминающиеся короткие рассказы.

Удивительную историю о голубиных парах поведал нам писатель в рассказе «Кто прав?». Собственно, это аллегория, такое случается и с людьми... Жили две пары голубей в доме под крышей. Неожиданно умер самец у одной пары, и голубка осталась одна. И тут она стала наведываться в соседнее гнездо к другому самцу, когда его голубка улетала за кормом. А со временем и вовсе выгнала соседку из гнезда и сама поселилась в соседнем гнезде рядом с самцом. Оставшаяся одна при живом «муже» белая голубка, «Белошейка» (так назвал ее автор), горевала в одиночестве в пустом гнезде. Каждый раз, когда она делала попытки вернуться в старое гнездо, они немедленно пресекались со второй голубкой, по прозвищу «Сорока», которая беспощадно клевала и кусала ее. И тогда хозяева решили купить самца-голубя и подселить к ней. Так и сделали. Но не тут-то было! «Сорока», выгнавшая из гнезда «Белошейку», стала наведываться к новому самцу! Более того, она не пускала «Белошейку» ни в одно из гнезд, ни к одному из самцов. Как и положено жанру короткого рассказа, здесь не только интригующее начало, но и неожиданный конец. Хозяйка дома, мать автора, ведущего рассказ от первого лица, вскоре приготовила мясо в соусе (национальное блюдо «гедлибже», то есть, курятина в соусе) и пригласила всех за стол.

«– Какое вкусное гедлибже! – восклицает главный герой. На что мать отвечает: – Это не гедлибже, а голубиное мясо...» [Налоев 1988: 140].

Интрига автору удалась. Читателю остается только догадаться, кого же из голубей приготовили к столу...

Мы видим, какую важную роль играет заключительная часть рассказа. Здесь важна психология повествования которая оставляет за собой эмоциональный след. Остается ощущение завершенности, и в то же время, одновременно у читателя возникает желание продолжить чтение.

Короткий рассказ – это особый жанр, который требует высокого мастерства писателя. Здесь нет ничего лишнего, каждое слово, каждый знак препинания имеет значение. С самого начала автор должен суметь захватить внимание читателя и держать его, словно за невидимую нить, до конца повествования. В самый неожиданный момент может произойти неожиданный поворот, может произойти что-то невероятное. Короткий рассказ должен погрузить читателя в волшебный мир неведомого, полный загадок. И только в финале загадка неожиданно раскроется.

Небольшой объем, сжатость, компактность – главные признаки короткого рассказа. Это главная психологическая особенность жанра короткого рассказа. Заголовки или первое предложение становятся волшебным словом, способным заставить читателя погрузиться в мир, полный загадок и неожиданных поворотов. Таким мастерством обладает не каждый писатель, но, пожалуй, эти характерные черты жанра короткого рассказа наиболее ярко отразились в одном из лучших рассказов Ахмедхана Налоева «Три котенка» («Джэду шырищ»).

Главная героиня рассказа – Нафруза, немолодая женщина, потеряв в войну любимого, так и не вышла замуж, осталась девушкой, гордой и верной любимому. Ходит она, то в шинели, то в стеганке да кирзовых сапогах: Вот как она в разговоре со стрелочником Истепаном сама говорит о себе: *«Уэр цхьэкIэ, Степа, «силIц» жысIэу мы си сапохыжытIыр дауэ лъысхыну, си Iагуэжыыр цысхыу дауэ зыстIэцIыну?! Хьэмэ, сэ сьт си фыз? Фыз сыпхуэхъужыну сэ? Мы хьыджэбз цIыкIу кьэкIуахэр си хьумаIуэм кьоупцI: «Нафрузу цIыхухъу, хьэмэ цIыхубз?» – жаIэри* [Налоев 1988: 197]. – «Баба она или мужик, издали и не поймешь. Истепан помнит ее первой здесь красавицей. Снять бы с нее стеганку, кир-

зовые сапоги, юбку из чертовой кожи, да в шелка, да в мягкие сапожки, тогда хоть на сцену выводи!

–Эй-и-и, Истепан, – протяжно, скорбно так говорит она, – иногда я сама тоже думаю: Кто я теперь? Как бы уже и не женщина! Нету у меня такой признак» (подстрочный перевод).

Страдает Нафруза, нет-нет, да и заговорит о детях, которых и не было у нее никогда. Раз замуж не вышла (из-за проклятой войны не вышла!), откуда взяться детям? На вопрос, чего она хочет в жизни, отвечает своему другу Истепану: «Зы бын закъуэ...

– Сьт бын? – Сьтми, къуэми пхъуми. Бынынишу сьзэрылЭнум цхъэкЛэ ауан зызоцЛыж. Дыхъэшхэн, Степа, ар – бынынишэу улЭну? Упсэуай, умыпсэуай, бын уи пЛэкЛэ дунейм къытумынэм? Бын къызыщЛэмын хъэдэр ауаниц, зоЛэ. Япэ сищэуэ сэ ауан зысицЛыжу арац» [Налоев 1988: 198]. – «...Ребенка, – вдруг отвечает Нафруза. – Какого? – спросил Истепан. Глупо спросил, от рагерянности, не ожидал от нее прямого слова.

– Хоть какого: сына, дочку. Я иногда смеюсь над собой, – и, словно показывая, как она над собой смеется, Нафруза склонила голову к самому столу. От хитрости склонила, чтобы скрыть от гостя, какие у нее сейчас слезы на глазах» (подстрочный перевод).

В рассказе автор обращается к песне, в которой поется о не вышедшей замуж девушке. Это – народная песня, имеющая под собой фольклорную основу. Этим автор обозначает главную тему рассказа: ее пели (предположительно) воины Кавказской конной дивизии в Великую Отечественную:

*Нацдивизэр Лэцхъэ пльыжъщ,
Лупэ пльыжъу хъыджэбз дахэр,
Ильэс хьыщЛу къыдонэж* Налоев 1993: 58].

В нацдивизии все краснорукавники,
Красны губы у девушки-красавицы,
В шестьдесят лет остается девушкой...

(Подстрочный перевод).

На первый план выходит наиболее драматичный мотив рассказа. Речь идет об удивительной находке писателя, содержащей элементы трагичности. Трагичность и весь драматизм происходящего в коротком рассказе заключаются вовсе не в показе послевоенной разрухи. Читателю преподносится любопытная метафора, одновременно проводится параллель между бездетной, одинокой, страдающей в «перезрелом» возрасте по детям, которых никогда не было, женщиной, Нафрузой, и ее умиротворенной, «блаженствующей» кошкой, кормящей своих троих котят. И снова аллегория. Рассказ начинается и заканчивается описанием этих греющихся под теплыми лучами солнца серой кошки с тремя котятами. Более того, в течение всего рассказа кошка с котятами не только присутствуют во всех эпизодах рассказа рядом с Нафрузой, но по-своему, то и дело, реагируют на все происходящее вокруг...

Заканчивается рассказ опять же описанием семейства серой кошки, блаженно греющейся в лучах солнца. Эта параллель умело используется автором для того, чтобы создать более сильный контрастный фон для главной героини и оттенить ее страдания, ее несостоявшуюся женскую судьбу: «ГъуэльыпЛэкум джэду анэ гъуабжэ дахэ, и лъакъуипЛри дыгъэ бзийм худригъэзэуэ, ильыц, мэцхъэукуэри. Ар джэду шырищым къагуфЛыхъ, гу къыхэщт лъэпкъ ямыЛэу. ГъуэльыпЛэ щабэм ильрэ бжъыхъэтэ дыгъэ гуапэр зытэпсэу и анэ цхъэукуээм цыхуейм цЛэфу, цыхуейм и шыпхъухэм ефыщЛэуэу джэду шыр гукъеяуэниэм и джэзукЛэр тельдыжэу мамырыгъэ игуу къызылхъэ теплэгъуэщ, гур щабэ зыщЛ дахагъэщ, быныр,

хэт и бынми, гуапэ, псэм пэлъытэу *ІэфІ зыщІ гъащІэ бзий КІапэщ*» [Налоев 1993: 59]. – «Тут всегда много света и тепла, и в этом тепле, жмурясь от яркого света, блаженствует красивая серая кошка со своими котятами. Лежит, растопырив лапки, чуточку как бы дремлет, то слабо посапывая, то мурлыкая негромко, а ее котята напились молочка и теперь кувыркаются в ярком солнечном свете. Нет только старого кота, отца семейства, на охоту ушёл» (подстрочный перевод). Это финал рассказа.

Итак, при рассмотрении коротких рассказов А. Налоева, мы выявили, какую важную роль играет мастерство автора. Оно заключается в точном выборе слов и ярких выражений, в правильном подходе к началу и финалу рассказа. Это искусство требует от писателя не только литературного мастерства, но и глубокого понимания психологии читателя. И малый объем рассказа здесь не является препятствием. Возможно, в рассказе «Три котенка», стоящем особо от других его сочинений, не видны некоторые формальные признаки жанра короткого рассказа, как, например, неожиданный поворот или конец, резкая смена действия. Но в рассказе присутствуют интригующее начало, эмоциональная привязка, завершение с идеей. Читатель погружается в глубокое психологическое и эмоциональное состояние, знакомясь с образами Нафруз и Истепана.

В целом, короткие рассказы А. Налоева подчинены серьезной задаче – передать эквивалентно идейную и национальную особенность, и, главное, художественное содержание текста. И когда национальное своеобразие заключено не только в психологии героев, их поступках, а в идиомах, метких словах и изречениях, сочетающихся с национальной спецификой образов, то анализ произведения намного усложняется, что наглядно прослеживается в рассмотренных выше рассказах.

Список источников и литературы

Нало 1993 – *Нало А.Хь*. Тхыгъэхэр томищу. Япэ том [Избранные произведения в 3 т.]. Налчык: Эльбрус, 1993. 462 с.

Налоев 1988 – *Налоев А.Х.* Пчелиный рой. Повести и рассказы / Пер. с кабардинского. Налчык: Эльбрус, 1988. 216 с.

References

NALO A.Kh. *Txy'g`e`xe`r tomishhu. Yape` tom* [Selected works in 3 volumes]. Nalchik: Elbrus, 1993. 462 p. (In Kabardino-Circassian)

NALOEVA A.Kh. *Pcheliny`j roj. Povesti i rasskazy` / Per. s kabardinskogo* [Bee swarm. Stories and short stories / Translated from Kabardian]. Nalchik: Elbrus, 1988. 216 p. (In Russian)

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), leading researcher of the sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 821.35

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-82-93

БАБАЛАНЫ И. ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫКЪ ХАТЫ, ПОЭЗИЯ КЪДУРЕТИ

Атабийланы Даутну кызы Асият

Гуманитар тинтиулени Институту – «Федерал илму ара «Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасы» Федерал кырал бюджет илму махкемени филиалы, Нальчик шахар, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

© Атабийланы А.Д., 2024

Кысха магъана. Илму ишибиз айтхылыкъ малкъар поэт, XX-чы ёмюрде миллет назмучулукъну айныууна уллу кыйын салгъан, Къулийланы Къ., Отарланы К., Зумакулланы Т., Мокъаланы М. бла бир сатырда баргъан, суратлау сёзну чынтты усталарындан бири – Бабаланы Хызирни жашы Ибрагимни чыгъармачылыкъ хатын, поэзия къудуретин ачыкълаугъа жораланнганды. Статьяны кириш бёлюмюнде жазыгучуну жашау жолуну юсюнден кысха билдириуле бериледиле, ызы бла малкъар тилде басмаланган китаплары, белгили суратлау чыгъармалары тинтиледиле. Ол да, бусагъатдагы адабият илмуну излемлерине келишгени бла чекленмей, бюгюнлюкде сёз искусствону миллетлик сезимге къайтыргъа итиннгенин баямлай, окъуучуланы ана тилде жазылгъан поэзиягъа эслерин бурургъа себеплик этерик амалды. Бу иш бек биринчиден поэтни энчи жашау болумлары белгилеп, суратлау фахмусуну айныу халын кёргюзтюп, жетишимлерине да багъа бичип, китапларыны ниет-сезим хазналыкъларын ачыкълаугъа бойсунады. Жазыгучуну чыгъармачылыкъ менсигин чертиу бла байламлы тема бир талай сорууну бирлешдиреди (авторну ангылауун, дуниягъа кёз къарамын, кеси жашагъан заманны юсюнден оюмларын). Баба улу къурагъан энчи белгиле бла сыфат къауумун, жашау салгъан магъаналы сорууланы юслеринден сагъышланыуун, поэзиясында бегирек хайырланылгъан суратлау мадарларын да энчи сагъыныргъа тийишлиди. Тинтиуюбюзню ахыр оюмлары Бабаланы И. малкъар адабиятха этген къошумчулугъун тергеу бла да къалмай, артыгыракъда баллада, назму цикл, поэма жанраланы тамырландырыуда, поэтика амалланы жангыртыуда бла кенгертиуде жетишимлигин белгилейдиле. Ала барысы миллет эсни мурдорунда къуралгъанлары шексизди.

Баи магъаналы сёзле: Бабаланы Ибрагим, поэтни менсиги, чыгъармачылыкъ хат, жетишимле, суратлау мадарла, баллада, назму цикл, поэма

Цитата этерге: Атабийланы А.Д. Бабаланы И. чыгъармачылыкъ хаты, поэзия къудурети // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 82–93. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-82-93

Original article

STAGES OF I. BABAEV'S CREATIVITY, STYLE DOMINANTS, THE POWER OF THE POETIC WORD

Asiyat D. Atabieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

© A.D. Atabieva, 2024

Abstract. The study is devoted to an overview study of the creative heritage of one of the leading Balkarian poets, Ibrahim Khizirovich Babayev, a recognized master of the artistic word, who made an invaluable contribution to the progressive development of the national versification of the XX century, along with such names as K. Kuliyeв, K. Otarov, T. Zumakulova, M. Mokaev. The introductory part of the article provides brief biographical information about the author, further examines significant publications and editions, landmark works of the author in original texts, which is really important in the aspect of popularizing poetry directly among native speakers, taking into account modern trends in literary science, advocating a return to ethnic authenticity. The work is focused on the completeness of the presentation of the available autobiographical data, factual (life) and artistic material. The theme of creative individuality is quite capacious due to the large-scale personality of the poet himself, it includes issues of both the ideological spectrum and the sphere of individual author's conceptualology in assessing the character of the modern era for him. This also includes symbolic formulas, an imaginative system in a complex of ideological and semantic dominants, artistic and stylistic preferences defined in I. Babayev's poetic texts. The results of the study serve as confirmation of the poet's significant achievements in mastering the ballad genre, the poetic cycle and the poem, in updating poetic tools, expanding the conceptual level of national poetry, which is being formed in the field of ethnic consciousness.

Keywords: Ibrahim Babayev, personality of the poet, creative achievements, poetics, artistic tools, ballad, cycle of poetry, poem

For citation: Atabieva A.D. Stages of I. Babayev's creativity, style dominants, the power of the poetic word. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 82–93. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-82-93

Научная статья

ЭТАПЫ ТВОРЧЕСТВА И. БАБАЕВА, СТИЛЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ, СИЛА ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА

Асият Даутовна Атабиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

© А.Д. Атабиева, 2024

Аннотация. Исследование посвящено обзорному изучению творческого наследия одного из ведущих балкарских поэтов Ибрагима Хизировича Бабаева – признанного мастера художественного слова, внесшего неоценимый вклад в прогрессивное развитие национального стихосложения XX века наряду с такими именами, как К. Кулиев, К. Отаров, Т. Зумакулова, М. Мокаев. Во вводной части статьи представлены краткие биографические данные об авторе, рассматриваются значимые публикации и издания, этапные произведения автора в текстовых оригиналах, что действительно важно в аспекте популяризации поэзии в среде носителей языка, учитывая современные тенденции литературоведческой науки, ратующей за возвращение к этнической аутентичности. Работа ориентирована на представление имеющихся автобиографических данных, фактологического (жизненного) и художественного материала. Тема творческой индивидуальности достаточно емкая ввиду масштабной личности самого поэта, она вбирает вопросы, как мировоззренческого спектра, так и сферу индивидуально-авторской концептуологии в оценке характера современной для него эпохи. Сюда же относимы знаковые формулы, образная система в комплексе идейно-смысловых доминант, художественно-стилевые предпочтения, определяющиеся в поэтических текстах И. Бабаева. Итоги исследования служат подтверждением значительных наработок поэта в освоении балладного жанра, стихотворного цикла и поэмы, в обновлении поэтического инструментария, расширении понятийного уровня национальной поэзии, формирующегося в поле этнического сознания.

Ключевые слова: Ибрагим Бабаев, личность поэта, творческие достижения, поэтика, художественный инструментарий, баллада, стихотворный цикл, поэма

Для цитирования: Атабиева А.Д. Этапы творчества И. Бабаева, жанрово-стилевые доминанты, сила поэтического слова // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 82–93. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-82-93

Илму статьяны мураты – миллет поэзияны айтхылыкь усталарындан бири Бабаланы Хызирни жашы Ибрагимни (10.08.1936 – 06.03.2002) чыггармачылыгыны суратлау даражасын толу кёргозтнуде, жашау жолуну да магъаналы ышыкыларын белгилеудеди. Назмучу Къабарты-Малкъар республиканы Холам-Бызынгы районуну Акъ суу элинде туугъанды. Сюрдюгюн жыллада юйюрю бла Къзахстаннга кёчюрюлюп, жашагъан, окъугъан да Алма-Ата областда этгенди, 1956-чы жылда орта школну тогъуз классын бошагъанды. Ол кезиуледи, кырал бегими жумушап, таулу халкъны туугъан жерине къайтыргъа эркин этгенлеринден сора, Ибрагим Нальчик шахарны медучилищесине окъуугъа орналып, билим алыуун андан ары бардыргъанды. Андан сора Къабарты-Малкъар кырал университетни орус-малкъар филология бёлюмюнде окъуйду, ол жыллада журналист ишге да энчи эс буруп башлайды. Окъууун бошагъаны бла «Эльбрус» китап басмагъа ишге киргенди, сабий эм суратлау адабиятны редактору болуп тургъанды. 1977-чи жылдан 1983-чю жылгъа дери «Шуёхлукъ» альманахны, «Минги тау» журналны тамата редактору болгъанды, ол журналда бла «Коммунизмге жол» газетде (эндиги аты – «Заманды») биринчи къалам сынауларын басмалай башлагъанды.

Поэтни назму чыггармачылыгыны юсюнден къалам къарындашлары (Яропольский Г., Къулийланы Къ, Гуртуланы Э., Толгъурланы З. дагъыда башхала) алгъышлау, ёхтемлениу эм кесамат сёзлерин ачыкылагъандыла, бийик даражагъа тийишли этгендиле; республикабызны, битеу кыралны окъуучулары да сыйлы кёргендиле. 1986-чы жылда анга «Къабарты-Малкъарны сыйлы маданият къуллукъчусу» деген ат берилгенди. «Туугъан ташым» деген китабы ючюн ол республиканы кырал премиясыны лауреаты болгъанды.

Бабаланы Ибрагим миллет адабиятха 1950-чи жыллада келгенди. «Жолгъа чыгъама» деген биринчи назму жыйымдыгыны басмаланыуу 1962-чи жылда болгъанды. Китапны ал сёзюнде Къулийланы Къайсын, жаш поэтни уллу фахмусун сезип, сёз искусствода аны ал атламына тюз багъа тежегенди. «Фахмулукъ – жангыз да берилген адамны байлыгы болуп къалмагъанлай, битеу халкъныкыды, кырал байлыгыды» [Бабаев 1996: 9]. Жаш назмучу кеси айыргъан усталыкыны жууаплылыгын ангылагъанды: «Къысхамыды, узакъмыды? – Билмейме барыр жолум», деп жазады Ибрагим, аны жолу кенг, жетишимли болуруна ийнаныулугъун Къайсын да билдиреди.

Белгиленген китапны ызындан назмучуну «Малкъар балладасы» (1964, 1984), «Жазны барыуу» (1968), «Продолжение весны» (орус тилге кёчюрюлген назмулары, 1968), «Жетегейле» (1972, 1991), «Элия бешик» (1978), «Туугъан ташым» (1983), «Балкарская баллада» (орус тилде Москвада чыкыгъанды, 1974), «Ара боран» (1986), «Иги къууум» (Сайламала, 1996), «Колыбельная для молнии» (2000) эм дагъыда башха жыйымдыклары басмалангандыла.

Ибрагимни чыггармачылыгында кёчюрюу иш да магъаналы жерни алады. Белгили тыш кыраллы жазычулары (У. Шекспирни «Ромео бла Джульетта», «Лир патчах», Мольерни «Ётюрюкге саусуз», Ф.Г. Лорканы «Йерма»), орус адабиятчылары (А. Пушкинни «Гитче трагедияларын», М. Лермонтовну, Н. Некрасовну, А. Блокну, А. Твардовскийни, С. Есенинни) эм башха миллетли авторлары (К. Хетагуровну, М. Каримни, М. Джалильни, Н. Джусойтыни, Э. Межелайтисни) чыггармаларын малкъар тилге кёчюргенди. Аланы бир къаууму «Сайлама кёчюрмеле» (1991), «Чексиз жер» (1994) деген китапларына къошулгандыла.

Биринчи назму китабында окъуна Баба улуну чыгъармачылыкъ хаты, энчи жазыу ызы, заманны излемлерине тюшоннгени, жашау къозгъагъан басымлы соруулагъа жууап излегени эслене башлайдыла. Суратлау текстни айырмалы тенглешдириуле бла, жаз, жашырын тилде айтылгъан суратлау белгиле бла толтура, ёз оюмун, дунягъа къарамын, поэзиясын энчилеген сыфат къауумун къурай келгенди («Туугъан жериме», «Ырхы», «Состар ташла»). Автор, къолуна къаламын алгъан сагъатда, кесини жууаплылыгъын унутмайды, айтханыбызгъа «Жазмай болаллыкъмамы», «Сёзюме» деген назмулары шагъатдыла:

Поэт болсам, менден кёпню сурарла,
Оюн туююдю ол атны жюрютген,
Кёп керекди манга поэт болургъа,
Жазар сёзюм, бишмей, чыкъма жүрекден!
[Бабаев 1963: 65]

Тёгерекдеги къайгъырыулу болумланы сезип, сансыз этмезге кюреше, поэт кесини таукеллигин ышыргъанлай турады: «...Угъай! Къадар бой салдырмаз // – Назмум хорлар, // Шош сарнамаз» [Бабаев 1963: 41], деп.

Ибрагимни чыгъармаларында ниет даража, оюмлау, сагъышланыу, дуня ышанла бла жашау болумланы кесаматлау – баш ёлчемлеге саналадыла. Алада ачыкъланган ниет проблематиканы кенглиги миллет тарыхны магъаналы окъуяларын да сыйндырады. Жангы китапларында поэтни философия фикери жангызда ниет сорууланы ангылатыу бла чекленмейди, ол бушууну («Таш бешик»), къууанчны да («Гебенек») сылтауларын белгилерге итинеди. Бабаланы И. назмучулугъу лирика жигитини ич дунясын, хар тюрлю сезимин, жүрек тебиуюн, жарсыуларын ачыкълаугъа бойсунады, адам улуну табийгъат бла айырымалыкъ байламлыкъда кёргюзтгени, аны дуняда, гъаршда да орнун шартлагъаны бла айырмалыды. Жашау кертилик, адамны бушуулу къадары, инсанлыкъ борчу – бары да халкъ тарыхны (озгъан заманы, бюгюнню эм тамблагъы кюню да биргелей) кенг кёрюмдуюне жалгъашдырылып чертиледиле.

Бабаланы И. суратлаучулукъ хунерин ёсдюре баргъаны къадар, сёзюню магъана ауурлугъу да кючленеди. Ибрагим дуняда эслеген болумлагъа тюз кёзден багъа бичеди, ёз оюмун ачыкъ айтыргъа базады. Заман, анга кесини ачы дерслерин сездирип, назму тизгинлерине шургулукъ, жарсыулу макъамла къошады. Автор инсан къылыкъда Ата журтха сыймекликни, таза ниетлиликни, ётгюрлюкню, сёзюне бла борчуна кертичиликни багъалайды. Ала уа – огъурлулукъну ёлчемлеридиле. Бу оюм «Адамны къадары» деген чыгъармада айнытылады. Поэтни назмучулугъунда философия оюмлау лирикалыкъны, романтика халда суратлауну иги да женгеди («Сагъышла»). Баба улуну лирика жигити билими бла сынамын ёсдюрюде тынчылыкъ излемейди, ёр жолну айырады, жангызлыкъ сынаса да («Ауаз»). Аны жашау къадары дуняда бола тургъан тюрлениуле бла байламлыкъда айныйды, ала, инсанлыкъ сезимин уятып, бийик ниетлеге термилтедиле, туугъан жерине, халкъына къулланыуну жолунда барыргъа буюрадыла.

Адам улусу дуняны мамырлыгъын сакъларгъа борчлуду, табийгъатха да сакълыкъ керекди, гъаршны кенглигинде жерибизни жашнамагъа къояргъа. Назмучугъа ол борч бютюн магъаналы болгъанын чертирчады, Ибрагим аны толу ангылайды. Автор къатлап, къайтарып айтханлай турады, хар инсаннга жүреги чууакъ кёкча ачыкъ болгъанын, бирде уа сёзюн садакъ окъ бла да тенглешдиреди. Суратчыны сёзю бушуу бла къууанчны бирикдирип, магъана ауурлукъну, иги къууумну да сингдиреди. Жашау сынауну сыйындиргъан сёз дуняны экибетлигин ачыкъларгъа жетишеди («Сёзюм» деген назму къауум).

Тынч туююлдоу санга, тынч туююлдоу –
Дунияда энтда кёпдоу жауунг:
Сыйдам чинарны буз да тоеди,
Кёгерсин, деп жауса да жауун.

Неда:

Кюч, къарыу да сенде, кюч къарыу да –
Жарсыуну жашырып жарамаз:
Жер бузласын, деп тюшеди къар да,
Жер жылынсын, деп келсе да жаз.

[Бабаев 1972: 43].

Юлгюге келтирилген тизгинледе поэт, кеси айтхан сёзюне битеу дуня бушууун сыйндыргъанын черте, «тёзюмюмсе», «жарсыуумса», «сагъышымса» дегенни шартлайды. Ол ниетни «Тынгысызлыкъ», «Сагъышла» деген назмуларында эслерге боллукъду. «Адамны къадары» деген жыйма чыгъармасында автор адам улуну энчилеген ёлчемлерин тергеуге салады, ол сатырда – суюмеклик, намыс, акъыл, ёткюрлюк.

Бабаланы И. поэзиясын жангыртхан ызладан бири баллада жанрны айнытыу болгъанды («Жангыз терекни балладасы», «Адамны юсюнден баллада», «Илхам», «Суюмеклик», «Сабан агъач» деген чыгъармаларын сагъыныргъа боллукъду). Белгиленген текстлени ниет-эстетика магъаналарын быллай соруула къурагъандыла: адам бла табийгъат, дуня башында мамырлыкъны сакълау, миллетни тамблагъы кюнюню юсюнден сагъышланыу. Сёз ючюн, «Кёреме желни» деген назму къауум (цикл) ушакъ халда къуралгъанды, мында желни сыфаты айырмалыды. «Жангыз терекни балладасы» табийгъат болумну юсю бла (терек) адамны къадарын ачыкълайды, «Юч жолоучу» деген балладасы да алай. Поэтни илхамы, суратлау тили сейирсиндиричады. Ибрагимни бу жанрда жетишимлигин Толгъурланы З. балладаны поэтика энчиликлерин тинтиуге жораланган илму ишинде кесамат сёзюн айтханды. «Малкъар баллада» деген лиро-эпикалы чыгъармасын юлгюге салып, аны кёрюмдоу-магъана жигин ачыкълагъанды [Толгунов 2015: 141]. Сагъынылган баллада, тёредеча, романтикалыкъ суратлау амалланы болушлукълары бла къуралгъанын кёргозтгенди.

Бабаланы И. поэзиясында жыр («Жерими журу», «Ашыгъама туугъан элиме», «Тал терек», «Кийикни суусабы»), ийнар («Суюмеклик назмула») формада жазылган чыгъармала да аз туююлдоуле. Аланы композиция къурамларында тенглешдирилени магъаналары уллуду, суратлаучулукъ кьуллукъну толтургъандан сора да ала белги орнунда жюрютюледиле. Сёз ючюн, терек – жыйышдырыулу сыфатды, ол кесинде кызыны, суюген тиширыуну, ананы бирлешдиреди. Темир жолну къатында сюелип, жууукъ адамы сау келирин излейди, Гошаях Къаншаубийни сакълагъанча. Терекни чапыракъларына къараса, ол сагъатда адамны кёз жашлары тёгюлгенча кёрюнедиле, бутакълары да кёкге созулуп, тилек этген кьоллача сезиледиле.

Жазычууну «Элия бешик» деген китабын юч лирикалы поэмасы къурайдыла – «Атсыз солдат», «Китабым», «Туугъан ташым». Аланы бирикдирген фикирле – урушха къажалулукъ бла туугъан жерге суюмекликдиле. Баш жигитлери Ата журтун кьоруулагъан аскерчини, сабанчыны, ананы сыфатларыдыла. Поэмала, миллет тарыхны контекстине толу келишип, аны керти суратларын къурайдыла. Магъаналарында заманны ангыламы энчи жерни алады. Заман деген сёз кёп кере къайтарылгъаны бошдан болмаз, олду поэтни китабы, хар бети чакълы бир кече бла кюн саналады, ала авторну «акъ жазыулары» бла «къара жазыуларын» къурайдыла. Ибрагим урушну угъайлайды, анга къажалулукъ ачыкълайды,

табийгъат бла жамауатны къыйнагъанлагъа, къазауатны къозгъагъанлагъа налат береди, ол зарауатлыкъгъа тѣзерге тюшген жерге жаны ауруйду. Поэт «Урушну жажаним желлери» ургъан сагъатда дуниягъа сакълыкъ керекди деген оюмну ачыкъларгъа итинеди.

Жер, къалай кѣтюресе аман
Адамны – юсюнде жюрюсе?
Жер айтды: Да мени жүрегим
Ташды...

[Бабаев 2006: 59].

Баба улуну суратлау илхамы, тюрлю-тюрлю сыфатланы магъаналарын кенгертип, тѣгерегинде бола тургъан болумлагъа бла заманны излемлерине келишдиреди. Шимал Кавказны поэзиясында тири хайырланылгъан, кѣп авторну чыгъармачылыкъында энчи ангылауларына кѣре ачыкълана келген таш Ибрагимни назмуларында, лиро-эпосну жорукъларына сыйынган текстлеринде жангы къарамдан берилгенин кѣребиз. Биринчи китабында окъуна ол кесини терен оюмлауун кѣргюзталгъанды: «Ташны жүтю жаны бла жүрек жикле жазылырла...» [Бабаев 1963: 41]. «Туугъан ташым» деген поэмасында Баба улу ол сыфатны эсленирча жангыртханды. Къулийланы Къ. белгилеген адам бла ташны араларында байламлыкъны андан ары айныта, таш халкъыбызны тѣзюмлюгюню, сабырлыкъыны ёлчеми болгъанын да эсде тутта, Ибрагим аны жангы кѣзден ачыкъларгъа жетишеди. Быллай тенгешдириу тизмесин къурайды: «тыпыр таш» – «таш эсгерме» – «жукъусуз къалауур». Таш атсыз солдатны, ананы да белгилериди. Поэтни ангылаууна кѣре, ташны ауурлугъу халкъны эсин, ёмюрлюк сынамын жыйышдыргъаны бла байламлыды. Таш жашауну дерслерине бизни да тюшондюреди, къыйынлыкъ келген сагъатда билеклик этеди, урушда ёлгенни аты, этген жигитлиги да унутулмазча, анга сын таш болуп къуллукъ этиуюн тохтатмайды. Адам бла таш, терсликлери болмай, ёз къадарларында кѣп тюрлю азап чегедиле, экисини да бушуулары чексизди. Болсада ала, менсиликлерин тас этмей, жерден кюч алып, ниетлери ючюн къаты сюеледиле («Атамы аягъы басхан жер»).

Таш тюшген жеринде къалгъанлай
(Чапракъныча элтмез ючюн жел),
Мен къаллыкъма санга къапланып,
Атамы аягъы басхан жер!

[Бабаев 2006: 97]

Белгилене келген оюмла поэтни «Жетегейле» деген китабында да ачыкъланадыла, аны назму цикл ачады («Адам – жулдуз – таш»). Жер юсюнде хар адамны ташы, кѣкде уа ёз жулдузу барды, дейди поэт, дуния жоругъуна тюшюне, хар зат да кеси жеринде магъаналыды. Ибрагимни «Жулдуз – ариу, таш – ауур» деген басымлы тизгинлери да ол оюмгъа келишедиле. Аны лирика жигити, ташха ушаш, кюйсюзлюкге, артыкълыкъгъа тюбесе, от чагъып, жилтин чыгъарады. Поэтни чыгъармачылыкъы да тюз алай, от жаннганча, окъуучуну эсин жарытады. Жашау череги бирчалай турмайды, къыйынлыкъны къууанч селейтеди, жашлыкъдан сора къартлыкъны келгени да тѣрелиди. Жаланда таулу къартны уста къолу ишлеген сын таш тюрленмей, озгъан заманланы кѣрмючю, унутулмазлыкъ эсгертмеси болуруна шеклик къоймайды.

Башда сагъынылгъан назму циклы магъанасында къатланып суратланган белгилени энчи сыфат тизмеси къуралады: «жарылгъан тирмен таш» – «таш бешик» – «къадау таш» – «мурдор таш» – «адам – жулдуз – таш». Туугъан жерни ташы, жаны болгъанча, ачыуну сезип, анга къажану сюеледи. Мирзеусюз

бурулган тирмен таш, эки жарылып, ёксюз сабийлени ёсдюрген ананы кьада-
рын, аны ауур жюгюн ангылатхан белгиди.

Бабаланы Ибрагимни чыгъармачылыгында аллай айырмалы суратлау
белгиледен бири жетегейледиле – Ата журт урушну дуниягъа чекдирген азабын
ачыкылап, сау назму китапха ат берген сыфат.

Жети кёкде жети жулдуз – жетегей –
Жети уруш, жети аулакъ, жети жел...
Жети тютюн ауанада – жетеулен...
Жети желде – жети ачы кычырыкъ.
(Ала ана жүреклеге жетерле)...
Къан тамады жети къама бурнундан.
(Жети уруш жети къабыр болурла)...
Жети бичакъ жара – жети ёшюнде.
Азатлыкъ деп къазауат баргъан жерде
Жети кючден ура къанагъан жүрек!
[Бабаев 1972: 24].

Чыгъарманы хар тизгини магъаналыды, биз аны кысхартып бергенлигибизге.
Жети деген сезню къайтарылып дуача айтылгъаны эсде къалады, поэт аны билип
салады тергеуге, ачыкъларгъа суюген оюмну кючлендирир муратда. Кесигиз
кёргенликден, жазычуну эки китабы да – «Элия бешик» бла «Жетегейле» – бир
тематика ызны белгилегенлери, бир суратлау борчну толтургъанлары да баямды.
Урушча бушуулу болумла дунияда жангыдан кьозгъалыргъа кьоркьуу уллуду, ол
себенден поэт мамыр жашауубузгъа сакълыкъ керек болгъанын чертеди.

Бабаланы И. суратлау дуниясы кенгди, жулдузла бла сёлешдирген сейир
поэзияны чеклери, гъаршха узайып, аламгъа жол ачадыла («Жулдузланы
тилинде»). Аны назмулары кёбюсюнде алгъыш, тилек, кьаргъаныу, жоралау
халда кьуралгъанларын да белгилерчады («Реквием», «Мени сёзюм», «Юч
жолоучу»). Чыгъармаланы бир-бирлери бла байламлыкълары сыфат, ниет эм
проблематика жаны бла да кёрюнеди. Андан болур, Баба улуну поэзиясында
назму циклни хайырланыулугъу. Ол энчиликни черте, кёчюрмеле бла кюрешген
оруслу поэт Г. Яропольский былай жазады: «Бабаевни поэзиясыны магъаналы
шарты аны цикл формада кьуралыууду. Бир болумну ол кёп тюрлю кьарамдан
кёргюзтеди, сыфатха талай илишан кьошуп, энчи кёрюмдюлени болушлугъу
бла ачыкълыйды. Алай бла кёп ауазлыкъ кьуралады, назмучу адабиятына жангы
хауа кийиреди, тегерекдеги кенгликни сезерге болушады, эки кюзюню бир-
бирге бургъанча, ушашдырыуланы кёбейтеди, анга кёре уа окьуучуну эстетика
ангыламын кючлендиреди» [Бабаев 1983: 162].

Адам бла табиьгъатны байламлыкълары, жерни чомартлыгъы,
умутларыбызгъа жетерге амал берген сезимибиз, оюм кючюбюз – барыда
назму тизгинледе орунларын табадыла. Туугъан жерни табиьгъат байлыгъын
суратлагъан назмуланы сюжет ызларына теренлене баргъаныбыз чакълы, лирика
жигитни ич дуниясына жууукылашыргъа онг табабыз. Аны жашауу, къада-
ры да бушуу бла иги кьууумну бирлигинде ачыкъланадыла. Поэт, урушну угъайлап,
аны сылтауу сансызлыкъдан башланнганын чертеди, адамланы кюйсюзлюкле-
ри жерге, табиьгъатха да жара саладыла, кеслери аны юсюнде жаратылгъанла-
рын унутуп («Чамланама жерни атындан»). Ачыкъланнган оюмла бла байламлы
миллет эсни ангыламына уллу магъана бериледи, ол адам улуну ёмюрлюк
сынамын жыйышдырады, аманлыкъчылагъа налат береди, кюйсюз ишлери ючюн
дау этеди.

Бабаланы И. суратлау жютюлюгю заманла арасында болуп кетген, бола
тургъан, энди боллукъ затланы да кёрюрге, дуния кьурулушну жашырын

сылтауларын ангыларгъа болушады. Юлгюге «Аян таууш» деген назмусун келтирирге боллукъду, аны философия фикери теренди, жашырын магъаналыды. Авторну ауазы мудахды, жашау бла ёлюмню юсюнден сагъыш этеди, аладан къачар онг жокъду, болсада, экиси да алгъадан берилген сынамыбыздыла, аланы къоркъуусуз ётерге тийишлиди. Дуния жорукъла бла адам жашауну араларында поэтни иши бек жууаплыды. Баба улу аны ангылайды. Ол битеу аламны, жерни, табийгъатны атларындан селешеди. Шайыр кеси да огъурлу илишанлагъа толу келиширге керек болады, алагъа окъуучуну эсин бурурдан алгъа. Назмучуну ауазы андан мудахды, жашау бла ёлюмню юсюнден сагъышландыргъаны да ол жууаплылыкъ бла байламлыды. Автор ангылатханнга кёре, жер башында болумланы барысы адамны къаллай айырыу этгени бла жорукъланадыла, огъурлулукъгъа кюлланады ол, огъесе аманлыкъчы жол бламы барады, анга кёреди хар зат.

Бабаланы И. хайырланган суратлау-поэтика мадарлары, назмулары бла поэмаларыны ниет магъаналары миллет эсни мурдорунда къуралгъанларын чертирчады. Жомакъгъа ушагъан болумла (кёк эки жарылып, андан тайчыкъ жаратылгъаны) Ибрагимни поэзиясында кёпдюле. Айтханыбызны «Учхан ат» деген поэманы юлгюсюнде кёргозтюрге боллукъду, аны тамалында жашау кертилик бла мифология оюмлау чалышхандыла. Учхан атны сыфаты кёп халкъны маданиятында, фольклор чыгъармаларында да ачыкълана келгенди. Бу юлгюде жашырын магъана, жаз тиллилик, суратлау шартлыкъ дегенча амалла миллет эсни энчилигин ангылатыугъа бойсунадыла. Хапарлау ёзекни мистикалы айныуу назмуну миф тереге бурады. Чыгъарманы баш жигити Базза ол таурухну атасындан эшитгенди, ыстауатха жангы тайчыкъ къошулгъанын туудугъуна сейир халда суратлагъаны эрттегили ийнаныулагъа таянады. Таулу къарт ажирин сюймекликде ёсдюреди, кёп кечени къатында ётдюрюп, жаныуаргъа сакълыгъын, ыразылыгъын кёргозтеди, аны бойнуна дуа этип такыгъаны да ол сезим бла байламлыды. Кавказда атны сыйы уллу болгъаны кимге да белгилиди, ол адамны къыйын кюнюнде болушлукъчусу, иесини къанатлары, керти тенги болгъанды, ёлюмден да къутхара тургъанды. Ат иесине ушагъаны кертиди, аны акъылы адамдан кем болмагъаны да. Къулийланы Къ. поэзиясы да ол оюмну ачыкълай келгенди.

«Озгъан жауун» деген назмуну жигити да, тайгъа минип, жел бетине ура, жауун да жибите, тюненеги кюнню ызындан къуууп барады, аны кёлю жарыкъды. Чыгъарманы магъанасы ёксюзню жюрек жарсыуун ачыкълайды, юйсюз къалгъаннга эсибизни сагъайтады. Жашауда не кёп къыйынлыкъгъа тюбесе да, адамны ёкюлю туугъан жери бла табийгъатыды, ниет кючу уа анга жол кёргозте, амал тапдыра барады.

Бабаланы И. поэзиясында атны, теъри къылычны, элияны, желни, жулдузну, бешикни сыфатлары мифология оюмлаудан жаратылгъандыла. Ажайып шартла, поэтни суратлаучулукъ фахмусу къурашдыргъан дуняны илишанлары «Элия бешикде» бютюн бек сезиледиле. Мында назмучуну дунягъа къарамын энчилеген метафора тенгleshдириулени тизмеси бериледи. Къайсыбызгъа да таныулу табийгъат болумда кёз кёрмеген, тюзюнлей ангылашынып къалмагъан белгилени ачыкълар ючюн, автор мифологияны терелерине киреди. Бизни ангыламыбыз ачыкъларгъа жетишмеген эрттегили мажюсю билимни битеудуния кенглигин къурагъан кюч жаратханды. Аны бегимине кёре хар зат бири бирин толтурады, адам да аламны баласыды. Поэтни илхамы быллай сейирсиндириулю суратланы къурашдырады: жел элия бешикни тебиретеди, анда лирика жигитни жюреги тебеди, Апсаты анга кийик маралны сютюн саууп береди, ай да аналыкъ этеди.

«Элия бешик» деген китабында Ибрагим башха назму китапларыны ниет ызларын, сыфат къауумун бирикдиргенди. Сагъынылгъан поэмалары аны суратлаучулукъ хунери чыныкъгъанына шеклик къоймайдыла. Баш жигитлери

– атсыз солдат, ишчи адам неда жашау сынамы болган акбылманды, тюзлюкге кзулланыу аланы баш илишанлары болганларын да айтырчады. Поэт аланы харкюнлюк жигитликлерине ыспас этеди, жүрек ыразылыгын ачыклайды. Огъурлулукъга табыныу таш устаны, сабанчыны сыфатларында да шарт кёрюнеди, ала миллет төреле бла, тууган жер бла, халккны сезим-эс байлыгы бла жууукълуккыну тас этмейдиле. Кыйын сагъатда кеслерин желле тебиретген элия бешикте турганча сезедиле. Алайды да, назмучу метафоралы тенгшешдириулени юсю бла жашырын тилде окуучугга ёмюрле бла сакълана келген дуния жоругъун ангылатады.

Поэзияны суратлау-эстетика кючю аны магъанасы окуучуну эсинде кыллай оюмланы кюзгъагъаны, жүрегинде не тюрлю сезимле туудургъаны – ала быры назмучулукъ усталыккны сыйын кётюрген ёлчемледиле. Баба улуну «Реквием» деген назму кыаууму белгиленген шартлагга толу келишеди. Хар болумну тыш сыфатындан сора да, ич сыры болганын ангылатады поэт. Назмучуну сёзюн, атламын, хар этимин жорукълаган жангызда огъурлу ниетди. Ариулуккыну да анга кёре эки кыаршы кыарамдан суратлайды. Бир жаны бла ариулукъ дуния аллында кесини жууаплылыгын ангылайды, башха бетден кыараганда менсликге хорлатады. Автор, кыаршы болумланы санай, жер башында хар кёргени кёпмагъаналы болганын кёргюзтеди («Эки бутакъ»). Гитче затны юсю бла терен философия магъананы ачыкылап, окуучусун анга тюшондюреди. Шайырыны ауазы жүрек жылыуун, табийгъатха бла адамга бирча сакылыгын, биреуленни кыйналганын, мудахлыгын да, кесинден энчи этмей, жүреги бла ётдоргенин, келир заманга кыйгырыуу бла тенг иги кыууум этгенин да сыйындырганды.

XX-чы ёмюрню тынгысыз болумлары мамыр дунияны сакъларга кереклисин жангыдан эсибизге саладыла. Адамны тынч жашауун билмей турганлай атом топла атылып оярга боллукъдула, аллай кюркыуула бусагъат заманда кюнден кюннге кёп бола барадыла. Ол болумла кюйсюзлюк, биреуню ачытама деп ойламаган сансызлыкъ, зар ниетлик, тырнакылау, байлыккыга жутланыу, онглу онгусузга бийлик этерге итинмекликден башланадыла. Аны себепли, адам кесини жууаплылыгын унутмазга керекди. Аллай бушуулу макъам «Тюш» деген назмуда тынгылы сезиледи. Бабаланы И. эсге тюйрелирча метафорала бла хайырланады («Шибия кыамичини уруучума жерге, // Элия жүгенни да бошлап»). Текстде сёзлени фонетика келишимликлери, тауушланы бир-бирге ушашдырыу энчи суратлау кзуллуккыну толтурадыла. Элияны, отну, жилтинни, желни сыфатлары белги орнунда жүрютюлгенлери да баямды. Аланы болушлукълары бла автор табийгъатда хар затны байламлыгын чертеди. Уруш кыйгырыусузду, ол жашауну таянчагын кыурутады («Энди битен дуния ууалды»). Аллай ачы болумла ёмюрден ёмюрге кыйтарылмаз ючюн, эрттегили сынамны эде тутуп, ёлюм жайган кызауатны жангыдан башламазга керекди, дегенни ангылатады поэт. Ол ниетни Ибрагим «Урушну кёзлери» деген назму бирлешде да ачыклайды. Мында уруш кызауатында жаралы болуп, ажымлы ёлген аскерчини монологу айырмалыды. Солдатны кёзлери дунияны кёп ариу эм жарсыулу болумларын кёргендиле, ахыр сагъатында ала бары жангыдан эсгериледиле, кёз туурасында ётедиле. Энди акъ кыйынла, кыанкызла, жердеги кыар – битен кыара тюрсюн алгандыла, кюн да кыаппа-кыарангыды, уруш аулакда кыарангыдан зат кёрюнмейди, аскерчини бетин ушкок от кюйдюргенди. Ол хорламга дери жоюлганлыккыга, кёз-айлары бла жарыта, душманны ызындан жанлайды, битен кючюн жыйышдырып, урушну ахырын жууукылашдырады.

Инсан жууаплылыккны темасын «Замансыз кетген поэтни назмусу» ачыклайды. Урушну ачы жаралары жангыдан кюзгъаладыла. Жаны болган табийгъат анга налатын береди, кыажалулгун кёргюзтеди, адамны бушуулу кыадарына таралады. Бу назму кыаумда, биягыча, кыара бояула женгедиле. Поэтни уруш бла байламлы ауур сагышлары «Юч жолоучу» деген чыгъармасына

да кёчедиле. Хатынь, Хиросима кибик кюйсюз ишле дуня башында жангыдан къатланмаз ючюн, къарт атасыны акъылман сёзлерин эсгере, «битеу Жерни ырахатлыгы ючюн, жырчы – жырын, жолоучу – жолун, сабанчы – жаз баразасын жорагъан кибик, мен да бу «Бийик сынны» жаздым» [Бабаев 1986: 103], – дейди Ибрагим «Ара боран» деген жангы китабында. Озгъан заманны уруш салгъан жаралары сау болмайдыла, аны бушууун кётюралмай, таш да тилленеди. Урушха къажаулукъ «Бийик сын» деген поэманы тамалын къурайды, ол бир талай энчи сюжет назмугъа бёлюнюдю. Сёз ючюн, «Кериуан жулдузну» текстинде назмучу кесини ниет-эстетика айырыуун ангылатады: «Жалан жүрегим бла кёреме мен – Жюрегимдеди мени кёз жарыгъым. Аны бла ёнчелей келгенме мен къууанчны, жарыууну да бу дуняда» [Бабаев 1986: 104].

Баба улуну алтмышжыллыгына жораланып басмаланган сайлама китабына («Иги къууум» деп аты алайды) кириш сёзю Гуртуланы Э. хазырлагъанды, къалам къарындашыны юсюнден ол былай жазады: «Ибрахим Кайсынны жарыгъында ёсген терек кибикди. ...Алай Ибрахимни береги берген кёгетле ёз татыулары бла сыйлыдыла, ёз тюрсюнлери бла багъалыдыла» [Бабаев, 1996: 9]. «*Китан ачдыргъан назмуда*» поэтни жерге, жашаугъа сюймеклиги сезиледи:

*Биягъы мен жолгъа атландым,
Не къайтырма андан, не къайтмам,
Эсгерирсиз мени, атамы
Ныгъышда эсгергенча къартла.*

*Жашауун да туугъан жерини
Ташына, сууна да атап,
Аланы сюйгенлей жүрюген
Эди дерсиз...*

[Бабаев 1996: 10]

Поэзияны ёкюлю – суратлаучулукъ фахмуду, Бабаланы И. чыгъармачылыгы аны бийик даражагъа жетдиргени сёзсюзю. Жазыучуну ангыламына кёре, жашау – сыйлы саугъады, табийгъатны ариулугъун кёрюп, «болайым желлеге сыбызгъы», – дейди. Сыйлы жерге, жашаугъа, дуня къудуретине сюймеклиги бу сёзлеринде да ачыкъланады:

*Кёрюрме мен акъ журуму,
Болурма къушдан да женгил –
Жанады кёкде жулдузум,
Отум да жанады жерде!*

[Бабаев 1996: 284].

Алгъаракълада «Туугъан ташым» деген китабында поэт дуняда болгъан битеу хар зат адамсыз кесини магъанасын тас этеди деген оюмну чертген эди («Къудурет»). Ол кёп кере атасыны осуятын эсгереди: жаны болгъан табийгъатха заран тийдирмезге, бизге бу дуняда аналыкъ этген жерни къыйнамазгъа, тили болмагъан ташны жардан энишге сызмазгъа, жангыз бир терекни да ачитмазгъа. Чыгъармада юч тёлню байламлыкълары ачыкъланады (сабий жашчыкъ, уллайгъан эр киши, сынамлы къарт), кеси кезиулеринде ала бир жолну энчи окъуяларын ётедиле. Окъуучуну кёз туурасына Къой ыз бла жүрюген уучуну сураты да чыгъады, жулдузлу кёкде нарт темирчи Дебетни гюрбежиси эсленеди («Ай – аны салтасы, Элия – къыздыргъан темири»), неда аламда учхан кемеле кёрюнедиле. Алай ол деу кючлени къатында адам къарыусуз туююдю, туугъан жерини ташын жулдузлагъа алышыргъа ашыкъмайды. Заман терсни/тюзню кеси айырып, жашау жорукуланы ояргъа кюрешгенлеге да дерт жертдирир. Аны ангылатыугъа бойсунады назму китапны магъана ёзеги.

2016-чы жылда авторну сайламала китабы басмаланганды. Анга Баба улуну, биз алгъа сагъына келген назму жыйымдыкъларындан («Жетегейле», «Элия бешик», «Туугъан ташым» «Ара боран», «Иги къууум» дегенча) энчи

айырылып, аслам чыгъармасы кийирилгенди. Китапны окъугъан адам Ибрагимни поэзиясыны ёчюлмезлик жарыгъын, аны магъана мурдорун толу сезерикди, назму тизгинлерини оюм, фикир эм ниет кючлерине ыспас эте.

Бабаланы И. чыгъармачылыгъын тинтиуде ахыр оюмубузну ачыкълар ючюн, бек биринчиден аны малкъар назмучулукъну поэтика онгларын, суратлау амалларын, сыфат тизмесин жангыртыуда къошумчулугъу уллу болгъанын белгилерге керекбиз. Поэтни чыгъармачылыкъ жолу миллет адабиятны айныуунда эм жетишимли кезиуоне тюшгенди, фахмусун дайым ёсдюрюрге себеплик этгенди. Алгъаракълада малкъар жазуучула назмуларын поэтика жорукълагъа тийишдире, гыллыуун къурауда кёбюсюнде этим бла атны эркин хайырланнгандыла, ол тынчыракъ кёрюнюп. Баба улу назмучулугъун (Мокъаланы М., Зумакулланы Т. бла бир сатырда) тамырлы, жайма рифмала бла жангыртханды, назмуну тизгинлигин башхача келишдирип, ритмикасын да игилендириуге эс бургъанды. Аны поэзиясы сёзню кёпмагъаналыгъын ачыкълагъаны бла, сыфат / суратлау белги къауумланы кенгергени бла, кертида, жетишимли болгъанды. Керексиз жасау бла поэт артыкъ кюрешмегенди, кёрюмдю шартлагъа да алданмагъанды, аны назмуларында, балладаларында, поэмаларында болсун, магъана ауурлукъ, философия фикир, ниет байлыкъ не заманда да тёрге чыгъарылгъандыла.

Бабаланы Ибрагимни назмучулугъу миллет эсни мурдорунда орналгъанын чертирчады, халкъны кёлден чыгъармачылыгъына таянмакълыкъ, андан юрениулюк хар назму китабында эсленеди. Анга кёре Баба улу, тамата къалам къарындашларыны бийик жетишимлерин эсге ала, энчи суратлау ызын бардыра, ёз ангыламына, фахмусуна кёре айырмалы поэзия дуниясын къурагъанды, жарыкъ ауазы бла окъуучуланы кёллеринде къалгъанды.

Хайырланган ишлени тизмеси Список источников и литературы

Ахматова 2006 – *Ахматова С.С.* Ибрагим Бабаев. Жизнь и творчество. Нальчик: Эльбрус, 2006. 172 с.

Бабаланы 1972 – *Бабаланы И.* Жетегейле (Семизвездье). Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1972. 129 с.

Бабаланы 1978 – *Бабаланы И.* Элия бешик (Колыбель молнии). Стихи. Нальчик: Эльбрус, 1978. 185 с.

Бабаланы 1983 – *Бабаланы И.* Туугъан ташым (Камень родины). Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1983. 128 с.

Бабаланы 1986 – *Бабаланы И.* Ара боран (Гнездовье ветров). Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1986. 248 с.

Бабаланы 1996 – *Бабаланы И.* Иги къууум (Верую). Избранное. Нальчик: Эльбрус, 1996. 408 с.

Бабаланы 2016 – *Бабаланы И.* Сайламала. (Избранное: стихотворения и поэмы). Нальчик: Эльбрус, 2016. 480 с.

Толгуров 2015 – *Толгуров З.Х.* Жанр баллады в балкарской поэзии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 164 с.

References

AKHMATOVA S.S. *Ibragim Babaev. Zhizn` i tvorchestvo* [Ibrahim Babayev. Life and work]. Nal`chik: E`l`brus, 2006. 172 p. (In Russian)

BABALANY` I. *Zhetegeyle (Semizvezd`e)* [Seven Stars]. Nal`chik: E`l`brus, 1972. 129 p. (In Karachay-Balkarian)

BABALANY` I. *E`liya beshik (Koly`bel` molnii)* [The Cradle of Lightning]. Nal`chik: E`l`brus, 1978. 185 p. (In Karachay-Balkarian)

BABALANY` I. *Tuug`an tashy`m (Kamen` rodiny`)* [The Stone of the Motherland]. Nal`chik: E`l`brus, 1983. 128 p. (In Karachay-Balkarian)

BABALANY` I. *Ara boran (Gnezdov`e vetrov)* [The nest of the winds]. Nal`chik: E`l`brus, 1986. 248 p. (In Karachay-Balkarian)

BABALANY` I. *Igi k`uum (Veruyu)* [I believe]. Izbrannoe. Nal`chik: E`l`brus, 1996. 408 p. (In Karachay-Balkarian)

BABALANY` I. *Izbrannoe: Stikhotvoreniya i poe`my`* [Favorites: poems]. Nal`chik: E`l`brus, 2016. 480 p. (In Karachay-Balkarian)

TOLGUROV Z.X. *Zhanr ballady` v balkarskoj poe`zii* [The genre of ballads in Balkarian poetry]. Nal`chik: Izdatel`skij otdel KBIGI, 2015. 164 p. (In Russian)

Авторну юсюнден информация

Атабийланы А.Д. – филология илмуланы кандидаты, къарачай-малкъар адабият бѐлюмню тамата илму къуллукъчусу.

Информация об авторе

А. Д. Атабиева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

A.D. Atabieva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Literature.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024; одобрена после рецензирования 12.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 14.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья
УДК 398.1+398.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-94-100

БЫТОВОЙ КОНФЛИКТ И КОДЕКС ЧЕСТИ

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

©А.М. Гутов, 2024

Аннотация. Статья посвящена анализу цикла о наезднике, который оказался перед проблемой отношения к заботам исключительно житейского характера. По определению автора, сюжетообразующим фактором цикла является мотив, близкий к распространенной сказочной универсалии о кознях злой мачехи. В условиях системы условностей историко-героического эпоса сюжет оборачивается в оригинальном плане: сталкиваются две разные шкалы духовных ценностей. С одной стороны – кодекс чести наездника-аристократа, не предусматривающий вступления истинного воина в бытовые конфликты и требующий сакрального отношения к женщине, с другой – эгоцентризм властной женщины, ослепленной своими личными проблемами и не обременяющей себя никакими этическими условностями в борьбе с пасынком. Коллизия не имеет мирных путей разрешения и заканчивается физической гибелью противостоящих сторон. Устанавливаются варианты песни и сказания, а также характер взаимосвязи поэтического и прозаического компонентов эпического цикла.

Ключевые слова: Эпос, цикл, конфликт, кодекс чести наездника, жанр
Для цитирования: Гутов А.М. Бытовой конфликт и кодекс чести // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 94–100. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-94-100

Original article

DOMESTIC CONFLICT AND CODE OF HONOR

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

©А.М. Gutov, 2024

Abstract. The article is devoted to the analysis of the cycle about a rider who faced the problem of attitude to exclusively everyday concerns. According to the author, the plot-forming factor of the cycle is a motif close to the widespread fairy-tale universal about the intrigues of an evil stepmother. In the conditions of the system of conventions of the historical-heroic epic, the plot turns out in an original way: two different scales of spiritual values clash. On the one hand, there is the code of honor of the aristocratic horseman, which does not provide for the entry of a true warrior into everyday conflicts and requires a sacred attitude towards women, on the other hand, there is the egocentrism of a powerful woman, blinded by her personal problems and not burdening herself with any ethical conventions in the fight with her stepson. The collision has no peaceful ways of resolution

and ends with the physical death of the opposing parties. Variants of the song and the tale are established, as well as the nature of the relationship between the poetic and prose components of the epic cycle.

Keywords: Epic, cycle, conflict, horseman's code of honor, genre

For citation: Gutov A.M. Domestic conflict and code of honor. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 94–100. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-94-100

Определение жанра историко-героического эпоса, а также исторической песни представляется для многих исследователей затруднительным. Так, Ф.М. Селиванов замечает, ссылаясь на таких без сомнения авторитетных специалистов как В.Я. Пропп и Б.Н. Путилов, что в русском фольклоре исторические песни «...внешне оформлялись то как былины, то как плачи, то как лирические песни» [Селиванов 1973: 66–67]. Правда, он ведет речь о так называемых «старых песнях», которые утеряли «соотнесенность с современностью». Однако, судя по его рассуждениям, очевидно, что имеются в виду закономерности более широкого масштаба. Фактически аналогичное явление отмечено и в песенном фольклоре других народов Кавказа. С трудностями жанровой дефиниции сталкиваются и исследователи адыгского историко-героического эпоса, где типичным является тандем – песня и поясняющее ее предание [НПИНА 1986: 5–34; Готов 2021: 14–83, 23–222].

Одной из возможных причин, затрудняющих жанровую идентификацию песни, можно признать то обстоятельство, которое Ф.М. Селиванов называет утратой «соотнесенности с современностью». Дело в том, что нередко песня, непосредственно связанная своим рождением с определенным событием и реальными личностями, обычно создавалась по горячим следам явления действительности. Но если с течением времени из памяти людей стирались первопричины ее появления, происходила та самая утрата соотнесенности. Естественно, если песня посвящалась событию большой общественной важности или же личности подлинно исторического масштаба, вероятность отрыва от конкретного исторически важного явления бывала не столь высока. Но в случае, когда герой песни и сказания – это лицо не общезначимого масштаба, да и само событие можно назвать в большей мере частным, бытовым, нежели представляющим интерес с точки зрения общественной жизни, утрата привязки цикла к конкретному лицу и событию оказывается наиболее вероятной. Было бы несправедливо утверждать, будто подобный путь эволюции является единственно возможным, но есть основания признать в данном случае наиболее высокую вероятность такого хода событий. Как правило, героический эпос – явление, подчеркнуто социально ориентированное, в нем всегда на первом плане интересы всего общества. Поэтому в нем всегда высок уровень идеализации героев, характеров поступков. Отсюда самые исторически значимые персонажи изображаются в фольклорно-типизированном преломлении. Этим обусловлено то, что фактически всегда можно видеть долю расхождений между реальной личностью (прототипом песенного героя) и событием с одной стороны и их фольклорным отражением – с другой, несмотря на мемориальный, утилитарный характер исходной функции произведения. Между тем, когда в центре внимания находится такое важное для всего общества событие как конкретное решающее сражение, всенародное бедствие или же повествование о подвиге исторически значимой личности, оторвать явления от реальной действительности и предельно типизировать образы и ситуации должно быть достаточно сложно. И, напротив, если по своим масштабам событие и личность не представляются общезначимыми для судеб целого общества, то оно легче подпадает под стереотипизацию, к чему фольклор стремится по своей природе. В данном случае имеется в виду подведение конкретных явлений и образов реальных лиц

под определенные стандартные ситуации и типические образы, сложившиеся в фольклоре – обычно вследствие их повторяемости.

В адыгской устно-поэтической традиции это имеет свою особенность благодаря тому, как известно, что песня историко-героического плана обычно имеет сопровождающее ее прозаическое предание, благодаря чему ее текст не всегда нуждается в наличии развернутого сюжета, а это дает свободу для проникновения лирических элементов в эпический текст [Гутов 2021]. Более того, если под термином *эпический* иметь в виду повествовательное начало, то некоторые песни, традиционно относимые к данному жанру, не всегда вполне соответствуют такому определению. В сочетании с потенциальным отдалением содержания песни от конкретной ситуации эпика и лирика образуют некое эстетически органичное единство. Уместно будет заметить, что одна из особенностей лирической поэзии как таковой заключается в том, что со стороны общества интерес к явлению «частного», а быть может внутрисемейного или личностного характера, оказывается несколько не ниже, нежели к произведению, возникшему как резонанс на громкое социально значимое событие. В этом плане показательна в адыгском фольклоре одна значительная по количеству группа песен и сопровождающих их преданий, посвященная проблемам не столько выраженно социально значимым, сколько личностным, но при этом сохраняющаяся в устном обиходе не менее ревностно, чем многие циклы, которые посвящены важным для всего общества событиям и личностям. Объяснить данное явление только особым вниманием носителей традиционного коллективного сознания к судьбе и переживаниям личности будет не совсем справедливо, хотя оно отчасти тоже имеет место. Одна из причин, как мы полагаем, заключается в особенности общественного сознания: в нем интерес к превратностям судьбы отдельного человека органически сочетается с тем, как сложившиеся в обществе и освященные веками этические императивы соблюдаются в реальной жизни.

Одному из примеров того, как в уникальной жизненной ситуации подлинный рыцарь-наездник стойчески соблюдает кодекс чести, при этом ничем не запятнав своего имени, не опорочив никого из виноватых или безвинных и не проявив естественной для человека слабости, посвящены песня и предание о наезднике Жаниболате из рода Ерча.

Суть истории данного героя в большей мере бытовая, нежели поистине героико-эпическая. Жаниболат, славный наездник и идеальный носитель этикета, в свое время рано лишился матери, а от второй жены отца, Андола-гуаши, у него было девять сводных братьев. Они выросли никчемными и бестолковыми, и это обстоятельство пробуждало ярую ненависть к нему со стороны мачехи. Став полновластной хозяйкой в доме, она неустанно устраивала козни против ненавистного пасынка. Однажды она устроила своим сыновьям и Жаниболату испытание на чуткость к ней самой, но внимание и заботу в сложной ситуации проявил только пасынок. Однако это пробудило в ней только еще большую ненависть, и она подговорила сыновей, чтобы они ночью ворвались к нему в комнату и убили его. Предупрежденный о таких намерениях, герой избегает гибели и выставляет своих неблагодарных братьев на позорище, но никак не унижает мачехи. Это также не останавливает коварную женщину, она продолжает строить против него козни, к тому же жалуется своим братьям, Темезовым, якобы он всячески отравляет жизнь ей и ее сыновьям. Чтобы Темезовы сами убедились в том, кто поистине виноват, Жаниболат деликатно приглашает их к себе погостить, но с условием, что они ни при каких обстоятельствах не откроют своих лиц сестре. Он поселяет их в тайном помещении, чтобы никто их не обнаружил, и сам обращается к мачехе с просьбой, чтобы в его вынужденное отсутствие она позаботилась о тайных и очень дорогих для него гостях. Братья Темезовы слышат этот разговор, они также видят, как пасынок их сестры заготавливает для них богатую провизию, для их лошадей –

достаточно корма. С этим он уезжает, отсутствует некоторое время, а по возвращении застаёт своих гостей в плачевном состоянии, неухоженными и голодными, их же коней – не кормленными и не поенными. Тогда-то он берет музыкальный инструмент шикапшину и, наигрывая на ней, в песне сообщает Андоле, что у него были за гости, с которыми она так жестоко обошлась. Братья, разгневанные на свою сестру, хотят ее убить в наказание за бесчеловечность, но за нее заступается Жаниболат, заявив, что его целью было не наказание женщины. Он просто хотел, чтобы те знали, кто поистине прав, а кто виноват. Будучи умелым воином, обладая силой и возможностями расправиться с любым врагом, герой стойко переносил все козни коварной женщины, не выдавая ничем своего недовольства и не опускаясь до явного противостояния и препирательств с ней.

Развязка такой коллизии могла быть только трагической или, по меньшей мере, драматической. По одной версии, неумная Андола натравила на героя или своих сыновей, или некое наемное войско, в результате чего тот получил тяжелые ранения. Он был доставлен к себе домой и лежал в хачеше – помещении, предназначенном для гостей, но также используемом для собрания соседей и знакомых. Узнав о том, что Жаниболат может вот-вот умереть, мачеха не могла отказать себе в удовольствии увидеть его беспомощное положение. Услышавший о ее намерении герой встал, напрягая последние силы, оделся и встретил ее стоя, при полном вооружении. От неожиданности Андола споткнулась о порог комнаты, упала и испустила дух. Жаниболат тут же распорядился, чтобы ему сшили мягкую обувь с бумажными подошвами, надел их и заставил водить себя по комнате, пока подошвы не истерлись. Только этим жестом – тем, что после нее он износил хотя бы пару обуви, – он показал меру своей нелюбви к жестокой мачехе.

Полный вариант цикласказания и песни был впервые опубликован в записи К.М. Атажукина в русском переводе [ССКГ 1872: 40–48]. Для данного цикла эта публикация первая и одна из наиболее полных. Вместе с преданием даны два варианта песни, которые собиратель считает даже не вариантами, а самостоятельными произведениями, одно из которых сложил сам герой (по преданию – по возвращении домой, застав братьев Темезовых в плачевном состоянии), другое после его кончины, как надо полагать, – или близкими, или же песнетворцами-джегуако. В XX в. сказание и песня записаны и опубликованы несколько раз. В издании адыгских народных песен, составителем которого является один из уникальных знатоков родного фольклора, неутомимый собиратель и публикатор З.П. Кардангушев, помещено обстоятельное сводное изложение сюжета предания, а также указано имя информанта, от которого сам собиратель впервые услышал и песню, и предание [Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 71, 190–192]. Вариант песни с изложением фабулы предания напечатан в музыкальном издании [НПИНА 1990: 14–17]. В антологическом издании адыгского фольклора помещены два текста, уникальные тем, что это звукозаписи преданий. Первый из них был записан в 1972 г. З.П. Кардангушевым; в нем отсутствует начальная часть повествования, потому что, по всей видимости, собиратель включил магнитофон уже в середине рассказа [Жаниболэт-I]. Второй – наша запись во время экспедиции 1984 г. Информант страдал приступом астмы, постоянно задыхался и поэтому не был в состоянии изложить сказание достойным образом, но все же, соблюдая правила гостеприимства, не захотел, как он сам выразился, «отпустить нас с пустыми руками», поэтому его вариант тоже более похож на пересказ, нежели на исполнение [Жаниболэт-II].

Все известные варианты сказания совпадают в основных деталях, расхождения отмечаются в отдельных фрагментах, но не в мотивировках действий. То же самое относится и к поэтической части цикла, которых не так много: тексты, опубликованные в указанных выше научных изданиях настолько близки друг к другу, что, скорее всего, это разные публикации одного варианта. Достоинно внимания, что и в русском переводе из публикации К. Атажукина 1872 г. целые обороты речи по

смыслу довольно близки адыгскому тексту, записанному чуть ли не целое столетие спустя. Так, почти как дословный перевод воспринимаются следующие фрагменты:

Текст З. Кардангушева (публ. 1979 г.):

Ар, Жэниболэт гущэмэ и закьуэт,
Уэ, и закьуэ щхьэкIэрэ закьуащэт...

*Ар, Жаниболат, гуша, одинок был,
О, одинок был совершенно одинокий...*

Ра, Андолэ гуащэри си егьути,
Зэкьуэзэшибгьури тхьэщишэт...

*Ра, Андола-гуаша мне врагом была,
Девять братьев напористыми были...*

Уэр, Тэмаз и кьуищ гущэри си хьэщIэт...
Ор, Темаз три гостя мои...

Яш гущэхэр хьэуазэмкьегьэгьуи,
Езы гущэхэр хьэщIэщ нэщIьжкьым щIогьухьыр.

*Кони их от соломы иссыхают,
Сами они в пустом хачеше сохнут.*

Вариант К. Атажукина (Разбивка на строки наша – А.Г.):

Жанболат одинок, –
чужой между своим семейством...
Княгиня Андола мой враг;
Бог дал мне девять негодных братьев.
Три брата Темезовы мои гости
(да потопится кунацкая в крови!),
в ней они высохли, не евши;
кони же их изнурялись на одной соломе.

Почти дословные совпадения в текстах, записанных в разное время и в разных местностях от разных исполнителей очевидны. В то же время важно и другое: в первой записи есть упоминания о явлениях, которые в позднейшей записи отсутствуют или, что вероятнее, утрачены. В свою очередь, и в кардангушевском варианте есть детали, отсутствующие в тексте К. Атажукина. Примечательна в нем оригинальная тирада, в которой от имени героя с сарказмом осмеиваются незначительные девять братьев:

Они с неба луну срывают; кинту (врагу – А.Г.) путь преграждают. Не ездивши на хуара (конь чистокровной породы – А.Г.), покушаются сделать нападение; не носивши мау (щит – А.Г.), гордятся; не убивши ни одного оленя, – хорошие стрелки, не привозя добычи, – хорошие наездники. Удалые мои братья...»

Вторая песня, как следует ее называть, судя по содержанию, не дошла до нас в живом исполнении, и запись К. Атажукина – ее единственный вариант. Тем не менее, она также содержит упоминания о событиях, которые трудно понять без знания ситуативного контекста, изложенного в предании, хотя в ней значительное место занимают мотивы величания, характерные для мемориальных песен, которые обычно сочиняются по смерти того, кому они посвящены. Это позволяет признать вероятность сообщения о том, что она была сложена после кончины героя. Таким образом, при всех расхождениях в содержании, обе песни посвящены одному лицу и одним и тем же событиям. Кроме того, их объединяет еще одно свойство:

тексты песен настолько своеобразны, что понять их содержание можно только при знании ситуативного контекста, который их породил. Без такого знания информативная составляющая текстов превращается в калейдоскоп фрагментов, не всегда связанных один с другим. И только на фоне информации, последовательно излагаемой в предании, становится доступным для эстетического и даже элементарного логического восприятия смысл упоминаний и одиночества героя, и коварства его мачехи, в руках которой девять бестолковых братьев становятся слепым орудием. Функционально прозаический нарратив призван поведать о стойкости духа истинного наездника, не роняющего своей чести ни при каких нелепых и сложных обстоятельствах, а песня – воспеть носителя высокой духовности.

Мотив злой мачехи – одна из мировых фольклорных универсалий, более известная как конфликт между жестокой мачехой и беззащитной падчерицей (например, в сказочном эпосе это многочисленные варианты сюжетов о Золушке). На почве историко-героического эпоса данный мотив получает совершенно новое наполнение: мачеха так и остается воплощением зла и коварства, но гонимым оказывается не просто пасынок, но еще и славный наездник, известный своими воинскими доблестями. Но и при таком раскладе герой не в состоянии должным образом защитить себя и наказать зло, потому что именно положение воина-наездника не позволяет ему опускаться до борьбы с женщиной, тем более – с избранницей его отца, а значит номинально замещающей для него родную мать. Он вынужден терпеть безропотно все несправедливости, исходящие от нее, что и приравнивается к деяниям настоящего воина, который призван быть готовым на любую жертву ради соблюдения кодекса чести. Поэтому настоящей победой Жаниболата над жестокой Андола-гуашей является не то, что он физически пережил ее, а то, что ценою жизни сохранил твердость духа.

Список источников и литературы

Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979 – *Адыгэ уэрэдыжьхэр*. Налшык: Эльбрус, 1979. Н. 224 (Адыгские народные песни. Налчык: Эльбрус, 1979. 224 с.).

Готов 2021 – *Готов А.М.* Поэтика и стиль адыгского историко-героического эпоса. Налчык: ИГИ КБНЦ РАН, 2021. 232 с.

Жаниболэт-I – *Жаниболэт и хъыбар* (Сказание о Жаниболате) // Адыгские историко-героические песни и предания. Том второй. Песни и предания раннего периода. Налчык: ИГИ КБНЦ РАН, 2023. С. 559–561. Исп. Куаракуа Тарканова, 1892 г.р., сел. Верхний Акбаш КБАССР. Зап. в сент. 1972 г. З.П. Кардангушев.

Жаниболэт-II – *Жаниболэт и хъыбар* (Сказание о Жаниболате) // Адыгские историко-героические песни и предания. Том второй. Песни и предания раннего периода. Налчык: ИГИ КБНЦ РАН, 2023. С. 561–564. Исп. Анатолий Желетежев, 1924 г.р., сел. Аргудан КБАССР. Зап. 20.09.1984 г. Зап. А.М. Готов.

Налоев 1986 – *Налоев З.М.* Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986, с. 34.

НПИНА 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 488 с.

Селиванов 1973 – *Селиванов Ф.М.* О специфике исторической песни // Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. С. 52–67.

ССКГ 1872 – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис: 1872. Народные сказания кавказских горцев. Кабардинская старина. С. 40–48.

References

Ady`ge` ue`re`dy`zh`xe`r. *Nalshy`k*: E`l`brus, 1979. N. 224 (*Ady`gskie narodny`e pesni*) [*Adyge folk songs*]. *Nal`chik*: E`l`brus, 1979. 224 s.). (In Kabardino-Circassian)

GUTOV A.M. *Poe`tika i stil` ady`gskogo istoriko-geroicheskogo e`posa* [Poetics and style of the Adyghe historical and heroic epic]. Nal`chik: IGI KBNCz RAN, 2021. 232 s. (In Russian)

Zhanibole`t i x`y`bar (Skazanie o Zhanibolate) // *Ady`gskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya*. Tom vtoroj. *Pesni i predaniya rannego perioda* [Adyghe historical and heroic songs and legends]. Nal`chik: IGI KBNCz RAN, 2023. S. 559–561. Isp. Kuarakua Tarkanova, 1892 g.r., sel. Verxnij Akbash KBASSR. Zap. v sent. 1972 g. Z.P. Kardangushev. (In Kabardino-Circassian)

Zhanibole`t i x`y`bar (Skazanie o Zhanibolate) // *Ady`gskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya*. Tom vtoroj. *Pesni i predaniya rannego perioda* [Adyghe historical and heroic songs and legends]. Nal`chik: IGI KBNCz RAN, 2023. S. 561–564. Isp. Anatolij Zheletezhev, 1924 g.r., sel. Argudan KBASSR. Zap. 20.09.1984 g. Zap. A.M. Gutov. (In Kabardino-Circassian)

NALOEV Z.M. *Geroicheskie velichal`ny`e i plachevy`e pesni ady`gov* // *Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov*. T. III. Ch. 1. [Heroic majestic and lamentable songs of the Adygs]. M.: Sovetskij kompozitor, 1986. S. 34. (In Russian and Kabardino-Circassian)

Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov. T. III. Ch. 2. [Folk songs and instrumental tunes of the Adygs]. M.: Sovetskij kompozitor, 1990. 488 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

SELIVANOV F.M. *O specifike istoricheskoy pesni* [About the specifics of a historical song] // *Specifika fol`klorny`x zhanrov*. M.: Nauka, 1973. S. 52–67. (In Russian)

Sbornik svedenij o kavkazskix gorczax [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Vy`p. VI. Tiflis: 1872. *Narodny`e skazaniya kavkazskix gorcev*. Kabardinskaya starina. S. 40–48. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 23.11.2024; одобрена после рецензирования 22.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 23.11.2024; approved after reviewing 22.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 398.87

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-101-108

ПОЭТИКА СЮЖЕТА СКАЗАНИЯ В МЛАДШЕМ ЭПОСЕ

Ляна Адамовна Гугова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0003-3072-2234>

© Л.А. Гугова, 2024

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей образования сюжета в предании историко-героического цикла в адыгском фольклоре. Устанавливается, что основу повествования в нарративах данного жанра составляют мотивы и сюжетные элементы, с наибольшей полнотой соответствующие характеру мировосприятия традиционного адыгского общества, в котором эволюционный процесс характеризуется мощным влиянием раннефеодальных отношений с их обостренным вниманием к тонкостям этикета и культом славы. Наряду с этим в ткани повествования важную роль играют мотивы, которые возникли как продукты художественного отражения реальности ранних форм организации общества с особенностями языческих представлений выраженных в мифологических нарративах и архаическом эпосе. Эти компоненты оказались настолько жизнеспособными, что не только сохраняются в изменившихся условиях, но даже могут иногда составлять ядро эпического нарратива или же его важную составляющую. Однако они аккумулируются структурой нового жанра, благодаря чему сочетание разностадиальных компонентов формирует сюжет как единое художественно организованное целое при эстетическом, тематическом и стилевом доминировании системы мировосприятия человека ранней и относительно высокой стадии феодализма. В этом заключается одна из важных особенностей историко-героического эпоса как жанрового образования.

Ключевые слова: мифология, эпос, стадийное положение, нарратив, жанр, мотив, сюжет

Для цитирования: Гугова Л.А. Поэтика сюжета сказания в младшем эпосе // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 101–108. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-101-108

Original article

POETICS OF THE TALE PLOT IN THE YOUNGER EPIC

Lyana A. Gutova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0003-3072-2234>

© L.A. Gutova, 2024

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the formation of the plot in the legend of the historical-heroic cycle in the Adyghe folklore. It is established that the basis of the narration in the narratives of this genre are the motives and plot elements that

most fully correspond to the nature of the worldview of the traditional Adyge society, in which the evolutionary process is characterized by the powerful influence of early feudal relations with their heightened attention to the intricacies of etiquette and the cult of glory. Along with this, an important role in the fabric of the narrative is played by motives that arose as products of the artistic reflection of the reality of early forms of social organization with the peculiarities of pagan ideas expressed in mythological narratives and archaic epics. These components turned out to be so viable that they not only persist in changed conditions, but can even sometimes constitute the core of the epic narrative or its important component. However, they are accumulated by the structure of the new genre, due to which the combination of different-stage components forms the plot as a single artistically organized whole with the aesthetic, thematic and stylistic dominance of the worldview system of a person of the early and relatively high stage of feudalism. This is one of the important features of the historical-heroic epic as a genre formation.

Keywords: mythology, epic, stage position, narrative, genre, motive, plot

For citation: Gutova L.A. Poetics of the plot of the tale in the younger epic. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 101–108. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-101-108

Каждая форма социального устройства способствует возникновению в фольклоре тех или иных характерных мотивов и сюжетов. Примечательно, что со сменой породившей их социальной формации далеко не все из них исчезают, а многие адаптируются к изменяющимся обстоятельствам и остаются в устной традиции, тем самым образуя составную часть связующих элементов этнической культуры и накапливаемого эстетического потенциала, в том числе вербального. Они обладают способностью приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам (или же подчинять их себе), сохраняя при этом атрибуты своего происхождения, а также с очевидностью привлекая к себе интерес со стороны общества, чем и стимулируется их устойчивость в устной традиции. По данной причине между разностадиальными фольклорными произведениями и смежными жанрами оказываются неизбежны диффузионные или же преемственные отношения. Так, например, некоторые мотивы и основанные на них элементарные сюжеты, возникшие еще в недрах древнейших верований как конкретная форма актуализации первобытных языческих представлений, бывают способны преодолевать формационные барьеры. Это проявляется в различных жанрах фольклора, в том числе в архаическом эпосе, в богатырской сказке, в эпосе историко-героическом как явлении значительно более позднем, на что обращалось внимание [Гутов 2022]. Такое явление может быть связано с целым рядом факторов, в их числе, например, этноязыковая культура среды бытования, степень популярности цикла в данной группе общества, способность самой фольклорной единицы сохранять интерес к себе со стороны общества, индивидуальные особенности исполнителя. Явление, сложившееся в художественной системе определенного жанра и конкретной эволюционной стадии, несет родовые свойства среды возникновения, а помимо того и признаки тех социальных обстоятельств, которые в наибольшей степени способствовали его зарождению и формированию. Но оно же опирается в значительной мере и на элементы, которые сохраняются от предыдущих поколений посредством аккумуляции в фольклоре. Органическое соединение новаций и традиций неизменно порождает новое произведение и обеспечивает эволюцию, взаимодействие и преемственность между различными жанрами фольклора. В этом отношении весьма интересно, как нам представляется, рассмотреть, какие составные части могут активно способствовать созданию произведения, которое относится к историко-героическому эпосу, возникшему сравнительно позднее, чем такие традиционные жанры как богатырская или волшебная сказка, древний эпос о богатырях-нартах и, разумеется, мифологические нарративы.

Для конкретного изучения мы выбрали одну из многочисленных записей предания из цикла о старшем Ешаноко и его сыновьях. Это текст, опубликованный во втором томе издания «Адыгэ Гуэрыуатэхэр» («Адыгский фольклор») под

названием «ЕщІэнокъуэхэ я таурыхъ» (Сказание о Ешанокowych»), записанный собирателем Хажисмелем Жекамуховым в 1956 г. у сказителя Османа Сокурова из сел. Арик Терского района КБАССР [Адыгэ ... 1969: 132–137]. В данном варианте, налицо комплекс сюжетных ходов, порожденных разными мотивами. В ряде случаев можно с уверенностью говорить о контаминации. Некоторые эпизоды представляют собой нечто наподобие редуцированного свода относительно самостоятельных сказаний из многосюжетного цикла об истории отца и сыновей рода Ешанок. Но в данной записи она настолько искусная, что повествование воспринимается как единое эстетически организованное целое. Помимо того, в таком сочетании компонентов рассматриваемый текст – явление довольно редкое, чем и вызван наш интерес к ней.

Для установления всех элементов, которые мы собираемся рассмотреть, будет целесообразно изложить фабулу рассматриваемого варианта. Слух о благородном наезднике Кубати (в других вариантах чаще герой носит имя *Атаби*) Ешанок расходится по всему краю, и это задевает самолюбие другого наездника, некоего Дагужа Куйцукоко, одержимого гордыней и непомерными амбициями. Поэтому он не может примириться с тем, чтобы кто-то иной был более славен и более почитаем в народе, чем он сам. В своем стремлении как можно больнее задеть самолюбие Кубати, Дагуж решается на жестокий поступок: похищает и убивает подростка, младшего брата своего визави, а труп прячет в укромном месте, чтобы поиски и переживания продлились как можно дольше. После поистине долгих тщетных поисков пропавшего брата Кубати останавливается на отдых у могильного камня нарта Архашау, отпускает коня пощипать траву, а сам засыпает. По сути, сон в данном случае – это посещение загробного мира, в котором герой оказывается в статусе гостя у нарта Архашау, выступающего в роли хозяина-бысыма. В это время у обитателей мира умерших устраивается застолье, и по приглашению посыльного, они вдвоем отправляются туда (В другой версии сказания там славного нарта усаживают не на причитающееся по статусу почетное место, а в самом конце стола. Из еды и питья ему достаются только остатки, передаваемые теми, кто восседает выше. Герой внешне не выказывает удивления, дабы не вмешиваться не в свои дела, но на обратном пути спрашивает своего хозяина о том, почему он оказался в таком унижительном положении. Тот ему разъясняет, то в свое время он остался последним из всего племени нартов, и когда он умер, справить по нему поминки было уже некому. В этом причина того, что в загробном мире у него нет своей достойной доли [Фонотека: 663-ф/28]). От посыльного (в других вариантах от самого бысыма) герой узнает и о судьбе пропавшего брата, и о месте, где спрятано тело мальчика, и имя убийцы. Отыскав тело и совершив положенные похоронные обряды, он поминает отдельно также и нарта Архашау. (В вариантах нарт Архашау, рассказав свою историю, обещает герою раскрыть тайну гибели мальчика. Но это возможно лишь при условии, что Кубати / Атаби по возвращении домой устроит ему поминки и после этого вернется к тому же месту, снова заснет, и тогда получит ответ. Только в благодарность за это обитатель загробного мира может рассказать правду). В рассматриваемом варианте противник сам является к герою и вызывает в совместный поход-зек. Присмотревшись к своему врагу в зек, Кубати убеждается, что в открытом поединке одолеть того он не в состоянии. (По другим версиям, герой отправляется в чужой край, находит там поселение Дагужа и, прикинувшись странствующим наездником или же нищим, нанимается к нему на службу, входит в доверие, дожидается удобного случая для мести). В пути противник, намеренно вызвавший его из дому, ищет формальной причины, чтобы расправиться с Кубати, но тот знает, с кем имеет дело, и поэтому не дает повода для конфликта, без причины же ссориться и убивать не позволяет традиция. Однажды они вместе похищают некую красавицу, которую увозила свадебная процессия, а на обратном пути, на привале враг засыпает, и

тогда-то герой решает осуществить свой давний замысел. Девушка выступает в функции мудрого советчика и подсказывает ему, что даже спящего Дагужа погубить невозможно, так как никакое другое оружие, кроме его собственного, его не возьмет. Кубати следует ее совету, убивает своего врага. После того, как с противником было покончено, он предлагает девушке выбор: он может отвезти ее домой, может вернуть прежнему жениху, может также ввести ее в свой дом, назвав своей сестрой или, наконец, жениться на ней. Девушка выбирает последнее.

Со временем у них рождаются два сына, Озырмес и Темиркан, и далее центральными героями повествования становятся они.

Родственники Дагужа узнают о его судьбе из песни, исполненной заезжими певцами-джегуако на их состязании, которое по традиции устраивалось ежегодно. Они отправляются в Кабарду с намерением отомстить за кровь своего сородича. Используя непреложный закон гостеприимства, они поселяются тайно у близкого Ешанокowym наездника из рода Мартаза. Вначале они, не раскрывая своих истинных замыслов, лукаво заручаются у Мартаза ритуальным взаимным обещанием во всем содействовать друг другу. Когда же цель их появления раскрывается, Мартаза, связанный данным словом, не может преступить его и вынужден невольно стать союзником врагов, то время как с братьями Ешаноко его связывало молочное побратимство, традиционно почитаемое священным. Оказавшись в таком сложном положении, он все же находит способ, чтобы и формально не нарушить данное гостям клятвенное заверение, и в то же время не стать предателем по отношению к близким к себе людям. В результате братья Ешаноко успешно расправляются с незадачливыми мстителями, заодно и примиряются с Мартазой.

Таким образом, сравнительно небольшое повествование вобрало в себя целую цепь событий, и это благодаря тому, что воедино переплелись несколько сюжетов – о кознях Дагужа Куйцукоко, о мести Кубатия, о его женитьбе, о попытке потомков Дагужа отомстить за его гибель, о тонких «дипломатических» способностях Мартазы.

Поступок Дагужа становится завязкой последующих действий. Его конкретная форма объективации, похищение, это одна из фольклорных универсалий, близкая к мотиву исходного вредительства со стороны противника героя [Пропп 2001: 31–34]. Однако если в волшебной сказке антагонист обладает фантастическими свойствами, в предании, система представлений которого базируется на явлениях действительности, похищение мальчика описывается как событие из ряда реальных происшествий. В данном контексте эпизод осложнен еще способом похищения. Как богатырской сказке, так и в преданиях эпизод похищения достаточно хорошо разработан: похититель обычно пользуется доверчивостью жертвы, он застает ее врасплох (например, просит или воды напиться, или подать ему якобы случайно оброненную наземь плетку), в результате подхватывает ничего не подозревавшего человека и уносит. Далее следует другой универсальный эпизод – поиски утраченного. Конкретной формой объективации данного мотива становится еще одна сюжетная универсалия: как это описывается в рассматриваемом нами произведении, – контакт с потусторонним миром и ситуация, близкая к модификации мотива «благодарный мертвец» [Сус 1979: 144]. Временно в центре внимания оказывается персонаж из загробного мира, помогающий герою в благодарность на оказанную услугу. Это также имеет свои особенности. Здесь услугой оказывается устройство поминок, после которых мертвец обретает в загробном мире достойный его высокий статус.

Далее действие разворачивается вокруг мотива кровной мести. Она, как известно, зародилась в ранних формах организации общества и, как у многих народов мира, просуществовала у адыгов не менее, чем до утверждения развитых форм государственности со сводом законодательных уложений и установлением своей судебной системы.

Следующий фрагмент – служба героя у своего врага или же участие в походе вместе с ним (здесь же и похищение девушки, которая впоследствии выполняет функцию мудрого советчика и, в конце концов, становится невестой героя), что органически связано с осуществлением кровной мести. Здесь герою открывается, что противник не может быть поражен никаким другим оружием, кроме его собственного – разновидность мотива неуязвимости, относящегося к числу древнейших мировых мифологических и фольклорных универсалий. Как и в архаическом эпосе, неуязвимость врага или выраженная невозможность победить его в поединке делает оправданным нерыцарский способ расправы с ним. В адыгском фольклоре сочетание мотива неуязвимости и применения героем «нерыцарских» способов в борьбе с врагом широко представлено в архаических нартских сказаниях – о добывании огня нартом Сосруко, о мести Батраза за своего отца и подвиге Ашамеза на тот же мотив [Нарты 1974: 57, 60, 118, 152–153, 355]. В сказании о нарте Сосруко советчиком героя выступает его конь, в вариантах сказания об Ашамезе ему помогает волшебница-жена противника, Тлебыцажея, а в поэме о Батразе поражение врага, Маруко, его же собственным оружием остается без мотивировки. Как мы отметили выше, наезднику Кубати о единственном способе погубить Дагужа сообщает девушка-пленница. Как очевидно, в разных контекстах функция у персонажей – богатырского коня нарта Сосруко, волшебницы-жены Тлебыцажея, девушки из реальной действительности – одна и та же, но ее носители меняются в соответствии с системой представлений жанра.

Эпизод примечателен еще одним обстоятельством, заключенным в диалоге героя и пленницы. На его благородное предложение выбрать вариант дальнейшей своей судьбы девушка рассуждает в русле аристократического образа мыслей: будучи однажды похищенной и возвращенной в родительский дом, она уже не может надеяться ни на достойное отношение со стороны прежнего жениха, ни на иную угодную ей партию в будущем. Быть в качестве названной сестры в чужом доме, где каждое лицо имеет свой социальный статус, тоже ее не устраивает. Поэтому более достойным для нее остается одно – войти в дом Кубати, но не как сестра, а как супруга, но если герой готов к этому. Подобный ход мыслей более всего характерен для мира младшего эпоса, возникшего в классовом обществе с его иерархической системой и строгими этикетными установлениями. Он близок к изысканной манере знатных особ в феодальном обществе, где особенно ценятся тонкие этические жесты и забота о собственном достоинстве и чести. Тем самым в одном сказании даже в одном эпизоде совмещаются довольно органично представления разных эпох.

Сообщением о появлении на свет младших представителей рода Ешаноко завершается одна часть рассматриваемого варианта: козни Дагужа, поиски врага, контакт с загробным миром, месть старшего Ешаноко за убитого брата, женитьба. Далее следует сюжет о попытке родственников Дагужа отомстить за его смерть. Связующим звеном между двумя частями сказания служит эпизод состязания певцов-джегуако, где сказители из Кабарды исполнением песни о старшем Ешаноко раскрывают и тайну гибели Дагужа Куйцукоко и имя того, кто с ним расправился. Это становится завязкой последующих действий; далее события разворачиваются близко к схеме первой части, но со своими коррективами. Узнав правду о гибели своего сородича, родственники убитого, как и Кубати в первой части, считают своим долгом отомстить за него. Они так же, как и Кубати в первой части, прибывают в край своих врагов, братьев Ешаноко, так же находят «помощника». Но, в отличие от действий Кубати, их предприятие заканчивается неудачей. Образуется выраженная параллель, своего рода «зеркальное отражение» событий первой части, но со смещенными акцентами:

– Дагуж совершает злодеяние, а Кубати узнает о нем при содействии «благодарного мертвеца», с помощью умного советчика (похищенной девушки)

находит способ расправиться с обидчиком-злодеем, женится и благополучно заводит семью;

– родственники Дагужа узнают при посредстве певцов-джегуако обстоятельства его гибели и имя убийцы; они отправляются в Кабарду с намерением отомстить, находят себе помощника, но сами погибают в схватке с сыновьями Кубати; а выбранный ими в сообщники Мартаза примиряется с братьями Ешаноко.

Подобного рода «зеркальная» композиция – явление в адыгском фольклоре весьма редкое. Но здесь она со всей выразительностью подчеркивает контраст между благородным исполнением своего долга стороной героя / героев и одиозностью деяний противной стороны.

Сам факт кровной мести (когда она, по мнению общества, справедлива) не осуждается. Более того, одним из принципов кодекса чести является умение отвечать на всякого рода вызовы со стороны противника. Поэтому одной из устойчивых формул в вариантах сказаний рассматриваемого цикла это «ЕщІэнокъуэхэ леймыгъэгъушц» – *Ешаноковы – обид не прощающие*. В вариантах другого сказания такие же славные наездники, братья Кефишевы, наслышанные о том, что Ешаноковы не прощают обид, встретив однажды их престарелую мать в пути, наносят ей знаки вызова, чтобы просто испытать, вправду ли те готовы никому не прощать оскорблений. По некоторым версиям, стороны в конце концов примиряются, но чаще Ешаноковы оправдывают свое прозвище непрощающих: конфликт исчерпывается тем, что братья Кефишевы оказываются сами же жертвами своего дерзкого поступка. Но суть в том, что в их деянии отражены нравы сурового рыцарского времени: не бросить вызова они не могли, ибо рисковали в таком случае утратить ранее обретенную славу [СМОМПК 1881]. То же самое можно сказать и о поступке Дагужа Куйцукоко: если бы уважающий себя наездник, услышав о том, что где-то объявился другой славный воин, не захотел бы бросить ему вызов, он бы мог тем самым лишиться своего авторитета и славы, что расценивалось бы хуже достойной гибели. Таким образом, можно заключить, что поступки, признаваемые нами за дикую жестокость, являются не чем иным, как приметам той эволюционной стадии, через которую прошли фактически все народы, преодолевшие в свое время определенные социокультурные этапы от первобытности до развитого классового общества.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство: герой отправляется мстить за кровь своего брата (долг, исполнение которого обязательно), но вместе с успешным решением этой задачи, он еще привозит невесту. Такая же ситуация описана в сказании о нарте Ашамезе: герой отправляется на поиски кровного врага, находит и расправляется с ним и женится на его супруге [ФА 1979: 113–114, 120, 130–131; НПИНА 1981: 120–122]. В нашем случае герой приводит в свой дом не жену противника, а *девушку*, которую тот похитил, отбив с помощью героя у свадебной процессии. Для средневекового воина-аристократа не могло быть престижным брать в жены чужую жену, другое дело – *непорочная девушка*, да еще отбитая у других людей, увозивших ее к другому жениху. Такой поступок признавался молодецеством, в особенности, если возлюбленную увозили против ее воли к нелюбимому человеку. Правда, инициатива здесь принадлежала Дагужу, но в данном эпизоде функционально едины герой и его противник. А для похищенной девушки одинаково нежеланными были и Дагуж, и безымянный жених, который к ней сватался. Сам факт совмещения мести за кровь с женитьбой героя отсылает нас к архаическому эпосу с его мифологическими истоками, но, как очевидно, такой элемент сюжета оказался уместным и в сказании историко-героического характера.

В рассматриваемом варианте слабо выраженным остаются еще два обстоятельства. Во-первых, противник сам является к герою и вызывает его ехать с ним в поход-зеко, и Кубати без колебаний и ропота тут же отправляется с ним в путь.

Для настоящего наездника было не в правилах даже спрашивать, куда и зачем его зовут, он должен был всегда быть готовым к подобным вызовам. Так, например, нарт Шауей принимает у себя незнакомого гостя, содержит его длительное время, затем отправляется с ним неизвестно куда в качестве подручного, и все это выполняется безропотно [Нарты 1974: 159–163]. Уместно заметить, что сказания о Шауее / Карашауее – один из циклов завершающего периода формирования нартского эпоса, и в нем особенно сильно влияние раннесредневековых этических императивов. Как можно полагать, и обычай покорно выполнять требования гостя, почитаемого с особым старанием, сложился в этой переходной стадии, что и отражено в обоих типах адыгского эпоса – архаическом нартском и средневековом историко-героическом. Ситуация с кодексом гостеприимства повторяется во второй части сказания, когда сородичи Дагужа прибывают к Мартазе и обязывают его стать их помощником. Он, строго блюдя вековые традиции, не волен прямо отказать им в этом, хотя его призывают содействовать в злодеянии против ему же близких людей. Однако же Мартаза находит способ обойти правило. Более того, в свой час он и сам прибегает к обычаю неприкосновенности гостя, пробравшись в дом самих Ешаноко: покуда человек, пусть и самый злостный враг, находится в доме, хозяин не только не волен его трогать, но обязан защищать даже ценою своей жизни. Это один из незыблемых постулатов обычного права, отмеченный многими авторами, посетившими Кавказ в разное время, от XIV–XV вв. до второй половины XIX.

Еще одно обстоятельство – противник не может просто так взять и расправиться с героем, он должен даже самый коварный замысел осуществить «законным образом». Это также черта, «маркированная» эпохой рыцарского типа сознания. Знающий это, Кубати ловко избегает гибели от руки злодея, который также связан императивами кодекса чести.

Подводя итог нашим наблюдениям, есть основания подтвердить на конкретных примерах, что в адыгском фольклоре между историко-героическим эпосом и стадийно более ранними жанрами налицо очевидные преемственные связи. В частности, это проявляется как на уровне сюжета и ответвлений от основной линии, так и на уровне мотива, а также типов и функций отдельных персонажей. Важным обстоятельством оказывается то, что обычно каждый жанр фольклора имеет собственный ракурс отношения к действительности. Отсюда те универсальные сюжетные образования, мотивы и типы героев, которые входят в историко-героическое повествование, не просто механически адаптируются к обстоятельствам, а органически сочетаются с теми атрибутами младшего эпоса как жанра, которые порождены им и полностью подчиняются принципам его функционирования. Только при этом условии возникает возможность говорить о данном феномене как о самостоятельном жанре.

Список источников и литературы

Адыгэ Гуэрыуатэхэр. Налшык: Эльбрус, 1969. Н. 412. Адыгский фольклор. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 1969. 412 с.

Гутов 2022 – *Гутов А.М.* Эволюция архетипической структуры // А.М. Гутов. Поэтическое слово в континууме. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2022. С. 64–73.

Нарты 1974 – Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1974. 416 с.

НПИНА 1981 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. II. Нартские пшинатли. М.: Советский композитор, 1981. 232 с.

СМОМПК 1881 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. II. Отд. 1. С. 27–29.

Пропп 2001 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 200. 192 с.

СУС 1979 – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 438 с.

ФА 1979 – Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX–XX вв. Нальчик: Эльбрус, 199. 404 с.

Фонотека – Фонотека ИГИ КБНЦ РАН, Фонд адыгского фольклора.

References

Ady`ge` Iue`ry`Iuate`xe`r [Adyghe folklore]. Nalshy`k: E`I`brus, 1969. N. 412. Ady`gskij fol`klor. T. 2. Nal`chik: E`I`brus, 1969. 412 s. (In Kabardino-Circassian)

GUTOV A.M. E`volyuciya arxetipicheskoy struktury [The evolution of the archetypal structure] // A.M. Gutov. Poe`ticheskoe slovo v kontinuuime. Nal`chik: IGI KBNCz RAN, 2022. S. 64–73. (In Russian)

Narty`. Ady`gskij geroicheskiy e`pos [Sleds. The Adyghe Heroic Epic]. M.: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury`. 1974. 416 s.

Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov. [Folk songs and instrumental tunes of the Adygs]. T. II. Nartskie pshinatli. M.: Sovetskij kompozitor, 1981. 232 s. (In Russian)

Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus]. Vy`p. II. Otd. 1. S. 27–29. (In Russian) PROPP V.YA. Morfologiya volshebnoj skazki [Morphology of a fairy tale]. M.: Labirint, 200. 192 s. (In Russian)

Sravnitel`ny`j ukazatel` syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka [Comparative index of plots. An East Slavic fairy tale]. L.: Nauka, 1979. 438 s. (In Russian)

Fol`klor ady`gov v zapisyax i publikacijax XIX–XX vv. [Folklore of the Adygs in records and publications of the 19th–20th centuries]. Nal`chik: E`I`brus, 199. 404 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

Fonoteka IGI KBNCz RAN [Library of the IGI KBSC RAS]. Fond ady`gskogo fol`klora. (In Russian and Kabardino-Circassian)

Информация об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024; одобрена после рецензирования 22.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 27.11.2024; approved after reviewing 22.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Научная статья

УДК 398.8

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-109-118

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ: ОБРАЗ НАРОДНОГО ГЕРОЯ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2024

Аннотация. Данная статья посвящена изучению карачаево-балкарских историко-героических песен. Целью работы является исследование жанрового своеобразия фольклорных поэтических произведений, методом сравнительно-сопоставительного анализа дается наиболее полная характеристика происхождения и эволюции образа героя. Делается краткий обзор трудов национальных ученых-фольклористов, благодаря которым изучаемые поэтические тексты систематизированы в соответствии с хронологией событий и персонажей. Особое внимание уделяется изучению образа героя-одиночки. В результате анализа текстов, опубликованных в разных сборниках, а также материалов из архива ИГИ КБНЦ РАН охарактеризованы культурно-исторические факторы зарождения и формирования центральных героев карачаево-балкарского песенного эпоса. Отмечена связь сюжетов историко-героических песен с конкретными лицами и событиями исследуемого этноса. В статье проведен художественный анализ ряда поэтических текстов. Выявлены постоянные эпитеты, используемые для характеристики героев-воинов (*батыр, жигит* «мужественный, героический»), а также их антагонистов (*мурдар* «убийца» и др.). Делается акцент на то, что главные герои в финале исследуемых текстов героически погибают.

Проведенное исследование в будущем даст возможность для более обстоятельного анализа происхождения и изучения художественных особенностей карачаево-балкарских историко-героических песен и может послужить материалом при написании работ сравнительно-сопоставительного характера.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, историко-героические песни, героическая личность, народный герой, образительно-выразительные средства

Для цитирования: Гергокова Л.С. Карачаево-балкарские историко-героические песни: образ народного героя // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 109–118. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-109-118

Original article

KARACHAY-BALKARIAN HISTORICAL-HEROIC SONGS: THE IMAGE OF A PEOPLE'S HERO

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2024

Abstract. This article is devoted to the study of Karachay-Balkar historical-heroic songs. The aim of the work is to study the genre originality of folklore poetic works, the most complete characteristics of the origin and evolution of the hero's image are given by the method of comparative-contrastive analysis. A brief overview of the works of national folklorists is made, thanks to which the studied poetic texts are systematized in accordance with the chronology of events and characters. Particular attention is paid to the study of the image of a lone hero. As a result of the analysis of texts published in various collections, as well as materials from the archive of the IGI KBSC RAS, the cultural and historical factors of the origin and formation of the central heroes of the Karachay-Balkar song epic are characterized. The connection of the plots of historical-heroic songs with specific persons and events of the studied ethnic group is noted. The article provides an artistic analysis of a number of poetic texts. Constant epithets used to characterize warrior heroes (batyr, zhigit "courageous, heroic"), as well as their antagonists (murdar "killer", etc.) have been identified.

The emphasis is placed on the fact that the main characters die heroically in the finale of the texts under study. The conducted research will provide opportunities for a more thorough analysis of the origin and study of the artistic features of Karachay-Balkar historical-heroic songs in the future and can serve as material for writing comparative works.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, historical-heroic songs, heroic personality, folk hero, figurative and expressive means

For citation: Gergokova L.S. Karachay-balkar historical-heroic songs: the image of a people's hero. Vestnik KBIGI = KBVHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 109–118. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-109-118

Историко-героические песни являются одним из основных жанров карачаево-балкарского устного народного творчества. В плане изучения данной темы имеется ряд научных работ, затрагивающих вопросы генезиса, поэтики, композиции текстов обозначенной жанровой разновидности. Несмотря на это, имеющийся фольклорный материал все еще не был подвергнут полному всестороннему анализу, что дало бы совершенную картину формирования и эволюции указанного сегмента народного поэтического искусства карачаевцев и балкарцев, чем и определяется актуальность настоящего исследования, которое имеет целью ввести в научный оборот новые тексты, восполнить пробелы в исследовании устного творчества исследуемого этноса.

Материалом для анализа послужили карачаево-балкарские историко-героические песни, записанные, начиная со второй половины XIX в., извлеченные из сборников методом сплошной выборки, изданные в разное время. В работе также применялись историко-типологический, историко-сравнительный, культурно-исторический методы изучения.

Фактический материал работы может быть использован для сравнительного изучения фольклора народов Северного Кавказа. Результаты могут использоваться при исследовании как карачаево-балкарского устного народного творчества, так и северокавказской фольклористики в целом.

Одним из главных разделов карачаево-балкарского устного народного творчества является песенный фольклор, основное место в котором отводится историко-героическим песням. Эти устные эмоциональные произведения соединяют в себе художественный вымысел и исторические факты. Они содержат информацию о наиболее важных событиях, происходивших в жизни этноса.

Историко-героическая поэзия карачаевцев и балкарцев, так же, как и у других народов Кавказа, воспроизводит художественные воззрения, морально-этические нормы и традиции этноса в определенный этап жизни. По ним можно наблюдать периоды борьбы этих народов с правящими классами, завоевателями и т.д.

Карачаево-балкарские историко-героические песни имеют общие признаки и с другими жанрами фольклора, но их отличает поэтическая форма изложения, жизненная правдивость, монументальность, познавательный сюжет, а также превалирование информативного основания над лирическим содержанием.

Среди ценного научного наследия известных карачаево-балкарских ученых-фольклористов определенное место занимают работы, посвященные исследованию историко-героического фольклора, которые нашли отражение в научных изысканиях – монографиях, диссертациях, статьях, предисловиях к сборникам и т.д. Эти труды начали издаваться уже в 1960–70 гг., и по сей день продолжают выходить в свет новые исследования, научные материалы. В изучении поставленной проблемы отметим работы таких национальных ученых как: А.И. Караева [Караева 1961], Р.А. Ортабаева [Ортабаева 1977], М.А. Хубиев [Хубийланы 1968], А.З. Холаев [Холаев 1981: 21–25], А.И. Рахаев [Рахаев 1988], Ф.А. Урусбиева [Урусбиева 2001: 55–64], М.Ч. Джуртубаев [Джуртубаев 2015 (I том), Джуртубаев 2015 (III том)], Т.М. Хаджиева [Хаджиева 2014: 578–582], Х.Х. Малкондуев [Малкондуев 2000; 2012; Малкондуев 2015], М.А. Джанкезова [Джанкезова 2011], Б.А. Берберов [Берберов 2023], Ж.М. Локьяева [Локьяева 2023] и др.

В своих изысканиях исследователи изучали тексты фольклорных произведений, наличествующие среди субэтнических групп населения карачаево-балкарского народа, собранные в течение многих десятилетий, хранившиеся как в архиве ИГИ КБНЦ РАН, так и в частных фонотеках, опубликованные в различных сборниках. Эти материалы дают всесторонне исчерпывающее представление о версиях поэтических текстов, их сюжетно-тематическом составе и т.д. Данные записи до сих пор используются исследователями как основной источник для изучения произведений карачаево-балкарского устного народного творчества.

Изданные сочинения поэтических текстов открываются предисловием от составителя, произведения здесь распределены по тематическим группам (об исторических событиях и разных героических личностях). Следует отметить, что исторические эпизоды в исследуемых песнях даются эмоциональным, художественным тоном. В данных поэтических произведениях воспеваются героическое начало и конкретные деяния исторических личностей, имевших иногда судьбоносное значение в истории этноса.

Анализируя историко-героический песенный фольклор, фольклористы, этнографы, историки стремятся найти соответствия между эпизодами, изображенными в текстах, и реальными данными об исторических событиях. Следовательно, можно предположить, что ученые проводя обзор песенных произведений, выстраивают их как историческую хронологию, дают названия местностей, где детально прослеживаются развитие событий («*Суукан тарында*» – «В Суканской теснине»), «*Сары къая*» – «Желтая скала», «*Уллу Хож*» – «Большой Хож» и др.), упоминаются имена героических личностей («*Мусойланы Хасан*» – «Мусоев Хасан», «*Къочхарланы Дебош*» – «Кочкаров Дебош» и др.), а также других участников, как установленное историческое событие.

Все это позволяет утверждать, что в историко-героических песнях лирически воплощена историческая память этноса, воспроизведены наиболее значительные события, совершившиеся в народной жизни, зарисованы судьбы прославленных доблестных лиц, сохранившихся в устной летописи народа. Песни имеют «мифологическую основу, отображающую в фантастической, обобщенно-художественной форме далекое прошлое народа, его дух и идеалы, историко-героические песни связаны с реальными событиями, отражают – конкретные исторические факты в жизни народа, воспевают подвиги его героев. Героические и трагические образы, своеобразный стиль изложения, выразительность поэтического языка, многочисленные исторические реминисценции, описание быта и нравов карачаевцев и балкарцев делают историко-героические песни неисчерпаемым источником сведений для филологов, историков, этнографов» [Джанкезова 2011: 3]. Некоторые ученые считают, если песни «умеют рассказывать о народе в целом, о широких процессах, то историческая песня начинает улавливать и различать более конкретные индивидуальные контуры» [Гацак 1967: 15–16]. Что касается историко-героических песен карачаевцев и балкарцев, то фольклорный сюжет в них «настолько

индивидуален, что в каждом произведении воспевается определенный подвиг одного героя, который традиционно завершается трагедией для главного персонажа. Есть и произведения со сложными сюжетно-повествовательными элементами, где воспевается в целом подвиг народа» [Малкондуев 2012: 213]. «Характерными чертами северокавказских «классовых песен» являются: документальная основа, указание достоверных имен, четкие контуры художественного конфликта, элементы критического реализма, антропоцентрический заголовок, одическая идеализация главного героя» [Берберов 2024: 165].

В данной статье наш научный интерес вызывают историко-героические песни, повествующие об отдельных событиях жизни, в центре которого изображена индивидуальная историческая личность – герой-воин, сражавшийся с врагами за свою землю, народ – храбрый воин – защитник обездоленных. Его главная трудность – одиночество.

Народный воин – реальный живой человек, проживающий в определенный исторический период, сохраняющий свое настоящее имя и фамилию. Он в отличие от героев нартского эпоса, не обладает сверхъестественной силой и богатырскими качествами, но при этом как и свой прародитель противостоит полчищу врагов. Именно о таких конкретных героях, о их многочисленных подвигах созданы поэтические циклы по фамилиям: «*Таппасханланы Акъболат*» – «Акболат Таппасханов», «*Хадаужукъланы Жамболат*» – «Джамболат Атажукин», «*Ногъай*» – «Ногай», «*Кереметланы Мухай*» – «Мухай Кереметов», «*Аликкаланы Хажибий*» – «Хаджибий Аликаев», «*Маука*» – «Маука», «*Зауурбек*» – «Заурбек» и др.

Доминирование героической тематики логично для общества, где важным качеством характера мужчины является воинская честь. Героические личности из данных произведений ценой жизни защищали родину, поэтому в горах, рассказывая об этих персонажах, использовали эпитеты *батыр*, *жигит* «герой», что давало высокую оценку воину-защитнику. Например, в песне «*Батырланы жыры*» – «Песня героев» говорится о том, как с разных селений собрались пять «*батыров*», а сказитель является шестым из них:

*Сизге да жюрегимден юлюш этейим,
Сизни бла айланым, таукел берейим,
Узакъ жерледен мен талым келеме,
Кесим кибик **батырланы** излейме*
[АТЖД I 2015: 44].

Для вас отделию часть своей души,
Путешествуя с вами, придам вам решимости,
Из дальних стран, утомившись, я еду.
Себе подобных *героев* ищу

[Здесь и далее, если не указано иное, подстрочные переводы автора – Л.Г.].

*

В историко-героических песнях карачаевцев и балкарцев также широко распространён мотив дружбы, товарищества – *шуйхлукъ*, *негерлик*. Дружья познавались на поле битвы:

*Бешигиз да беш элден а келгенсиз,
Бир биригизден ауур, къаты сермейсиз,
Тенгликни жюрютюрге ант этейик,
Шуйхлукъда жашаргъа сёз берейик.*

*Таулада таш кьоймай, къарыу сынайсыз,
Мен да алтынчы болуп, сизге кьошулдум,*

*Нёгерликде тюз жол бла барайыкъ,
Ол куйюнде берекетни кёрейик*
[АТЖД I 2015: 44].

Вы, пятеро, прибыли из пяти сел,
Один другого тяжелее, разите (мечами) сильнее.
Товарищество хранить, дадим клятву,
Жить в дружбе, дадим слово.

В горах на каждом камне вы испытываете свои силы,
И я, став шестым, к вам присоединился,
Будем идти *товарищами* по верному пути,
В таком роде, изведем изобилие! [Л.Г.].

*

Историческое прошлое кавказских народов было обременено набегами, войнами, из-за чего местным жителям самим приходилось давать отпор врагам. Как уже отмечалось, мужество было главным качеством для героя, которое ценилось во всех участниках. У карачаевцев и балкарцев, как мы уже отметили, бытовало немало песен, в которых описывалось как одному человеку приходилось противостоять превосходящим во много раз силам противника. Мужественные персонажи подобных произведений практически всегда проходили трудности в одиночку или малым числом. Самоотверженный героизм зачастую приводил их к гибели. Например, в песне «*Ногъай*» – «*Ногай*» описывается эпизод противоборства двух мужественных друзей-воинов с многочисленным войском противника. Сражаясь бок о бок друг с другом, они отдали жизни в неравном бою:

*Ол эки батыр да, уой, чаба-жорта кетдиле,
Ала душманланы Тау Артында жетдиле.
Душманла бла да ала ачы къазауат этдиле,
Къая ташлагъа халал къанларын тёкдюле*
[АТЖД III 2015: 68].

Эти два героя, уой, скакали-ехали,
Они врагов настигли (За Горой) в Загорье.
С врагами же они жестоко сразились,
На камни скал свою благородную кровь пролили [Л.Г.].

Известно, что эти трудные исторические времена порождали героев из народа. Поэтому, описывая защитников, певцы использовали восхваляющие их обороты. Что можно отметить в этих строчках, где говорится о пролитой благородной крови («*халал къанлары*») героев, которой они пожертвовали ради справедливости.

Карачаево-балкарский народ всегда чтит традиции и обычаи, что воспевается и в изучаемых песнях. Враги нередко пользовались этим, выдавая себя за гостей, но после того, как им предоставляли кров, вероломно нападали на гостеприимного хозяина. К примеру, в песне «*Зауурбек*» – «*Заурбек*» описывается такой сюжет. Говорится, как однажды ночью в кош Заурбека прибыли люди. Они попросили привязать его собак и обещали не причинять вреда. Характерное для горцев гостеприимство, описанное в данной карачаево-балкарской фольклорной песне, обходительность героя ничем хорошим не закончились. Когда враги вошли в дом с оружием, главный герой дал им отпор, он в одиночку одолел двенадцать врагов. Заурбек принял их как гостей, но расплатой за гостеприимство стала его жизнь:

*Келдиле да: «Уой, Зауурбек,
Мында эсенг, чыкъ! – дедиле, –
Ай, аман а, бери чыгып,
Итлеринги такъ! – дедиле. –
Бир да къоркъма, бизден сенге
Хата жетмез, – дедиле, –
Сенге жангыз бирибиз,
Къол тийирмез!»*, – дедиле

[АТЖД 2015: 100].

*

Подъехали и: «Эй, Заурбек,
Если ты здесь, выходи! – сказали,
Эй, никчемный, выйди сюда,
Привяжи своих собак! – сказали. –
Только не бойся, от нас тебе
Вреда не будет, – сказали, –
К тебе ни один из нас
И рукой не притронется!» – сказали [Л.Г.].

Основной темой в рассматриваемой песне «становится появление на «сцене» мужественного и самоотверженного индивидуума, который способен противостоять злу, победить своего идейного противника во имя высоких целей» [Берберов 2024: 166]. Эта песня рассказывается от первого лица:

*Ашыгыш чабып барып,
Эшик жанын сакъладым,
Жангыз кесим ол кече
Онэкисин къапладым.*

*Эшик артында сакълап,
Учаларын алгъан эдим,
Кече быланы уруп,
Бир кесек къаннган эдим*

[АТЖД III 2015: 100].

Торопливо побежал
И стал я ждать за дверью,
Сам в одиночку в ту ночь
Уложил двенадцать из них.

Поджидая за дверью,
Разделал их туши,
Ночью их, прикончив,
Немного отвел душу [Л.Г.].

Историко-героические песни были своеобразной устной летописью, и в то же время являлись памятником бесстрашия. Храбрость и отвага ценились во всех. Если героев называли *батырла* «храбрецы, герои», как упоминалось выше, то для описания врагов использовались противоположные эпитеты: *ит* «собака», *итден туугъан* «рожденный от собаки», *тонгуз* «свинья», *мурдар* «убийца» и т.д. В песнях запечатлелись не только мужество, но и трусость, предательство и жестокость, которые в народе осуждалось:

*Биз бош кьоймадыкъ, бош кьоймадыкъ
Жашыугъа марап атаргъа, ой, атаргъа,
Азнорну ёлюгюн хансла ичинде,
Тонгуз мыллыклай, жатаргъа, ой, жатаргъа.*

*Аны ёлюгюн хансла ичинде
Къояллыкъ эдик жатаргъа, ой, жатаргъа,
Къутулуп кетди мурдар,
Къачып Налжик къалада фатаргъа, ой, фатаргъа*
[АТЖД Ш 2015: 219].

*Зря мы не позволили, не позволили
Жашыу, прицепляясь, выстрелить, ой, выстрелить,
Чтобы труп Азнора в траве,
Как труп свиньи лежал, ой, лежал.*

*Его труп в траве
Могли мы оставить лежать, ой, лежать,
Смог спастись убийца,
Убежал в (свою) квартиру в крепости Нальчик*
[АТЖД Ш 2015: 221].

*

Как уже было сказано, в изучаемых песнях особое внимание сосредоточено на борьбе за родную землю, горы. Следовательно, эти высокие воинские качества возвышают воспетых в историко-героических песнях личностей над другими людьми из народа. Некоторые исследователи отмечают, что «Хотя главный герой в песнях представляет собой обобщенный образ людей, рассказчик создает запоминающиеся конкретные отдельные образы несколькими штрихами. Таким образом, мужество «сына Эбекку» («Хасаука») проявляется в его стойкости и мужестве» [Кочкаров 2021: 242]. В песне «Хасаука» исполнитель, призывая народных героев на защиту родины, использует обращения, возвышающие этих людей над врагами. Он называет их *тау асланла* «горные львы»:

*Тау асланла, хазыр болуп чыгъыгъыз,
Жау аскерни женгил-женгил жыгъыгъыз,
Ойнатыгъыз сампалланы, къолланы,
Къызартыгъыз Хасаукада жолланы!*
[АТЖД I 2015: 104].

*Горные львы, выходите, снарядившись,
Вражеское войско быстро-быстро валите наземь,
Играйте кинжалами в руках,
Окрасьте (кровью) дороги Хасауки*
[АТЖД I 2015: 106].

В песне обрисовывается героическая гибель воина, который сражается, истекает кровью, но не сдаётся. В песне «Речь идет о сражении царских войск под командованием генерала Георгия Эмануэля с карачаевским ополчением во главе с олием (верховным князем) Исламом Крымшаухаловым в местности Хасаука. Сражение состоялось 20 октября 1828 г.» [АТЖД I 2015: 109]. Здесь повествуется об одном из героев той битвы Умаре, который удерживал один войско противника, пока не прибыли его друзья. Он не перестал сражаться, пока вражеская пуля не унесла его жизнь:

Батыр Умар, гёжефсинип атлайды,
«Къоркъмагъыз!» – деп, жаугъа къаршы чартлайды,
«Жетигиз!» – деп, нёгерлерин сакълайды,
Атады да, алчыларын къаплайды.

*Окъ тийгенди бизни жигит Умаргъа,
Аман кюнде жер салгъанед чубаргъа,
Керек эдинг быллай кюннге тууаргъа,
Даулет барад кёзлеринги жумаргъа*
[АТЖД I 2015: 104].

Мужественный Умар ступает, словно борец,
«Не страйтесь!» – говоря, навстречу врагу кидается,
«Догоняйте!» – говоря, ждет товарищей,
Стреляет и переднего (врага) укладывает.

Пуля попала в нашего героя Умара,
В недобрый день он оседлал чубарого,
Для такого дня ты должен был родиться,
Даулет идет, чтобы закрыть твои глаза

[АТЖД I 2015: 106].

Таким образом, исследование поэтического фольклора карачаевцев и балкарцев показывает отношение народа к историческим реалиям через свои песни. В историко-героических произведениях описываются события из жизни отдельных личностей в тяжелые для карачаево-балкарского этноса периоды истории. Они содержат оценку прошлых событий и раскрывают чувства человеческих душ.

Воспетые в фольклорных песнях эмоционального содержания подвиги героических личностей из разных социальных слоев несут в себе ценную информацию, сыгравшую немалую роль в сохранении этнического самосознания и поднятии общенародного духа.

Список источников и литературы

АТЖД I 2015 – Алан тарих жигитлик дастаны. Том I. / жарашдыргъан, ал сёзю бла тафсирлерин жазгъан Джуртубайланы М.Ч. Нальчик: ООО Телеграф, 2015. 398 б. (Аланский историко-героический эпос. Составление, предисловие и комментарии М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: 2014. 398 с.). На кар.-балк. и русс. яз.

АТЖД III 2015 – Алан тарих жигитлик дастаны. Том III. / жарашдыргъан, ал сёзю бла тафсирлерин жазгъан Джуртубайланы М.Ч. Нальчик: ООО Телеграф, 2015. 399б. (Аланский героико-исторический эпос. Том III. Составление, предисловие и комментарии М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: ООО Телеграф, 2015. 399 с.). На кар.-балк. и русс. яз.

Берберов 2022 – *Берберов Б.А.* Карачаево-балкарская песня: внутрижанровые разновидности и поэтика // *Kavkaz-Forum*. 2022. № 12 (19). С. 19–33. DOI: 10.46698/VNC.2022.19.12.011.

Берберов 2024 – *Берберов Б.А.* Типология конфликта в карачаево-балкарской историко-героической песне // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2024. Т. 26. № 2. С. 161–169. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-2-161-169.

Гацак 1967 – *Гацак В.М.* Восточнороманский героический эпос [Текст]: Исследование и тексты / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1967. 470 с.

Джанкезова 2011 – *Джанкезова М.А.* Карачаево-балкарская историко-героическая песня (генезис, жанровое своеобразие, поэтика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Черкесск, 2011. 23 с.

Караева 1961 – *Караева А.И.* О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1961. 62 с.

Кочкаров 2021 – Кочкаров А.С. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа // актуальные вопросы филологии: теория и практика. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Кр. Карачаевск, 2021. С. 238–243.

Локъяева 2013 – Локъяева Ж.М. Историко-культурное и нравственно-этическое значение карачаево-балкарских историко-героических песен // Электронный журнал «Кавказология» / 2023. № 4. С. 470–480. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-470-480

Малкондуев 2000 – Малкондуев Х.Х. Поэтика карачаево-балкарской народной лирики. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 218 с.

Малкондуев 2012 – Малкондуев Х.Х. «Песня о Баксануке». Повествовательные элементы // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 3 (47). С. 208–213.

Малкондуев 2015 – Малкондуев Х.Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII в.). Нальчик: Печатный двор, 2015. 312 с.

Ортабаева 1977 – Ортабаева Р.А.-К. Карачаево-балкарские народные песни. Черкесск: Карач.-Черкес. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1977. 152 с.

Рахаев 1988 – Рахаев А.И. Песенная эпика Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 168 с.

Урусбиева 2001 – Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарский фольклор (К вопросу о типологии развития жанров) // Урусбиева Ф.А. Избранные труды: очерки, эссе, статьи. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 3–70.

Хаджиева 2014 – Хаджиева Т.М. Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.М.-А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 522–584.

Холаев 1981 – Холаев А.З. Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. С.У. Алиева. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31

Хубийланы 1968 – Хубиев М.А. Къарачай-малкъар совет халкъ джырла Черкесск: Карач.-Черкес. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1968. 186 б. (Карачаево-балкарские советские народные песни. Черкесск: Карач.-Черкес. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1968. 186 с.). На балк. яз.

References

Alan tarih zhigitlik dastany. Tom I. / zharashdyrg'an, al syozyu bla tafsirlerin zhazg'an Dzhurtubajlany M.CH. Nal'chik: OOO Telegraf, 2015. 398 b. (Alanskij istoriko-geroicheskij ehpos. [Alanian heroic-historical epic]. Sostavlenie, predislovie i kommentarii M.CH. Dzhurtubaeva. Nal'chik: 2014. 398 p.). On the kar.-balk. and Russ. languages.

Alan tarikh zhigitlik dastany. Tom III. / zharashdyrg'an, al syozyu bla tafsirlerin zhazg'an Dzhurtubajlany M.CH. Nal'chik: OOO Telegraf, 2015. 399 b. (Alanskij geroiko-istoricheskij ehpos. [Alanian historical-heroic epic] Tom III. Sostavlenie, predislovie i kommentarii M.CH. Dzhurtubaeva. Nal'chik: OOO Telegraf, 2015. 399 p.). On the kar.-balk. and Russ. languages

BERBEROV B.A. Tipologiya konflikta v karachaevo-balkarskoj istoriko-geroicheskoy pesne [Typology of conflict in the Karachay-Balkar historical-heroic song]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2024. T. 26. № 2. P. 161–169. (In Russ.).

GATSAK V.M. Vostochnoromanskij geroicheskij epos [East Slavic heroic epic]. [Tekst]: Issledovanie i teksty / AN SSSR. In-t mirovoj literatury im. A.M. Gorkogo. M.: Nauka, 1967. 470 p. DOI: 10.46698/VNC.2022.19.12.011. (In Russian)

DZHANKEZOVA M.A. Karachaevo-balkarskaya istoriko-geroicheskaya pesnya (genezis, zhanrovoe svoeobrazie, poetika) [Karachay-Balkarian historical-heroic song (genesis, genre originality, poetics)]: abstract of the dissertation ... of candidate of philological sciences. Cherkessk, 2011. 23 p. (In Russian)

KARAEVA A.I. O fol'klornom nasledii karachaevo-balkarskogo naroda [About the folklore heritage of the Karachay-Balkarian people]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. 62 p. (In Russian)

KOCHKAROV A.S. Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda [Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda]. IN: Aktualnye voprosy filologii: teoriya i praktika. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2021. P. 238–243. (In Russian)

LOK'YAEVA ZH.M. Istoriko-kulturnoe i nrvstvenno-eticheskoe znachenie karachaevo-balkarskikh istoriko-geroicheskikh pesen [Istoriko-kulturnoe i nrvstvenno-eticheskoe znachenie karachaevo-balkarskikh istoriko-geroicheskikh pesen]. IN: Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya» / Caucasology № 4. 2023. P. 470–480. (In Russian)

- MALKONDUEV H.H. *Poetika karachaevo-balkarkoj narodnoj liriki* [Poetics of Karachay-Balkarian folk lyrics]. Nal'chik: El'-Fa, 2000. 218 p. (In Russian)
- MALKONDUEV H.H. «*Pesnya o Baksanuke*». *Povestvovatelnye elementy* [«Pesnya o Baksanuke». *Povestvovatelnye elementy*]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. № 3 (47) 2012. S. 208–213.* (In Russian)
- MALKONDUEV H.H. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda (konec XIV–XVIII vekov)* [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkarian people (late XIV–XVIII)]. Nal'chik: Pechatnyj dvor, 2015. 312 p. (In Russian)
- ORTABAEVA R.A.-K. *Karachaevo-balkarskie narodnye pesni* [Karachay-Balkarian folk songs]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1977. 152 p. (In Russian)
- РАНАЕВА А. *К "arachaj-malk" ar istoriyaly halk" zhyrla* [Karachay-Balkarian historical folk songs]. IN: *Shuyohluk. 1980. № 3. P. 95–100.* (In Balk.) Электронный журнал «Кавказология» / *Caucasology № 4 / 2023.*
- РАНАЕВ А.И. *Pesennaya epika Balkarii* [Song epic of Balkaria]. Nal'chik: El'brus, 1988. 168 p. (In Russian)
- URUSBIEVA F.A. *Karachaevo-balkarskij fol'klor (K voprosu o tipologii razvitiya zhanrov)* [Karachay-balkarian folklore (On the issue of typology of development of genres)]. IN: URUSBIEVA F.A. *Izbrannye trudy: ocherki, esse, stat'i* [Selected works: essays, articles]. Nalchik: El'brus, 2001. P. 3–70. (In Russian)
- HADZHIEVA T.M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. M.: Nauka, 2014. P. 522–584. (In Russian)
- HOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: *Ocherki istorii balkarskoy literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. Nalchik: El'brus, 1981. P. 13–31. (In Russian)
- HUBIEV M.A. *К "arachaj-malk" ar sovet halk" dzhyrla* [Karachay-Balkarian Soviet folk songs]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1968. 186 p. (In Karach.).

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector Karachay-Balkarian Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 12.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статьи, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. **ТИП СТАТЬИ** (научная статья, обзорная статьи, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. **ИНДЕКС УДК** (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. **ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ** на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. **ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)** располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзацного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта .

ПРИМЕР:

Иванович Иванов¹, Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов^{1✉}, Петр Петрович Петров²

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ivanov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.» (Abstract.).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «Ключевые слова:» (“Keywords:”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКНКА [АБКНКА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и

писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М.* Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezkhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
10,9

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 300

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*